A 245/277

А 2 12
277

ПРОФЕССОРЪ БЁМЪ-БАВЕРКЪ.

ТЕОРІЯ КАРЛА МАРКСА

и

ЕЯ КРИТИКА.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ ПЕРЕВОДЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

П. И. Георгіевскаго

Ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Юридическаго факультета
Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Отъ редактора. V

Предварительныя замѣчанія автора. XI

Глава I. Теорія цѣнности и добавочной цѣнности . . 1

» II. Теорія средней нормы прибыли и цѣнъ производства 12

» III. Вопросъ о противорѣчіи. 22

» IV. Ошибка въ системѣ Маркса, происхожденіе ея и ея развѣтвленія. 63

» V. Апологія Вернера Зомбарта. 107

ОТЪ РЕДАКТОРА.

На западѣ значеніе Маркса для экономической науки (а мы только этой стороны и касаемся въ данномъ случаѣ) уже вполнѣ опредѣлилось: научная несостоятельность его теоріи общепризнана, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго ученаго, который продолжалъ бы еще держаться его теоріи. У насъ, въ Россіи, къ сожалѣнію, дѣло стоитъ иначе. Патентованные представители экономической науки, имена которыхъ пользуются у насъ, безспорно, наибольшей популярностью (можетъ быть, независимо отъ того, что они,—а, можетъ быть, именно потому, что они), являются проповѣдниками трудовой теоріи цѣнности, теоріи, цѣликомъ позаимствованной ими у Маркса, безъ того чтобы они, хотя что-нибудь, къ ней прибавили, или, хотя въ какой-либо части, ее развили; безъ того, чтобы опровергли хотя какое-нибудь изъ тѣхъ существенныхъ возраженій, которыя въ отношеніи къ этой теоріи были сдѣланы учеными на западѣ. Такимъ образомъ, не оказавъ содѣйствія этой теоріи ни въ положительномъ, ни въ критическомъ отношеніи, они точно увѣровали въ Маркса и застыли на томъ, что онъ провозгласилъ 30 лѣтъ тому назадъ. Ихъ, очевидно, приходится отнести къ числу тѣхъ послѣдователей теоріи, о которыхъ извѣстный экономистъ, берлинскій профессоръ, Адольфъ Вагнеръ, говоритъ, что для нихъ

соціализмъ изъ ученія обратился въ вѣрованіе, которое они признаютъ и проповѣдуютъ, несмотря ни на какія доказательства его научной несостоятельности; они твердятъ: credo, quamquam и даже credo quia absurdum est.

Мало того, у насъ даже оказалось возможнымъ сперва устное,—на одномъ диспутѣ въ университетѣ,—а затѣмъ и печатное утвержденіе («Журн. Юрид. Общ.», декабрь 1894 г., стр. 54), будто только что упомянутый А. Вагнеръ, Шеффле (едвали не наиболѣе выдающійся экономистъ въ настоящее время) и Ковэсъ (профессоръ полит. экономіи въ парижскомъ университетѣ) суть сторонники трудовой теоріи цѣнности!!? Конечно, только при полномъ научномъ невѣжествѣ или завѣдомо неправильно мыслимо утверждать что-либо подобное. Тѣмъ болѣе странно подобное утвержденіе со стороны лица, получившаго (въ Москвѣ) ученую степень и подписывавшагося въ печати «профессоромъ» (?).

Въ предисловіи къ моей полит. экономіи (2 изд., ч. II, вып. 1 и 2), я привожу цитаты, изъ которыхъ ясно видно, что эти писатели не только не сторонники трудовой теоріи цѣнности, но прямо объявляютъ ее невѣрной и несостоятельной. Впрочемъ, таковое ихъ мнѣніе всѣмъ (конечно, читавшимъ ихъ сочиненія) извѣстно и никто и нигдѣ не утверждалъ того, что̀ утверждать оказалось возможнымъ у насъ, въ Россіи. Но если могло явиться столь несогласное съ истиной утвержденіе, то могутъ найтись и люди, которые съ довѣріемъ къ нему отнесутся и, даже не полагаясь на авторитетность русскихъ проповѣдниковъ марксизма, все-таки не заподозрятъ правильности ихъ ссылки на иностранные авторитеты и съ довѣріемъ отнесутся къ той теоріи, сторонниками которой объявляются столь авторитетные писатели, какъ А. Вагнеръ, Шеффле и Ковэсъ, имена которыхъ особенно двухъ первыхъ, пользуются и у насъ весьма большой извѣстностью.

Думаю, что, при такихъ условіяхъ, предлагаемая читате-

лямъ въ переводѣ монографія вѣнскаго профессора, Бёмъ-Баверка, можетъ быть особенно полезна въ Россіи.

Мыслящая часть нашего общества, особенно же молодежь, въ исканіи истины будетъ имѣть возможность ознакомиться и съ возраженіями противъ теоріи, зачастую проповѣдуемой имъ въ качествѣ аксіомы. Пусть русскіе марксисты опровергнутъ приведенныя проф. Баверкомъ доказательства научной несостоятельности теоріи Маркса или откажутся отъ ея защиты—за невозможностью; но нельзя долѣе примиряться съ тѣмъ застоемъ въ русской экономической наукѣ, въ которомъ я прямо обвиняю нѣкоторыхъ изъ нашихъ марксистовъ, давно овладѣвшихъ позиціей и для удержанія ея за собой, да, впрочемъ, нерѣдко и вообще, какъ это обнаружилось особенно за послѣднее время, не очень стѣсняющихся въ средствахъ для достиженія какой-либо цѣли.

Самъ Марксъ третьимъ томомъ капитала значительно помогъ своимъ противникамъ; монографія Бёмъ-Баверка, изъ ряда многихъ другихъ, посвященныхъ критической оцѣнкѣ теоріи Маркса, выдвигающаяся на первый планъ по своей объективности, строгой логичности, систематичности и полнотѣ, именно въ виду этихъ качествъ является убійственной для теоріи Маркса. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что у этой теоріи есть прошлое и настоящее, но нѣтъ будущаго. Въ интересахъ истины вообще мы можемъ только пожелать, чтобы поскорѣе устранилось особенно сильно у насъ, въ Россіи, обнаруживающееся это марксистское плѣненіе человѣческой мысли и можно было сказать, что у этой теоріи осталось одно только прошлое, но нѣтъ ни настоящаго, ни будущаго.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ относительно самого перевода.

Редактированіе перевода теоріи Маркса и ея критики, конечно, должно было быть вообще довольно труднымъ, но въ виду, по большей части, неудовлетворительнаго перевода эта

трудность еще значительно возросла. Пусть это послужитъ, хотя нѣкоторымъ, извиненіемъ для редактора въ глазахъ читателя въ случаѣ встрѣчи какой-либо шероховатой фразы, не имѣющей, однако, существеннаго значенія. Въ мѣстахъ, имѣвшихъ такое значеніе, мною обращалось полное вниманіе на возможно точную передачу мысли автора. Не мое, конечно, дѣло судить, насколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить взятую на себя задачу.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчались цитаты изъ Маркса, я провѣрялъ редактированный мною переводъ по русскому печатному переводу. При этомъ, однако, сличеніемъ этого послѣдняго съ нѣмецкимъ текстомъ даже на протяженіи всего нѣсколькихъ страницъ, я убѣдился, что при переводѣ допущены весьма грубыя ошибки, искажающія часто смыслъ фразы или даже лишающія ея всякаго смысла, такъ что с м ѣ л ъ долженъ быть тотъ, кто скажетъ, что, ознакомившись съ Марксомъ въ русскомъ переводѣ, понялъ все, что въ немъ нашелъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Въ т. III, на стр. 129 внизу переводъ вообще не точенъ, но на слѣдующей стр. 130 онъ прямо невозможенъ. Марксомъ взяты для примѣра два рабочихъ, обозначенные римскими цифрами I и II. Кто возьмется понять слѣдующія, къ нимъ относящіяся разсужденія, приписываемыя переводчикомъ Марксу. «Но прибавочныя стоимости для I и II для одинаковаго рабочаго времени были бы одинаковы, или выражаясь точнѣе, такъ какъ и I и II содержатъ стоимость, произведенную въ продолженіе одного рабочаго дня, то, за вычетомъ стоимости затраченныхъ «постоянныхъ» элементовъ, они содержатъ одинаковыя стоимости, изъ которыхъ на одну часть можно смотрѣть какъ на возмѣщеніе средствъ существованія, потребленныхъ при производствѣ, а на другую, составляющую нѣкоторый избытокъ, какъ на прибавочную стоимость». На стр. 133. «Но такъ какъ валовая стоимость товаровъ регулируетъ ва-

ловую прибавочную стоимость, а эта послѣдняя высоту средней прибыли, а потому и общую норму прибыли»..., слѣдуетъ: «высоту общей нормы прибыли». На стр. 111 слово herrschen переведено «преобладаютъ», abgesehen—«независимо», а затѣмъ ниже читаемъ: «Поэтому кажется, будто теорія стоимости несовмѣстима при этомъ съ дѣйствительной дѣятельностью»... при чемъ этимъ послѣднимъ словомъ переведено слово «Bewegung». Нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ другихъ мѣстахъ переводъ былъ лучше, поэтому я не думаю, чтобы было слишкомъ смѣло съ моей стороны утверждать, что понять III томъ Маркса, знакомясь съ нимъ по русскому переводу, едвали возможно. Мнѣ не приходилось сличать первые томы перевода съ оригиналомъ, поэтому не рѣшаюсь утверждать того же и относительно нихъ.

П. Г.

15 Мая 1897 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ АВТОРА.

К. Марксу, какъ писателю, можно позавидовать въ его счастьѣ. Никто не захочетъ утверждать, что его сочиненіе принадлежитъ къ числу легко читаемыхъ и легко понимаемыхъ книгъ. Для большинства другихъ книгъ даже и значительно меньшій балластъ тяжелой діалектики и утомительныхъ въ математическомъ вооруженіи дедукцій оказался-бы непреодолимымъ препятствіемъ для распространенія въ публикѣ. Марксу это не помѣшало сдѣлаться апостоломъ для весьма обширнаго круга лицъ, для которыхъ обыкновенно чтеніе трудныхъ книгъ—вовсе не является ихъ дѣломъ. При этомъ его діалектическая аргументація совсѣмъ не оказывалась безспорно убѣдительной силы и ясности; напротивъ, лица, принадлежащія къ самымъ строгимъ и самымъ достойнымъ мыслителямъ въ области нашей науки, какъ К. Книсъ, уже съ самаго начала сдѣлали теоріи Маркса, конечно, заслуживавшій полнаго вниманія и обставленный вѣскими аргументами, упрекъ, что ей въ самой своей основѣ присущи логическія и фактическія противорѣчія всякаго рода. Такимъ обра-

зомъ сочиненіе Маркса, казалось-бы, легко могло не найти радушнаго пріема ни у какой части публики; у послѣдней вообще,—такъ какъ для нее недоступна его тяжелая діалектика, у спеціалистовъ ученыхъ,—такъ какъ имъ слишкомъ хорошо понятна послѣднял и ея недостатки. Но въ дѣйствительности вышло иначе. Вліянію сочиненія Маркса не повредило даже и то обстоятельство, что его сочиненіе до самой смерти автора оставалось однимъ туловищемъ безъ головы. Обыкновенно, и не безъ основанія, относятся особенно недовѣрчиво къ первымъ томамъ новыхъ системъ. Можно прекрасно излагать общія положенія въ „общей части"; но, имѣютъ-ли они рѣшительную, приписываемую имъ авторомъ, силу, можетъ доказать только цѣльное построеніе системы. при которомъ всѣ эти положенія, послѣ испытанія всѣми отдѣльными фактами, сохранили бы свою силу. И въ исторіи наукъ вовсе нерѣдки случаи, когда вслѣдъ за полнымъ надеждъ и притязаній первымъ томомъ вовсе не появлялся второй томъ, несмотря на жизнь и хорошее здоровье автора, именно потому, что онъ самъ, при дальнѣйшемъ развитіи основной мысли, убѣждался, что она не выдерживаетъ огненной пробы дѣйствительныхъ фактовъ. К. Марксъ избѣжалъ подобнаго недовѣрчиваго отношенія. Масса его приверженцевъ обнаружила на основаніи одного I тома неизмѣримое довѣріе и къ содержанію ненаписанныхъ еще томовъ его системы. Это убѣжденіе „въ кредитъ" въ одномъ случаѣ должно было выдержать особенно сильное испытаніе. Марксъ въ первомъ томѣ училъ, что цѣнность товаровъ основывается исключительно на количествѣ воплощеннаго въ нихъ труда и что, по силѣ этого закона цѣнности, товары должны обмѣниваться между собою по коли-

честву заключающагося въ нихъ труда; далѣе, что получаемыи капиталистами доходъ или добавочная цѣнность есть плодъ эксплоатаціи рабочихъ и что величина добавочной цѣнности стоитъ въ зависимости не отъ величины всего затраченнаго капиталистомъ капитала, а только отъ величины «перемѣннаго», т. е. той части капитала, которая идетъ на выдачу заработной платы, употребляемый же на пріобрѣтеніе средствъ производства, какъ онъ называетъ, «постоянный» капиталъ не можетъ производить никакой добавочной цѣнности. Въ дѣйствительности прибыль на капиталъ пропорціональна в с е м у затраченному капиталу и, какъ то сказаннымъ въ значительной степени обусловливается.— товары въ дѣйствительности обмѣниваются н е въ соотвѣтствіи съ количествомъ воплощеннаго въ нихъ труда. Здѣсь имѣлось такимъ образомъ на лицо противорѣчіе теоріи и фактовъ, удовлетворительное объясненіе котораго казалось едва-ли возможнымъ. Марксъ самъ не могъ не замѣтить этого противорѣчія. Онъ говоритъ: «Этотъ законъ (что добавочная цѣнность стоитъ въ зависимости только отъ перемѣнной части капитала) явно противорѣчитъ основанному на видимости опыту»[1]). Но онъ объявляетъ противорѣчіе кажущимся, разъясненіе его, какъ требующее многихъ промежуточныхъ звѣньевъ, обѣщается имъ въ послѣдующихъ томахъ[2]).

Правда, научная критика считала себя вправѣ съ полною увѣренностью предсказать, что Марксъ никогда не будетъ въ состояніи исполнить своего обѣщанія, такъ какъ противорѣчіе непримиримо, что и старалась

---

[1]) Das Kapital, I, 2 Aufl., стр. 312.

[2]) Тамъ же, стр. 312 и 542.

она подробно доказать; но на массу его сторонниковъ всѣ эти заключенія не произвели никакого впечатлѣнія: одно обѣщаніе Маркса для нихъ значило больше всѣхъ логическихъ доказательствъ. Напряженное ожиданіе возросло, когда въ вышедшемъ уже послѣ смерти Маркса второмъ томѣ его сочиненія не только самой попытки обѣщаннаго разъясненія (которое по плану сочиненія должно было заключаться въ III томѣ) но даже не имѣлось ни малѣйшаго указанія, въ какомъ направленіи Марксъ предполагалъ искать этого разрѣшенія. Но въ предисловіи издателя, Ф. Энгельса, съ одной стороны вполнѣ опредѣленно снова заявлялось, что въ оставшейся послѣ Маркса рукописи разрѣшеніе вопроса дано, а съ другой стороны дѣлался публично вызовъ, прежде всего обращенный къ сторонникамъ Родбертуса, литературнаго соперника Маркса, попытаться, до появленія III тома, своими силами разрѣшить загадку, «какимъ образомъ не только безъ нарушенія закона цѣнности, но скорѣе на основаніи его, можетъ и должна получаться одинаковая средняя норма прибыли».

Я считаю наиболѣе яркимъ проявленіемъ уваженія къ Марксу, какъ мыслителю, то обстоятельство, что на сдѣланный вызовъ откликнулись многіе, притомъ даже и не изъ того круга лицъ, къ которымъ первоначально вызовъ былъ обращенъ.

Не только сторонники Родбертуса, но и марксисты, и даже экономисты, не принадлежащіе къ послѣдователямъ этихъ двухъ главъ соціалистической школы, которые, вѣроятно, Марксомъ были бы названы «вульгарными экономистами», вступили въ состязаніе, пытаясь проникнуть въ предполагаемое сплетеніе окутаннаго тайной хода мыслей Маркса. Въ періодъ съ

1885 г.—появленія втораго тома,—и до 1894 г., когда вышелъ III томъ Капитала Маркса, появилась настоящая литература на премію за разгадку по вопросу о «средней нормѣ прибыли» и объ ея отношеніи къ «закону цѣнности» [1]). Правда, преміи не получилъ ни одинъ изъ соискателей, какъ то рѣшено судомъ теперь уже умершаго Фр. Энгельса въ предисловіи его къ III тому.

Однако, съ сильно замедлившимся появленіемъ этого заключительнаго тома системы Маркса дѣло наконецъ вступило въ стадію окончательнаго рѣшенія. Относительно простого обѣщанія каждый могъ думать по своему усмотрѣнію: обѣщаніе съ одной стороны и доводы—съ другой были до извѣстной степени несоизмѣримыми величинами. Даже успѣхи критики относительно попытокъ разрѣшенія, сдѣланныхъ, по мнѣнію ихъ авторовъ, въ согласіи съ теоріей Маркса, могли оставляться безъ вниманія сторонниками Маркса: не-

[1]) По перечню Лоріа (L'opera Postuma di Carlo Marx, Nuova Antologia fasc. (Februar 1895, p. 18), заключающему и нѣкоторыя мнѣ извѣстныя статьи, получаемъ слѣдующій списокъ: Lexis, Jahrb. f. Nat.-Ock. 1885, N. F. Bd. XI, стр. 452 — 65; Schmidt, Die Durchschnitts profitrate auf Grund des Marx'schen Wertgesetzes, Stuttgart 1889; разборъ послѣдняго сочиненія авторомъ его въ Tübing. Zeitschr. f. d. des Staatsw., 1890, стр. 590 и сл., разборъ Лоріа—въ Jahrb. f. Nationalökon.. N. F. Bd. 20 (1890), стр. 272 и сл.; Stiebeling, Das Wertgesetz und die Profitrate, New-Iork 1890; Wolf, Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx, Jahrb. f. Nat.-Ock. III F. Bd. 2 (1891), стр. 352 и сл.; снова Schmidt, Neue Zeit 1892/3 № 4 и 5; Landé, тамъ же № 19 и 20; Fireman Kritik der Marxschen Werttheorie, Jahrbuch f. Nation.-Ock. III F., B. 3 (1892), стр. 793 и сл.: наконецъ Lafargue, Soldi, Coletti и Graziadei въ Critica Sociale съ іюля по ноябрь 1894 г.

удачѣ подражателей можно было противупоставлять обѣщанный первообразъ. Но наконецъ этотъ послѣдній явился на свѣтъ и такимъ образомъ получилось прочное, точно и ясно отграниченное поле битвы, котораго обѣ стороны, вмѣсто утѣшительныхъ ссылокъ на предстоящія разъясненія или перескакиваній на измѣнчивыя неточныя изъясненія, должны надлежащимъ образомъ держаться и на немъ защищать свое дѣло. Разрѣшилъ-ли самъ Марксъ заданную имъ загадку? Не заключаетъ-ли его законченная система противорѣчій самой себѣ и дѣйствительнымъ фактамъ?

Разсмотрѣть это и является задачей послѣдующаго изложенія.

I.

Теорія цѣнности и добавочной цѣнности.

Основы системы Маркса, это его понятіе цѣнности и законъ цѣнности. Безъ нихъ, какъ Марксъ часто повторяетъ, всякое научное познаніе хозяйственныхъ явленій было-бы невозможно. Способъ выведенія ихъ обоихъ Марксомъ очень много разъ излагали и обсуждали. Но для связи намъ все-таки придется вкратцѣ повторить самыя существенныя части его хода мыслей.

Область, которую Марксъ беретъ изслѣдовать, «чтобы напасть на слѣдъ» цѣнности (I, 23 [1]), онъ ограничиваетъ съ самаго начала товарами, подъ которыми, согласно его мысли, не слѣдуетъ разумѣть всѣ хозяйственныя полезности, но только произведенія труда, предназначенныя для рынка [2]). Онъ начинаетъ «съ анализа товара» (I, 9). Продуктъ, съ одной стороны, какъ полезный предметъ, удовлетворяющій своими качествами извѣстнаго рода потребности человѣка, является потребительной

---

[1]) Я ссылаюсь на I томъ капитала Маркса по (второму) изданію 1872 г., на II томъ по изданію 1885, на III по изданію 1894, а именно такъ, что подъ III подразумѣвается всегда первое отдѣленіе III тома, если нѣтъ особаго примѣчанія.

[2]) I. 15, 17, 49, 87 и др. Ср. Адлеръ, Основы критики Карла Маркса существующаго народнаго хозяйства, Тюбингенъ, 1887, страницы 210 и 213.

цѣнностью, съ другой стороны онъ составляетъ матеріальное выраженіе мѣновой цѣнности. Послѣдняя и подвергается анализу.

Прежде всего мѣновая цѣнность представляется какъ количественное отношеніе, какъ пропорція, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода, извѣстное отношеніе, которое сообразно мѣсту и времени постоянно мѣняется». Отношеніе, такимъ образомъ, повидимому, является случайнымъ. Однако, въ этихъ измѣненіяхъ должно заключаться что-нибудь постоянное, что Марксъ и старается подмѣтить. Онъ выполняетъ это въ свойственной ему діалектической формѣ. «Возьмемъ два продукта, напр., пшеницу и желѣзо. Каково-бы ни было отношеніе ихъ при обмѣнѣ, его всегда можно представить въ видѣ уравненія, гдѣ данное количество пшеницы принимается равнымъ извѣстному количеству желѣза, напр., одинъ квартеръ пшеницы = a центнерамъ желѣза. Что это значитъ? Это значитъ, что общее одной и той-же величины существуетъ въ двухъ различныхъ предметахъ, какъ въ одномъ квартерѣ пшеницы, такъ равно и въ a центнерахъ желѣза.

Оба они, слѣдовательно, равны третьему, которое само по себѣ есть ни то, ни другое. Но и то, и другое, поскольку они являются мѣновыми цѣнностями, должны обладать способностью быть сводимыми къ упомянутому третьему.

«Это общее, — продолжаетъ Марксъ,—не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-нибудь другое естественное качество товаровъ. Тѣлесныя ихъ качества играютъ вообще только роли, поскольку они служатъ для удовлетворенія потребностей, т. е. поскольку они суть потребительныя цѣнности. Съ другой стороны отношеніе обмѣна продуктовъ явно характеризуется отвлеченіемъ отъ ихъ потребительныхъ цѣнностей. Въ отношеніи обмѣна одна потребительная цѣнность равносильна всякой другой, если только она имѣется въ надлежащемъ количествѣ».

Или, какъ уже Барбонъ говоритъ: «Одинъ родъ товаровъ также хорошъ, какъ и другой, коль скоро ихъ мѣновая цѣнность равна. Нѣтъ никакого различія или возможности различенія между предметами равной мѣновой цѣнности». Какъ потребительныя цѣнности, товары прежде всего разнаго качества, какъ мѣновыя они могутъ быть только разнаго количества, стало быть въ нихъ нѣтъ ни одного атома потребительной цѣнности».

«Отвлекаясь отъ потребительной цѣнности товаровъ, за ними остается еще только одно качество: качество продуктовъ труда. Но и продуктъ труда измѣнился уже въ нашихъ рукахъ. Отвлекаясь отъ его потребительной цѣнности, мы отвлекаемся и отъ его вещественныхъ составныхъ частей и формъ, благодаря которымъ онъ дѣлается потребительной цѣнностью. Онъ перестаетъ быть столомъ или домомъ, или пряжею, или иной полезностью. Всѣ его конкретныя качества исчезли. Онъ уже не произведеніе труда столяра, или плотника, или ткача, или иного опредѣленнаго производительнаго труда. Вмѣстѣ съ характеромъ полезности продуктовъ труда исчезаетъ и характеръ полезности воплощеннаго въ нихъ труда, стало быть исчезаютъ и различныя конкретныя формы этихъ трудовъ. Они больше не отличаются другъ отъ друга, но всѣ въ совокупности сводятся къ одинаковому человѣческому труду, отвлеченно человѣческому труду».

Приступимъ къ разсмотрѣнію residuum'а продуктовъ труда. Отъ нихъ ничего не осталось, какъ та же призрачная предметность, студень безразличнаго человѣческаго труда, т. е. траты человѣческой рабочей силы, оставляя безъ вниманія форму этой траты. Эти предметы показываютъ только, что на ихъ производство истрачена человѣческая рабочая сила, накопленъ человѣческій трудъ. Какъ кристалы этой присущей имъ общественной субстанціи они—цѣнности».

Такимъ образомъ понятіе цѣнности найдено и опредѣлено. Оно согласно діалектической формѣ, не тождественно съ мѣновой цѣнностью, но оно находится къ нему—я считаю не лишнимъ,

тотчасъ указать на это—въ самомъ тѣсномъ, нераздѣльномъ отношеніи: оно какъ-бы вродѣ отвлеченнаго дестиллата изъ мѣновой цѣнности: «Оно», чтобы выразиться собственными словами Маркса, есть то «общее, что проявляется въ обмѣнѣ или въ мѣновой цѣнности товаровъ», какъ опять-таки, наоборотъ, «мѣновая цѣнность есть необходимое выраженіе или форма проявленія цѣнности» (I, 13).

Послѣ опредѣленія понятія цѣнности Марксъ приступаетъ къ разсмотрѣнію ея мѣры и величины. Такъ какъ трудъ есть субстанція цѣнности, то, послѣдовательно, величина цѣнности всѣхъ полезностей измѣряется количествомъ заключающагося въ нихъ труда или рабочаго времени, но не того, которое работникъ, изготовившій полезность, случайно употребилъ, но «общественно необходимаго рабочаго времени», которое Марксъ опредѣляетъ, какъ рабочее время, нужное для производства какой-нибудь потребительной цѣнности—при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ со среднею общественною степенью искуства и напряженности труда (I, 14).

Только количество общественно-необходимаго труда или общественно-необходимое рабочее время, нужное для производства потребительной цѣнности, опредѣляетъ величину ея цѣнности. Отдѣльный товаръ имѣетъ значеніе только какъ средній экземпляръ своего рода. Товары, которые содержатъ равное количество труда или которые могутъ быть произведены въ то-же рабочее время, имѣютъ поэтому одну и туже величину цѣнности. Цѣнность какого-нибудь товара относится къ цѣнности всякаго другого товара какъ рабочее время, потребное для производства одного, къ времени, потребному для производства другого. «Какъ цѣнности всѣ товары суть только извѣстныя количества застывшаго рабочаго времени».

Изъ всего этого выводится содержаніе великаго «закона цѣнности», который является «присущимъ обмѣну товаровъ» (I, 141, 150) и управляетъ отношеніями обмѣна.

Онъ выражаетъ, да и по предыдущему ничего другого выразить не можетъ, какъ то, что товары обмѣниваются между собою сообразно воплощенному въ нихъ общественно-необходимому среднему труду (напр., I, 52). Другія формы выраженія того-же закона суть: что продукты «обмѣниваются сообразно своимъ цѣнностямъ» (напр., I, 142, 183, III, 167), или, что «эквивалентъ обмѣнивается на эквивалентъ» (напр., I, 150, 183). Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ скоропреходящихъ колебаній предложенія и спроса, являются и цѣны, которыя стоятъ выше или ниже цѣнностей, однако «эти постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ уравновѣшиваются, взаимно уничтожаются и сами сводятся къ средней цѣнѣ, какъ своему внутреннему правилу» (I, 151, прим. 37). За долгіе періоды времени, однако, «въ случайныхъ и постоянно колеблющихся отношеніяхъ обмѣна» «все-таки насильственно проявляются общественно-необходимое рабочее время какъ регулирующій законъ природы» (I, 52). Марксъ называетъ этотъ законъ «вѣчнымъ закономъ обмѣна продуктовъ» (I, 182) «раціональнымъ», «естественнымъ закономъ равновѣсія» (III, 167). На попадающіеся случаи, на которые уже указали, въ которыхъ товары обмѣниваются по цѣнамъ, отклоняющимся отъ цѣнностей, слѣдуетъ смотрѣть въ отношеніи къ правилу какъ на «случайные» (II, 150, нота 37) и на отступленіе какъ на «нарушеніе закона обмѣна товаровъ» (I, 142).

На разсмотрѣнныхъ теоретическихъ основахъ цѣнности построена вторая часть ученія Маркса — пресловутое? ученіе «о добавочной цѣнности». Онъ занимается изслѣдованіемъ источника дохода, который капиталисты извлекаютъ изъ своихъ капиталовъ. Капиталисты затрачиваютъ извѣстныя суммы, превращаютъ ихъ въ товары, а эти затѣмъ—при помощи производительныхъ процессовъ, или безъ нихъ—превращаютъ опять посредствомъ продажи въ большее количество денегъ. Откуда берется это приращеніе, это превышеніе извлеченной суммы

денегъ сравнительно съ первоначально затраченной, или, какъ Марксъ это называетъ: «добавочная цѣнность»? [1]).

Прежде всего Марксъ опредѣляетъ условія проблемы свойственной ему діалектическою формою исключенія. Сначала онъ доказываетъ, что добавочная цѣнность не можетъ возникать ни изъ того обстоятельства, что капиталистъ, какъ покупатель, пріобрѣтаетъ продукты постоянно ниже своей цѣнности, ни изъ того, что онъ продаетъ ихъ, какъ продавецъ, постоянно выше ихъ стоимости. Поэтому проблема представляется въ слѣдующемъ видѣ: капиталистъ нашъ долженъ покупать продукты по своей цѣнности, продавать ихъ по своей цѣнности и все-таки въ концѣ концовъ извлекать больше цѣнности, чѣмъ затратилъ! Вотъ условія проблемы. Hic Rhodus, hic salta! (I, 150 и слѣд.).

Рѣшеніе этого вопроса Марксъ находитъ въ томъ обстоятельствѣ, что существуетъ товаръ, потребительная цѣнность котораго имѣетъ своеобразное качество служить источникомъ мѣновой цѣнности. Этотъ товаръ есть трудовая способность или рабочая сила. Онъ предлагается на рынкѣ подъ двоякимъ условіемъ: рабочій долженъ быть лично свободнымъ—въ противномъ случаѣ предлагалась бы не его рабочая сила, но вся личность, какъ раба,—и во-вторыхъ, рабочій долженъ быть лишенъ всѣхъ предметовъ, потребныхъ для проявленія своей рабочей силы, такъ какъ иначе онъ предпочелъ бы производить за собственный счетъ и предлагать свои товары, вмѣсто рабочей силы. Посредствомъ торговли этимъ товаромъ капиталистъ пріобрѣтаетъ добавочную цѣнность, а именно:

Цѣнность товара «рабочая сила» измѣряется, какъ и цѣнность всякаго другого продукта, сообразно рабочему времени,

[1]) Объ этой части ученія Маркса я далъ въ свое время въ другомъ мѣстѣ (Исторія и критика теорій процента съ капитала, стр. 421 и слѣд.) подробный отзывъ. Я держусь его и теперь съ сокращеніями, соотвѣтствующими поставленной цѣли.

потребному для его производства, т. е. въ данномъ случаѣ по рабочему времени, потребному для производства такого количества средствъ къ жизни, какое нужно для содержанія рабочаго. Если, напримѣръ, на произведеніе потребныхъ средствъ къ жизни на одинъ день нужно рабочее время въ шесть часовъ, и если при этомъ, положимъ, то-же рабочее время воплощено въ трехъ шиллингахъ золотомъ, то рабочая сила одного дня будетъ стоить три шилл. Послѣ заключенія этой покупки со стороны капиталиста, потребительная цѣнность рабочей силы принадлежитъ ему и онъ реализируетъ ее, заставляя рабочаго работать на него. Если бы капиталистъ заставлялъ рабочаго работать ежедневно только столько часовъ, сколько воплощено въ самой рабочей силѣ, и сколько онъ самъ при покупкѣ заплатилъ, то добавочной цѣнности не образовалось бы, такъ какъ шесть рабочихъ часовъ, согласно предположенію, не могутъ прибавить къ продукту, въ которомъ воплощены, большую цѣнность, чѣмъ три шил.; но столько именно капиталистъ истратилъ и на заработную плату. Но такъ капиталисты не поступаютъ. Хотя они пріобрѣли рабочую силу за плату, которой соотвѣтствуетъ рабочее время въ шесть часовъ, они заставляютъ рабочаго трудиться въ ихъ пользу цѣлый день. При такихъ условіяхъ въ продуктѣ, который производится въ теченіе этого дня, воплощено больше рабочихъ часовъ, чѣмъ капиталисту пришлось оплатить; стало быть, онъ имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ выданная заработная плата, и эта разница есть «добавочная цѣнность», которая берется капиталистами.

Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что рабочій въ состояніи перерабатывать въ теченіе шести часовъ 10 фунтовъ хлопка въ пряжу. Положимъ, что на произведеніе самого хлопка потребовались 20 рабочихъ часовъ и что онъ представляетъ поэтому цѣнность 10 шил. Положимъ далѣе, что прядильщикъ при шестичасовой работѣ изнашиваетъ инструменты на столько, сколько соотвѣтствуетъ четырехчасовой работѣ, что поэтому представ-

ляетъ цѣнность двухъ шил.,—то общая цѣнность, истраченныхъ въ прядѣніи средствъ производства, составитъ 12 шил., что соотвѣтствуетъ 24 рабочимъ часамъ. Въ прядильномъ процессѣ бумага всасываетъ еще лишніе шесть рабочихъ часовъ. Въ готовомъ видѣ пряжа, слѣдовательно, продуктъ 30 рабочихъ часовъ и поэтому имѣетъ цѣнность 15 шил. Предполагая, что капиталистъ заставляетъ рабочаго работать только 6 часовъ ежедневно, изготовленіе пряжи обошлось капиталисту тоже въ 15 шил., именно: 10 шил. за хлопчатую бумагу, 2 шил. за изнашиваніе инструментовъ, 3 шил. на заработную плату. Добавочной цѣнности не окажется.

Дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ, если капиталистъ заставляетъ рабочаго трудиться ежедневно 12 часовъ. Въ теченіе 12 часовъ рабочій перерабатываетъ 20 фунтовъ хлопчатой бумаги, въ которыхъ уже воплощены 40 рабочихъ часовъ и которые поэтому имѣютъ цѣну 20 шил.; далѣе въ орудіяхъ производства онъ потребляетъ продуктъ 8 рабочихъ часовъ, цѣнностью въ 4 шил., но къ сырому матеріалу онъ прибавляетъ въ теченіе дня 12 рабочихъ часовъ, т. е. новую цѣнность 6 шил. Теперь балансъ получается слѣдующій: вся въ теченіе дня произведенная пряжа обошлась въ 60 рабочихъ часовъ, имѣетъ, слѣдовательно, цѣнность 30 шил. Издержки капиталиста составляли: 20 шил. за хлопчатую бумагу, 4 шил. за изнашиваніе инструментовъ и 3 шил. за заработную плату, значитъ всего только 27 шил. Итакъ, получается «добавочная цѣнность» въ три шил.

Слѣдовательно, по воззрѣнію Маркса, добавочная цѣнность является слѣдствіемъ того, что капиталистъ заставляетъ рабочаго трудиться въ его пользу часть дня безъ платы за то. Въ рабочемъ днѣ можно различить двѣ части, въ первой «въ необходимомъ рабочемъ времени» рабочій производитъ собственное содержаніе, или цѣнность таковаго. За эту часть своего труда онъ получаетъ равноцѣнность въ видѣ заработной платы.

Во второй части «въ излишнее (surplus) рабочее время» онъ «эксплоатируется» и производитъ добавочную цѣнность, не получая за это никакой равноцѣнности (I, 205 и слѣд.). «Всякая добавочная цѣнность по своей сущности есть матеріализація неоплаченнаго рабочаго времени» (I, 154).

Крайне важны и характерны для системы Маркса слѣдующія за симъ опредѣленія величины добавочной цѣнности. Можно относить величину добавочной цѣнности къ различнымъ другимъ величинамъ. Полученныя при этомъ отношенія и относительныя величины должно строго различать.

Прежде всего въ капиталѣ, служащемъ капиталисту для присвоенія добавочной цѣнности, слѣдуетъ различить двѣ составныя части, которыя по отношенію къ возникновенію добавочной цѣнности играютъ совершенно разныя роли. Къ производству дѣйствительно новой добавочной цѣнности способенъ только живой трудъ, выполняемый рабочими для капиталиста, тогда какъ цѣнность потребленной части орудій производства только сохраняется тѣмъ, что она въ преобразованномъ видѣ опять является въ цѣнности продукта, неприбавляя никакой добавочной цѣнности. Итакъ, та часть капитала, которая обращается въ средства производства, т. е. въ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества и орудія труда, не измѣняетъ своей величины цѣнности въ процессѣ производства—въ силу чего Марксъ и называетъ ее «постояннымъ капиталомъ». «Та часть капитала напротивъ, которая обращается въ рабочую силу, измѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ производства. Она воспроизводитъ свою собственную равноцѣнность, а сверхъ того еще излишекъ», именно добавочную цѣнность. Поэтому Марксъ называетъ ее «перемѣнною частью капитала» или «перемѣннымъ капиталомъ» (I, 199). То отношеніе, въ которомъ добавочная цѣнность находится къ затраченному перемѣнному капиталу, въ которомъ послѣдній увеличивается въ цѣнности, Марксъ называетъ *нормою добавочной цѣнности*. Она тож-

дственна съ отношеніемъ, въ которомъ излишнее-сюрплюсъ-рабочее время находится къ необходимому рабочему времени, или въ которомъ неоплаченный трудъ находится къ оплаченному, и считается поэтому Марксомъ за «точное выраженіе степени эксплоатаціи труда» (I, 207 и слѣд.). Если, напр., необходимое рабочее время, въ которое рабочій производитъ цѣнность своей ежедневной заработной платы въ 3 шил., составляетъ 6 часовъ, а ежедневное рабочее время 12 часовъ, при чемъ рабочій въ теченіе вторыхъ 6 часовъ въ излишнее (сюрплюсъ)-рабочее время тоже производитъ цѣнность въ 3 шил., какъ добавочную цѣнность, то добавочная цѣнность составляетъ столько же, сколько перемѣнный капиталъ, обращенный на заработную плату, и норма добавочной цѣнности въ 100%.

Совершенно иной представляется норма прибыли. Капиталистъ относитъ добавочную цѣнность, которую онъ присвоиваетъ себѣ, не только къ перемѣнной части капитала, но ко всему затраченному капиталу. Если, напр., постоянный капиталъ составляетъ 410 фунтовъ стерл., перемѣнный 90 ф. и добавочная цѣнность тоже 90 ф., то, правда, норма добавочной цѣнности, какъ и выше, составляетъ 100%, но норма прибыли только 18%, а именно 90 ф. прибыли на затраченный капиталъ въ 500 фунтовъ.

Ясно, что одна и таже норма добавочной цѣнности можетъ, да и должна, представляться въ крайне разнообразныхъ нормахъ прибыли, смотря по составу даннаго капитала. Норма прибыли будетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше перемѣнная и чѣмъ меньше постоянная часть капитала, которая, не содѣйствуя возникновенію добавочной цѣнности, увеличиваетъ, однако, основаніе, къ которому нужно отнести для вычисленія прибыли добавочную цѣнность, исключительно опредѣляющуюся перемѣнной частью капитала. Если, напр.,—что практически, правда, едва-ли возможно—постоянный капиталъ равняется нулю, а перемѣнный—50 ф., норма добавочной цѣнности, по нашему предпо-

ложенію, составляетъ 100%, то произведенная добавочная цѣнность составляетъ тоже 50 ф., а такъ какъ послѣднюю нужно отнести къ цѣлому капиталу только въ 50 ф., то въ этомъ случаѣ и норма прибыли получилась бы въ полные 100%. Если, напротивъ, весь капиталъ слагается изъ постояннаго и перемѣннаго въ отношеніи 4 : 1, если, другими словами, къ перемѣнному капиталу въ 50 ф. присоединяется постоянный въ 200 ф., то добавочную цѣнность въ 50 ф., получившуюся при нормѣ добавочной прибыли въ 100%, нужно отнести къ общему капиталу въ 250 ф., а это составляетъ норму прибыли только въ 20%. Если-бы отношеніе составныхъ частей было 9 : 1, т. е. 450 ф. постояннаго капитала на 50 ф. перемѣннаго, то получилась бы добавочная цѣнность въ 50 ф. на общій капиталъ въ 500 ф. и норма прибыли составляла бы 10%.

Сказанное ведетъ къ крайне интересному и важному выводу и въ дальнѣйшемъ развитіи къ совершенно новому фазису въ системѣ Маркса, который составляетъ главное новшество третьяго тома.

II.

Теорія средней нормы прибыли и цѣнъ производства.

Указанный выводъ заключается въ слѣдующемъ: «Органическій составъ» (III, 124) капиталовъ въ различныхъ «областяхъ производства» по техническимъ причинамъ различенъ. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, которыя, конечно, требуютъ весьма разнообразныхъ техническихъ манипуляцій, перерабатывается въ каждый рабочій день весьма различное количество сырья; или если и тоже количество при сходныхъ манипуляціяхъ, то все-таки его цѣнность можетъ быть весьма различна, какъ, напр., между мѣдью и желѣзомъ, какъ сырьемъ, въ металлургической промышленности; или, наконецъ, количество и цѣнность фабричныхъ приспособленій, инструментовъ, машинъ, которыя выпадаютъ на отдѣльнаго рабочаго, могутъ быть различны. Всѣ эти моменты различія обусловливаютъ, если случайно, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, они не уравновѣшиваются, для разныхъ отраслей производства разное отношеніе между постояннымъ капиталомъ, вложеннымъ въ орудія производства, и перемѣннымъ,— употребленнымъ на оплату труда. Каждая отрасль производства народнаго хозяйства имѣетъ, слѣдовательно, различный ей одной свойственный «органическій составъ» затраченнаго капитала. Сообразно всему до сихъ поръ

изложенному, можно-бы, да и слѣдовало-бы, въ каждой отрасли производства, при одинаковой нормѣ добавочной цѣнности, оказаться иной, различной нормѣ прибыли, если въ самомъ дѣлѣ, какъ Марксъ до сихъ поръ постоянно предполагалъ, продукты обмѣниваются соотвѣтственно своимъ цѣнностямъ или пропорціонально воплощенному въ нихъ труду.

Здѣсь передъ Марксомъ и оказывается тотъ извѣстный величайшій камень преткновенія для его теоріи, справиться съ которымъ являлось важнѣйшей задачей маркеистской литературы за послѣднія 10 лѣтъ. Изъ его теоріи вытекаетъ, что капиталы равной величины, при неодинаковости органическаго состава, даютъ неравныя прибыли. Въ дѣйствительности же весьма ясно проявляется законъ, по которому капиталы равной величины, независимо отъ какихъ-либо различій органическаго состава, даютъ равную прибыль. Формулируемъ это противорѣчіе словами самого Маркса:

«Итакъ, мы показали, что въ разныхъ отрасляхъ промышленности, сообразно различію органическаго состава капиталовъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ и сообразно различію времени ихъ оборотовъ, оказываются и разныя нормы прибыли и что, слѣдовательно, и при равной нормѣ добавочной цѣнности, только для капиталовъ равнаго органическаго состава—подъ условіемъ равныхъ сроковъ оборота—имѣетъ силу законъ (по общей тенденціи), что прибыли относятся какъ величины капиталовъ, и что поэтому капиталы равной величины даютъ въ равные сроки равной величины прибыли. Изложенное имѣетъ силу при томъ условіи, которое вообще до сихъ поръ служило основаніемъ нашего изслѣдованія: что товары продаются сообразно ихъ цѣнностямъ. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности, оставляя въ сторонѣ несущественныя, случайныя и уравновѣшивающіяся различія, не существуетъ различія въ среднихъ нормахъ прибыли для различныхъ отраслей

промышленности, да и не можетъ существовать безъ того, чтобы не уничтожить всю систему капиталистическаго производства. Стало быть, теорія цѣнности въ этомъ пунктѣ, повидимому, не согласна съ дѣйствительнымъ движеніемъ, не согласна съ дѣйствительными явленіями производства и поэтому нужно отказаться отъ надежды уразумѣть послѣднія» (III, 131 и слѣд.).

Какъ же пытается самъ Марксъ устранить это противорѣчіе? Это достигается, говоря кратко, за счетъ того предположенія, изъ котораго досель Марксъ постоянно исходилъ, именно, что товары продаются сообразно своимъ цѣнностямъ. Теперь у Маркса это предположеніе, просто-на-просто, отпадаетъ. Каково значеніе этого отреченія для системы Маркса, объ этомъ намъ нѣсколько позже придется составить себѣ критическое сужденіе. Пока я продолжаю резюмировать ходъ мыслей Маркса и притомъ при помощи примѣра табличнаго, положеннаго самимъ Марксомъ въ основаніе своего изложенія.

Въ этомъ примѣрѣ сравниваются пять различныхъ отраслей производства, изъ которыхъ въ каждой органическій составъ затраченныхъ капиталовъ различенъ и пока еще удерживается прежнее предположеніе, что товары продаются сообразно своимъ цѣнностямъ. Для разъясненія ниже помѣщенной таблицы, въ которой изображены результаты этого предположенія, замѣтимъ, что подъ *c* подразумѣвается постоянный, подъ *v*—перемѣнный капиталъ и что, считаясь съ фактическими различіями дѣйствительной жизни, въ примѣрѣ, согласно Марксу, положено, что затраченные постоянные капиталы «изнашиваются» съ разной скоростью, такъ что только часть постояннаго капитала, притомъ въ различныхъ областяхъ производства различная, изнашивается ежегодно. Въ цѣнность продукта переходитъ, конечно, только потребленная часть постояннаго капитала «потребленное *c*», тогда какъ для вычисленія нормы прибыли принимается въ расчетъ весь «затраченный *c*».

КАПИТАЛЫ.	Норма доб. цѣнности.	Доб. цѣн.	Норма приб.	Потреблен. с	Цѣнность товаровъ.
I 80c + 20v. . .	100%	20	20%	50	90
II 70c + 30v. . .	100%	30	30%	51	111
III 60c + 40v. . .	100%	40	40%	51	131
IV 85c + 15v. . .	100%	15	15%	40	70
V 95c + 5v. .	100%	5	5%	10	20

Какъ явствуетъ изъ этой таблицы, въ разныхъ областяхъ производства оказываются, при равномѣрной эксплоатаціи труда весьма различныя нормы прибыли, соотвѣтственно различному органическому составу капиталовъ. Но можно смотрѣть на эти факты и числа и съ другой точки зрѣнія. «Общая сумма всѣхъ капиталовъ, затраченныхъ въ пяти областяхъ равняется 500. Общая сумма произведенной ими добавочной цѣнности=110; общая цѣнность произведенныхъ ими товаровъ=610. Посмотримъ на 500, какъ на единый капиталъ, отъ котораго I—V составляютъ только разныя части, (какъ, напр., на хлопчатобумажной фабрикѣ въ различныхъ отдѣленіяхъ,—для чесанія, пряденія, и ткація—существуетъ различное отношеніе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталами, и гдѣ среднее отношеніе для цѣлой фабрики должно еще вычислить), то во-первыхъ, въ среднемъ составѣ капиталъ былъ-бы 500=390c+110v, или въ процентахъ—78 c + 22 v. Если разсматриваютъ каждый изъ капиталовъ въ 100 только какъ $^1/_5$ общаго капитала, то въ среднемъ его составѣ было-бы—78 c + 22 v

ровно какъ и на каждыя 100 причиталось-бы, какъ средняя добавочная цѣнность,—22; отсюда получилась-бы и средняя норма прибыли=22%» (III, 133,4).

Но какимъ цѣнамъ нужно теперь продавать отдѣльные товары, чтобы каждый изъ пяти частичныхъ капиталовъ дѣйствительно получилъ-бы эту одинаковую среднюю норму прибыли?

Это показываетъ слѣдующая таблица. Въ нее, какъ соединяющее звѣно, вставлена графа «цѣна стоимости», подъ которой Марксъ подразумѣваетъ ту часть цѣнности товара, которая покрываетъ капиталисту цѣну потребленныхъ средствъ производства и цѣну потраченной рабочей силы, но которая еще не содержитъ никакой добавочной цѣнности или прибыли, слѣдовательно равняется суммѣ v + потребленный c.

КАПИТАЛЫ.	Доб. цѣн.	Потреблен. с	Цѣнность товара.	Цѣна стоимости.	Цѣна товаровъ.	Норма прибыли.	Отклоненіе цѣны отъ цѣнности.
I $80c + 20v$.	20	50	90	70	92	22%	+2
II $70c + 30v$.	30	51	111	81	103	22%	—8
III $60c + 40v$.	40	51	131	91	113	22%	—18
IV $85c + 15v$.	15	40	70	55	77	22%	+7
V $95c + 5v$.	5	10	20	15	37	22%	+17

«Вмѣстѣ взятые въ общей сложности,—объясняетъ Марксъ результаты этой таблицы,—товары продаются 2 + 7 + 17 = 26 выше и 8 + 18 = 26 ниже цѣнности, такъ что отклоненія цѣнъ посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія добавочной цѣнности или посредствомъ прибавленія средней прибыли въ 22 на 100

затраченнаго капитала къ соотвѣтственнымъ цѣнамъ стоимости товаровъ I—V взаимно уничтожаются; въ той-же пропорціи, въ какой одна часть товаровъ продается выше, другая—продается ниже ихъ цѣнности. И только продажа по такимъ цѣнамъ дѣлаетъ возможнымъ равномѣрность нормъ прибыли для I—V, именно 22%, несмотря на различный органическій составъ капиталовъ I—V» (I, 135).

Все это, какъ Марксъ дальше развиваетъ, не только гипотетическое допущеніе, но сущая дѣйствительность. Дѣйствующей силой является конкуренція. Хотя вслѣдствіе различнаго органическаго состава затраченныхъ въ разныхъ отрасляхъ производства капиталовъ, «нормы прибыли, господствующія въ различныхъ отрасляхъ производства, первоначально весьма различны», но «эти различныя нормы прибыли конкуренціею выравниваются до общей нормы прибыли, которая представляетъ среднюю всѣхъ этихъ различныхъ нормъ прибыли».

«Прибыль, которая сообразно этой общей нормѣ прибыли приходится на капиталъ извѣстной величины, каковъ бы ни былъ его органическій составъ, называется среднею прибылью. Цѣна товара, которая равняется его «цѣнѣ стоимости» плюсъ той части средней годовой прибыли, которая приходится на капиталъ, затраченный на его производство (а не только на потребленный при производствѣ) соотвѣтственно условіямъ его оборота, есть его «цѣна производства» (III, 136). Послѣдняя фактически тождественна съ natural price у Адама Смита, съ price of production у Рикардо, съ prix nécessaire физіократовъ (III, 178). Дѣйствительное отношеніе обмѣна отдѣльныхъ товаровъ не обусловливается болѣе ихъ цѣнностями, но ихъ цѣнами производства, или какъ Марксъ любитъ выражаться: «цѣнности превращаются въ цѣны производства» (напр., III, 176). Цѣнность и цѣна производства совпадаютъ только въ видѣ исключенія и какъ бы случайно у тѣхъ

товаровъ, производимыхъ при помощи капитала, органическій составъ котораго случайно равняется среднему составу всего общественнаго капитала. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ цѣнность и цѣна производства необходимо и принципіально расходятся. Это нужно понимать слѣдующимъ образомъ: слѣдуя Марксу, мы называемъ капиталы, которые въ процентномъ отношеніи содержатъ больше постояннаго, а значитъ и меньше перемѣннаго капитала, чѣмъ средній общественный капиталъ: капиталами в ы с ш а г о состава. Наоборотъ, такіе, гдѣ постоянный капиталъ составляетъ относительно малую, а перемѣнный большую величину, чѣмъ у средняго общественнаго капитала— капиталами н и з ш а г о состава. Слѣдовательно, у всѣхъ тѣхъ товаровъ, которые производятся при помощи капитала, выше средняго состава, цѣна производства будетъ стоять выше цѣнности, въ противоположномъ случаѣ—ниже ихъ цѣнности. Или товары перваго рода будутъ продаваться по необходимости и постоянно выше цѣнности, товары второго рода—ниже ихъ цѣнности (III, 142 слѣд. и др.).

Отношеніе отдѣльныхъ капиталистовъ къ произведенной въ цѣломъ обществѣ и присвоенной добавочной цѣнности опредѣляется слѣдующимъ образомъ: хотя капиталисты различныхъ областей производства при продажѣ своихъ товаровъ выручаютъ потребленныя при производствѣ этихъ товаровъ капитальныя цѣнности, но они не выручаютъ при этомъ ту добавочную цѣнность, которая произведена именно въ данной области производства, при приготовленіи даннаго товара, но выручаютъ добавочной цѣнности, а слѣдовательно прибыли столько, сколько ея приходится изъ всей добавочной цѣнности или прибыли, произведенной въ продолженіе даннаго времени валовымъ общественнымъ капиталомъ во всѣхъ отрасляхъ производства, имѣетъ взятыхъ, при равномѣрномъ распредѣленіи ея на каждый отдѣльный капиталъ, пропорціонально величинѣ его по отношенію къ валовому общественному капиталу. Каждый капиталъ,

какомъ бы ни былъ его составъ, въ продолженіе года или въ какой-нибудь иной періодъ времени, извлекаетъ на каждые 100 затраты столько прибыли, сколько ея приходится за тотъ же періодъ времени на каждые 100 затраты всего общественнаго капитала. Насколько дѣло касается прибыли, различные капиталисты играютъ при этомъ роль акціонеровъ какого-нибудь акціернаго общества, въ которомъ прибыль распредѣляется равномѣрно на каждые 100, а потому отдѣльные капиталисты различаются только величиною капитала, затраченнаго каждымъ на общее предпріятіе, относительною долею участія въ общемъ предпріятіи, числомъ своихъ акцій (III, 136 и сл.).

Общая прибыль и общая добавочная цѣнность суть тождественныя величины (III, 151, 152) и средняя прибыль есть ничто иное какъ общая масса добавочной цѣнности, раздѣленная на капитальныя массы въ каждой области производства сообразно ихъ величинамъ (III, 153).

Изъ сказаннаго вытекаетъ важное слѣдствіе, что прибыль, получаемая отдѣльнымъ капиталистомъ, вовсе не происходитъ единственно изъ занятаго въ его предпріятіи труда (III, 149), а зачастую въ большей части, иногда-же, напр., при купеческомъ капиталѣ (III, 265), цѣликомъ обязана своимъ происхожденіемъ рабочимъ, съ которыми капиталистъ не имѣетъ ничего общаго. Въ заключеніе Марксъ считаетъ нужнымъ поставить еще одинъ вопросъ и отвѣтить на него. Этотъ, по его взгляду, «собственно затруднительный вопросъ» сводится къ тому, какимъ образомъ совершается выравненіе прибылей, до общей нормы прибыли, такъ какъ оно, очевидно, является слѣдствіемъ, и не можетъ быть исходнымъ пунктомъ» (III, 153).

Сначала онъ развиваетъ мысль, что въ общественномъ быту, въ которомъ капиталистическое производство еще не господствуетъ, въ которомъ, слѣдовательно, сами рабочіе владѣютъ нужными орудіями для производства, товары въ самомъ дѣлѣ обмѣнивались бы по дѣйствительной цѣнности и потому нормы

прибыли не уравнивались-бы. Фактическое различіе нормъ прибыли было бы безразлично,—такъ какъ рабочіе все-таки при этомъ за равное рабочее время получили бы и могли бы удержать равную добавочную цѣнность, т. е. одинаковую превышающую ихъ необходимыя потребности цѣнность,—безразлично точно также, какъ въ настоящее время для наемнаго работника безразлично, въ какой нормѣ прибыли выражается утянутое у него количество добавочной цѣнности (III, 155). Имѣя въ виду, что такія условія, гдѣ рабочему принадлежатъ орудія производства, относятся къ прошлому времени, но встрѣчаются какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ новѣйшее время, напр., у крестьянина-собственника и у ремесленника, Марксъ считаетъ себя вправѣ утверждать, «что по существу дѣла совершенно правильно не только теоретически, но и исторически разсматривать цѣнность товаровъ какъ prius цѣнъ производства» (III, 156).

Но въ капиталистически организованномъ обществѣ это превращеніе цѣнностей въ цѣны производства, и стоящее съ нимъ въ связи уравненіе нормъ прибыли въ самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто. Относительно силъ, обусловливающихъ этотъ процессъ уравненія и способа ихъ дѣйствія, Марксъ выражается, послѣ пространныхъ предварительныхъ разъясненій, въ которыхъ рѣчь идетъ объ образованіи рыночной цѣнности и рыночной цѣны, особенно въ случаѣ производства разныхъ частей поступающаго на рынокъ товара, при неодинаково выгодныхъ условіяхъ производства, коротко и ясно слѣдующими словами: «Если продукты . . . . . продаются пропорціально своимъ цѣнностямъ, то являются . . . . . весьма разныя нормы прибыли. Капиталъ оставляетъ области съ низкой нормой прибыли и обращается къ другой, которая даетъ большую прибыль. Этимъ постояннымъ переходомъ изъ одной области въ другую, короче, своимъ распредѣленіемъ между различными областями, смотря потому, гдѣ норма прибыли падаетъ или воз-

растаетъ, капиталъ обусловливаетъ такое соотношеніе предложенія и спроса, что въ различныхъ областяхъ производства норма оказывается таже самая, и цѣнности поэтому превращаются въ цѣны производства (III, 175/6 [1]).

---

[1]) В. Зомбартъ тоже считаетъ, въ образцовомъ, ясномъ и наглядномъ изложеніи, въ статьѣ, которую онъ незадолго до появленія послѣдняго тома сочиненія Маркса, напечаталъ въ «Archiv f. sociale Gesetzgebung» (томъ VII, выпускъ 4, стр. 555 и слѣд.), приведенныя въ текстѣ положенія за тѣ, которыя собственно содержатъ отвѣтъ на данную проблему (см. стр. 561). Въ послѣдующемъ намъ еще часто придется имѣть дѣло съ этой содержательной и остроумной статьей, хотя я не могу согласиться съ критическими заключеніями автора.

III.

Вопросъ о противорѣчіи.

Много лѣтъ тому назадъ и задолго до появленія упомянутой въ началѣ литературы относительно согласованія равной средней нормы прибыли съ закономъ цѣнности Маркса, авторъ этихъ строкъ высказалъ свое мнѣніе по поводу этого вопроса въ слѣдующихъ словахъ: «Или за долгіе періоды товары дѣйствительно обмѣниваются пропорціонально заключающемуся въ нихъ труду...—тогда уравненіе прибылей на капиталъ невозможно; или происходитъ уравненіе прибылей на капиталъ,—тогда невозможно продолженіе обмѣна товаровъ пропорціонально заключающемуся въ нихъ труду [1]).

Непримиримость обоихъ предположеній впервые изъ сторонниковъ Маркса была признана нѣсколько лѣтъ тому назадъ Конрадомъ Шмидтомъ [2]). Въ настоящее время имѣется подтвержденіе самого Маркса. Вполнѣ ясно онъ высказалъ, что равная норма прибыли возможна только при продажѣ товаровъ по такимъ цѣнамъ, при которыхъ одна часть товаровъ обмѣнивается

---

[1]) Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien, Innsbruck, 1884, стр. 413.

[2]) Ср. его сочиненіе «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marxschen Wertgesetzes, Stuttgart, 1889 г. въ особенности § 13; потомъ мою оцѣнку этого сочиненія въ Tübing. Zeitschrift f. d. ges. Staatswiss. 1890 г., стр. 590 и слѣд.

выше, другая—ниже своей цѣнности, значитъ несообразно вопло-щенному въ немъ труду. Онъ устранилъ также всякое сомнѣніе по вопросу, которое изъ обоихъ непримиримыхъ положеній онъ принимаетъ за соотвѣтствующее дѣйствительности. Съ полной ясностью и откровенностью онъ признаетъ таковымъ—уравненіе прибылей на капиталъ. И съ тою-же ясностью и откровенностью онъ не колеблется признать, что дѣйствительно отдѣльные товары обмѣниваются не пропорціонально заключающемуся въ нихъ труду, но въ такомъ отступающемъ отъ этого отношеніи, какое обусловливается уравненіемъ прибылей на капиталъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ это ученіе третьяго тома къ преловутому закону цѣнности перваго? Заключаетъ-ли оно въ себѣ такъ нетерпѣливо ожидавшееся рѣшеніе «кажущагося» противорѣчія? Заключаетъ-ли оно въ себѣ доказательство, «какъ не только безъ нарушенія закона цѣнности, но даже скорѣе на основаніи его можетъ, и должна устанавливаться равная средняя норма прибыли»? Не содержитъ-ли оно скорѣе, какъ разъ противоположное, а именно: признаніе дѣйствительнаго непримиримаго противорѣчія и доказательство, что равная средняя норма прибыли можетъ установиться только подъ условіемъ недѣйствительности мнимаго закона цѣнности?

Мнѣ кажется, что кто безпристрастно и трезво взглянетъ на дѣло, тотъ не можетъ долго сомнѣваться. Въ первомъ томѣ съ особенной силой утверждалось, что всякая цѣнность основана на трудѣ и только на трудѣ; что цѣнности товаровъ относятся, какъ рабочее время, потребное на ихъ производство. Эти положенія выводились и разъяснялись исключительно и прямо изъ мѣновыхъ отношеній товаровъ, которымъ они «имманентны». Намъ было указано, что слѣдуетъ исходить изъ мѣновой цѣнности и мѣноваго отношенія товаровъ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой въ нихъ цѣнности» (I, 23); цѣнность предъявлялась какъ-то общее, «что проявляется въ мѣновомъ отношеніи то-

варовъ» (I, 13). Съ особенной силой и въ формѣ обязательнаго, не допускающаго отступленій, заключенія намъ говорилось, что приравненіе двухъ товаровъ при обмѣнѣ свидѣтельствуетъ, что въ нихъ есть «общее одной и той-же величины, къ которому каждый изъ нихъ долженъ быть приведенъ» (I, 11). Поэтому оставляя въ сторонѣ скоропреходящія случайныя отступленія, которыя «являются, какъ нарушеніе закона обмѣна товаровъ» (I, 142), необходимо должны товары, которые воплощаютъ равныя количества труда, постоянно и принципіально обмѣниваться другъ на друга. А теперь, въ третьемъ томѣ, намъ просто-на-просто заявляютъ, что того, что по ученію перваго тома должно быть, нѣтъ и не можетъ быть; что отдѣльные товары обмѣниваются и должны обмѣниваться необходимо и постоянно, а не случайно или временно, въ иномъ отношеніи, а не въ отношеніи воплощеннаго въ нихъ труда!

Не могу не признать, что я въ этомъ не вижу никакого объясненія и примиренія противорѣчія, но одно чистое противорѣчіе. Третій томъ Маркса опровергаетъ первый. Теорія средней нормы прибыли и цѣнъ производства не мирится—съ теоріей цѣнности. Вотъ впечатлѣніе, которое, по моему, всякій логично думающій необходимо получаетъ и оно, повидимому, довольно общее. Лорія, выражаясь свойственнымъ ему живымъ и образнымъ языкомъ, чувствуетъ себя вынужденнымъ произнести суровый, но справедливый приговоръ: «что Марксъ вмѣсто рѣшенія, далъ намъ мистификацію»; онъ видитъ въ изданіи третьяго тома «походъ (12 года) въ Россію» для теоріи Маркса, «полнѣйшее теоретическое банкротство, научное самоубійство», «самый полный отказъ отъ собственнаго ученія» (l'abdicazione piu explicita alla dottrina stessa) и «полное присоединеніе къ самымъ ортодоксальнымъ ученіямъ самыхъ отверженныхъ экономистовъ» [1]).

[1]) L'opera postuma di Carlo Marx, Nuova Antologia. 1 февраля 1895 г., стр. 20, 22, 23.

Но и ученый, который такъ близко стоитъ къ системѣ Маркса, какъ Вернеръ Зомбартъ, долженъ признать, какъ за самое вѣроятное дѣйствіе, которое третій томъ произведетъ на большинство читателей: «общее покачиваніе головой». «Большинство вовсе не будетъ склонно смотрѣть на «рѣшеніе» «загадки о средней нормѣ прибыли», въ томъ видѣ, какъ оно теперь дается, какъ на «рѣшеніе». Оно скажетъ, что узелъ разрубленъ, но вовсе не развязанъ. Вѣдь если послѣ погруженія вдругъ выплываетъ «совершенно обыкновенная» теорія издержекъ производства, то это значитъ, что пресловутое ученіе о цѣнности провалилось. Въ самомъ дѣлѣ: если я въ концѣ концовъ все-таки обращаюсь къ издержкамъ производства, въ видахъ объясненія прибыли, то къ чему-же тогда весь тяжеловѣсный аппаратъ теорій цѣнности и добавочной цѣнности? [1]).

Самъ Зомбартъ остался, однако, при особомъ мнѣніи. Онъ съ своей стороны предпринимаетъ любопытную попытку спасенія, при чемъ, однако, изъ подлежащаго спасенію столько выбрасывается за бортъ, что съ полнымъ основаніемъ представляется сомнительнымъ, заслужитъ-ли онъ этимъ благодарность хотя одного заинтересованнаго. Я еще ближе коснусь этой во всякомъ случаѣ интересной и поучительной попытки спасенія. Теперь намъ еще не до того; раньше посмертнаго защитника намъ приходится еще выслушать самаго маэстро, и притомъ со всѣмъ подобающимъ такому важному вопросу вниманіемъ и тщательностью.

Само собой понятно, что и самъ Марксъ предвидѣлъ, что его «рѣшеніе» упрекнутъ въ томъ, что оно представляетъ не «рѣшеніе», а отказъ отъ его закона цѣнности. Этимъ соображеніемъ, по всей вѣроятности, объясняется преждевременная самозащита, которая, если и не по формѣ, то все-таки по содержанію, встрѣчается въ трудѣ Маркса. Марксъ не упускаетъ во

[1]) О. с., стр. 571 и слѣд.

многихъ мѣстахъ вставить положительное утвержденіе, что, несмотря на непосредственное подчиненіе мѣновыхъ отношеній цѣнамъ производства, отступающимъ отъ цѣнностей, все-таки все еще вращается въ предѣлахъ закона цѣнности, и что послѣдній все-таки, по крайней мѣрѣ, «въ послѣдней инстанціи» управляетъ цѣнами. Онъ старается придать этому взгляду разными объясненіями и замѣчаніями видъ правдоподобія, но они не носятъ печати единообразія. По поводу этого вопроса Марксъ не приводитъ, какъ это его обыкновеніе, формально замкнутый ходъ доказательства, а даетъ только, одно рядомъ съ другимъ, нѣсколько случайныхъ замѣчаній, заключающихъ въ себѣ различныя доказательства или различныя толкованія.

При такомъ положеніи дѣла нельзя сказать, которому изъ этихъ доводовъ самъ Марксъ хотѣлъ придать болѣе вѣсу, а также, какъ онъ самъ представлялъ себѣ взаимное отношеніе этихъ разнообразныхъ доказательствъ. Какъ-бы то ни было, мы во всякомъ случаѣ обязаны на каждый изъ этихъ доводовъ обратить серьезное вниманіе и безпристрастно оцѣнить ихъ, если желаемъ справедливо отнестись къ автору и къ своей критической задачѣ. Относящіяся сюда замѣчанія въ общей сложности заключаютъ, кажется, въ себѣ слѣдующіе 4 аргумента въ пользу вполнѣ или отчасти постояннаго значенія закона цѣнностей

1 аргументъ: Хотя между собою отдѣльные товары и продаются выше или ниже своей цѣнности, но эти отступленія съ обѣихъ сторонъ все-таки взаимно уничтожаются, и въ обществѣ, въ его цѣломъ, — разсматривая совокупность отраслей всего производства, — сумма цѣнъ производства (Productions preise) товаровъ все-таки остается равной суммѣ ихъ цѣнностей (III, 138).

2 аргументъ: Законъ цѣнности подчиняетъ себѣ движеніе цѣнъ, такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе рабочаго времени, нужнаго для производства, заставляетъ цѣны производства подниматься или падать (III, 158, а также III, 156).

3 аргументъ: Законъ цѣнности, какъ утверждаетъ Марксъ, вполнѣ господствуетъ въ сферѣ обмѣна въ извѣстныхъ «первобытныхъ» стадіяхъ, въ которыхъ превращеніе цѣнностей въ цѣны производства не успѣло еще произойти.

4 аргументъ: Въ сложномъ народномъ хозяйствѣ законъ цѣнности «регулируетъ», хотя косвенно и «въ послѣдней инстанціи», цѣны производства, такъ какъ общая цѣнность товаровъ, опредѣляемая по закону цѣнности, регулируетъ общую добавочную цѣнность (Gesammtmehrwerth), а эта регулируетъ уровень средней прибыли, а чрезъ это и общую норму прибыли (III, 159).

Разсмотримъ содержаніе каждаго изъ этихъ аргументовъ въ отдѣльности.

Первый аргументъ.

Марксъ признаетъ, что отдѣльные продукты обмѣниваются другъ на друга выше или ниже своей дѣйствительной цѣнности, въ зависимости отъ того, принималъ ли при ихъ производствѣ постоянный капиталъ участіе въ размѣрѣ выше или ниже средняго. При этомъ обращается вниманіе на то обстоятельство, что эти индивидуальныя отступленія, которыя имѣютъ мѣсто съ обѣихъ сторонъ, постоянно взаимно уравновѣшиваются или уничтожаются такъ, что сумма всѣхъ уплоченныхъ цѣнъ все-таки въ точности соотвѣтствуетъ суммѣ всѣхъ цѣнностей. «Въ томъ-же самомъ случаѣ, когда одна часть товаровъ продается выше своей цѣнности, другая продается ниже своей цѣнности» (III, 135). «Общая цѣна товаровъ I—V (въ приводимомъ Марксомъ табличномъ примѣрѣ) была-бы равна ихъ общей цѣнности..., слѣдовательно, въ дѣйствительности въ товарахъ I—V содержится денежное выраженіе всего количества труда прошлаго и добавленнаго вновь. И такимъ образомъ, въ самомъ обществѣ, разсматривая совокупность всѣхъ отраслей производства, сумма

цѣнъ производства изготовленныхъ товаровъ равняется суммѣ ихъ цѣнностей» (III, 138). Отсюда, въ концѣ концовъ,—болѣе или менѣе ясно—дѣлается выводъ, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ суммѣ всѣхъ продуктовъ или по отношенію къ обществу въ его цѣломъ законъ цѣнности остается въ полной силѣ. «Между тѣмъ это всегда разрѣшается тѣмъ, что насколько въ одномъ продуктѣ получается больше прибавочной цѣнности, настолько въ другомъ получается меньше, и что отсюда и отступленія отъ цѣнности, заключающіяся въ цѣнахъ производства товаровъ, взаимно уничтожаются. Вообще въ цѣломъ капиталистическомъ производствѣ всегда только въ крайне запутанномъ и приближенномъ видѣ, въ качествѣ никогда неуловимаго средняго вѣчныхъ колебаній, проявляется *общій законъ, какъ господствующая тенденція*» (III, 140). Этотъ аргументъ въ литературѣ марксистовъ не представляетъ ничего новаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это было подобнымъ-же образомъ доказываемо Конрадомъ Шмидтомъ съ большою убѣдительностью и быть можетъ даже съ большею принципіальною ясностью, чѣмъ въ настоящее время Марксомъ. И Шмидтъ при своей попыткѣ разгадать загадку о средней прибыли приходитъ, хотя и путемъ иныхъ умозаключеній, чѣмъ Марксъ, къ тому выводу, что отдѣльные продукты не могутъ обмѣниваться другъ на друга, соотвѣтственно вложенному въ нихъ труду. И ему приходилось поставить себѣ вопросъ, въ виду указаннаго обстоятельства, можно ли и какимъ образомъ можно говорить о значеніи Маркса закона цѣнности—и онъ основывалъ свой утвердительный отвѣтъ именно на разсматриваемомъ теперь аргументѣ. Я считаю его вполнѣ неподходящимъ. Въ свое время по этому вопросу я высказалъ свои соображенія противъ Конрада Шмидта, да и теперь еще не имѣю никакого повода измѣнить хоть одно слово противъ самого Маркса. Я могу поэтому удовлетвориться просто дословнымъ ихъ повтореніемъ. По отношенію къ Шмидту я задавалъ вопросъ, сколь много или сколь

мало останется еще отъ пресловутаго закона цѣнности послѣ той существенной уступки, и затѣмъ продолжалъ: «Но что немного остается, наглядно показываютъ намъ именно тѣ усилія, съ которыми авторъ стремится доказать, что при всемъ томъ законъ цѣнности остается въ силѣ. Послѣ того именно, какъ онъ согласился, что на самомъ дѣлѣ цѣна продуктовъ расходится съ ихъ цѣнностью, онъ дѣлаетъ оговорку, что это отступленіе все-таки распространяется только на тѣ цѣны, которыя касаются отдѣльныхъ товаровъ; что оно, напротивъ, исчезаетъ, если разсматривать сумму всѣхъ отдѣльныхъ товаровъ, годичное національное производство. А сумма цѣнъ, которая въ общей сложности уплачивается за весь національный продуктъ, все-таки вполнѣ-де совпадаетъ съ кристаллизованною на самомъ дѣлѣ въ немъ суммою цѣнностей (стр. 51). Не знаю, удастся ли мнѣ достодолжнымъ образомъ разъяснить значеніе этого утвержденія. Попытаюсь сдѣлать по крайней мѣрѣ кое-какія указанія.

«Въ чемъ состоитъ вообще задача «закона цѣнности»? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ объясненіи наблюдаемыхъ въ дѣйствительности мѣновыхъ отношеній благъ. Мы желаемъ знать, почему при обмѣнѣ одно платье, напримѣръ, цѣнится въ 20 аршинъ полотна, почему 10 фунтовъ чаю соотвѣтствуютъ 1/2 бочкѣ желѣза и т. п. Такъ опредѣлилъ задачу «закона цѣнности» и самъ Марксъ. Конечно, о мѣновыхъ отношеніяхъ можетъ быть рѣчь только въ примѣненіи къ различнымъ отдѣльнымъ товарамъ между собою. Но какъ только кто обнимаетъ взоромъ всѣ продукты въ ихъ общей сложности и суммируетъ ихъ цѣны, то онъ по необходимости и преднамѣренно оставляетъ безъ вниманія отношенія внутри этой совокупности. Заключающіяся внутри относительныя различія въ цѣнѣ, конечно уравниваются въ ихъ суммѣ. На сколько, напримѣръ, чай цѣнится выше желѣза, на столько желѣзо цѣнится ниже чая и vice versa. Во всякомъ случаѣ, это не

отвѣтъ на нашъ вопросъ, если мы справляемся о мѣновыхъ отношеніяхъ благъ въ народномъ хозяйствѣ, а намъ указываютъ на сумму цѣнъ, которой они достигаютъ всѣ вмѣстѣ; это все равно, что на вопросъ, на сколько минутъ или секундъ побѣдитель на скачкахъ употребилъ меньше времени для того, чтобы пройти ристалище, чѣмъ его соперники, намъ отвѣтили бы: всѣ соискатели награды, вмѣстѣ взятые, употребили 25 минутъ 13 секундъ.

«Въ сущности дѣло обстоитъ такъ. На вопросъ о законѣ цѣнности маркенисты прежде всего даютъ отвѣтъ указаніемъ на ихъ законъ цѣнности, состоящій въ томъ, что продукты обмѣниваются въ соотвѣтствіи съ воплощеннымъ въ нихъ рабочимъ временемъ; затѣмъ, съ обиняками или безъ обиняковъ, они берутъ назадъ свой отвѣтъ по отношенію къ области обмѣна отдѣльныхъ продуктовъ, т. е. какъ разъ по отношенію къ той области, гдѣ этотъ вопросъ вообще только и имѣетъ смыслъ, и сохраняютъ въ полной неприкосновенности свой отвѣтъ только по отношенію ко всему національному производству въ цѣломъ, т. е. по отношенію къ области, гдѣ нашъ вопросъ, какъ лишенный всякаго смысла, совершенно не можетъ быть поставленъ. Въ качествѣ отвѣта собственно на вопросъ о цѣнности «законъ цѣнности», такимъ образомъ, оказывается, по общему признанію, въ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами, а въ примѣненіи къ тому, гдѣ нельзя изобличить его несостоятельности, законъ этотъ вовсе не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ, именно и требующій рѣшенія, и въ лучшемъ случаѣ могъ бы служить отвѣтомъ на какой-либо иной вопросъ.

«Но это даже не отвѣтъ и на какой-нибудь другой вопросъ, да и вообще совсѣмъ не отвѣтъ, а просто тавтологія. Вѣдь, какъ всякій экономистъ знаетъ, продукты обмѣниваются окончательно всегда все-таки на продукты, если смотрѣть сквозь форму денежнаго обращенія, скрывающую суть. Всякій, вступающій въ обмѣнъ, товаръ является съ одной стороны това-

ромъ, но съ другой стороны является вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣной того товара, на который мѣняется. Сумма товаровъ, такимъ образомъ, идентична съ суммою уплаченныхъ за нихъ цѣнъ. Или: цѣна всего національнаго продукта въ цѣломъ представляетъ ничто иное, какъ самъ національный продуктъ. При такихъ условіяхъ, конечно, вполнѣ вѣрно утвержденіе, что сумма цѣнъ, уплаченныхъ въ общей сложности за весь національный продуктъ, вполнѣ совпадаетъ съ кристаллизованной на самомъ дѣлѣ въ немъ суммою цѣнности или труда.

«Но только это тавтологическое утвержденіе не только не даетъ никакого приращенія къ истинному познанію, но и не можетъ особенно служить провѣркою правильности этого мнимаго закона, что блага мѣняются въ отношеніи къ воплощенному въ нихъ труду. Вѣдь такимъ путемъ можно было бы такъ же хорошо,—или, скорѣе, такъ же скверно, — доказать вѣрность любого закона, положимъ, закона, что блага мѣняются въ отношеніяхъ ихъ с п е ц и ф и ч е с к а г о в ѣ с а! Хотя, конечно, одинъ фунтъ золота, какъ «отдѣльный товаръ», не обмѣнивается на о д и н ъ фунтъ желѣза, а на 40,000 фунтовъ, но все-таки с у м м а цѣнъ, уплаченная за 1 фунтъ золота и 40,000 фунтовъ желѣза в м ѣ с т ѣ, представляетъ собою не менѣе и не болѣе, какъ 40,000 ф. желѣза и 1 ф. золота. Итакъ, общій вѣсъ суммы цѣнъ, — 40,001 ф., -въ точности соотвѣтствуетъ общему вѣсу, воплощенному въ суммѣ товаровъ и состоящему тоже изъ 40,001 ф., и, слѣдовательно, в ѣ с ъ есть истинный масштабъ, которымъ регулируются мѣновыя отношенія товаровъ!?»

Я не считаю нужнымъ ослаблять какой-нибудь пунктъ этого сужденія, направленнаго теперь противъ самаго Маркса, или присовокуплять къ нему что либо, развѣ только то, что Марксъ, приводя разсматриваемый аргументъ, допустилъ еще одинъ особенный промахъ, котораго Шмидтъ въ свое время не сдѣлалъ. Въ только что цитированномъ мѣстѣ (140 стр. 3 т.) Марксъ

старается внушить мысль въ вѣрности идеи, что его закону цѣнности можно приписывать извѣстное реальное значеніе, хотя отдѣльные случаи и противорѣчатъ ему, посредствомъ общей сентенціи, имѣющей своимъ предметомъ способы дѣйствія этого закона. Послѣ того, какъ онъ говорилъ о томъ, что «отступленія отъ цѣнности, заключающіяся въ цѣнахъ продуктовъ, взаимно уничтожаются», онъ присовокупляетъ замѣчаніе, что этотъ общій законъ относительно всего капиталистическаго производства «вообще проявляется только въ очень запутанномъ и приближенномъ видѣ, въ формѣ, подлежащей выведенію средней изъ вѣчныхъ колебаній, какъ господствующая тенденція».

Марксъ смѣшиваетъ тутъ двѣ совершенно различныхъ вещи: среднюю колебаній и среднюю изъ постоянно и принципіально различныхъ величинъ. Онъ, конечно, вполнѣ правъ въ томъ отношеніи, что есть много такихъ общихъ законовъ, которые проявляются такимъ образомъ, что только средняя постоянныхъ колебаній соотвѣтствуетъ нормѣ, установляемой закономъ. Каждый экономистъ знаетъ такіе законы, какъ, напримѣръ, законъ, что цѣны соотвѣтственны издержкамъ производства, что высота заработной платы въ различныхъ отрасляхъ занятія, высота прибыли въ различныхъ производствахъ, оставляя въ сторонѣ особенныя основанія неравенства, стремятся къ одному уровню; каждый экономистъ склоненъ признать эти законы «законами», хотя, очень можетъ быть, ни одинъ случай не соотвѣтствуетъ имъ въ полной точности. Поэтому указаніе на такой способъ проявленія закона, только въ среднемъ и вообще, чрезвычайно подкупаетъ читателя.

Но случай, въ пользу котораго Марксъ приводитъ это подкупающее указаніе, совершенно иного характера. Въ случаѣ отклоненія цѣнъ продуктовъ отъ «цѣнностей», дѣло идетъ не о колебаніяхъ, а о необходимыхъ и постоянныхъ различіяхъ. Изъ двухъ продуктовъ A и B, которые воплощаютъ въ себѣ одинаковое количество труда, но произведены при неодинако-

номъ органическомъ составѣ капиталовъ, не колеблется каждый около одной и той же средней величины, напр. около средней цѣны въ 50 фл., а напротивъ, каждый изъ нихъ имѣетъ постоянно иной средній уровень своей цѣны: такъ, напр., продуктъ *A*, при производствѣ котораго принималъ участіе и требуетъ оплаты процентами небольшой постоянный капиталъ,— уровень въ 40 фл., а продуктъ *B*, имѣющій уплатить проценты на большой постоянный капиталъ -уровень въ 60 фл., съ колебаніями около этихъ различныхъ уровней. Если-бы мы имѣли дѣло съ колебаніями около одного и того же уровня такъ, что то продуктъ *A* достигалъ бы 48 фл., а продуктъ *B*—52 фл., то наоборотъ: продуктъ *A*—52, а продуктъ *B*—48 фл., тогда мы, конечно, были бы въ правѣ сказать, что средняя величина цѣны обоихъ продуктовъ одинакова, и при такомъ положеніи дѣлъ, если-бы его можно было замѣтить повсюду, несмотря на всѣ колебанія, можно было бы усмотрѣть подтвержденіе этого «закона», состоящаго въ томъ, что продукты, воплощающіе въ себѣ одинаковое количество труда, обмѣниваются другъ на друга въ одинаковой мѣрѣ. Но если изъ двухъ продуктовъ, воплощающихъ одинаковое количество труда, одинъ - въ видѣ общаго правила, постоянно сохраняетъ цѣну въ 40, а второй точно такъ же, въ видѣ общаго правила, постоянно цѣну въ 60 фл., то, конечно, математикъ и изъ этихъ двухъ неодинаковыхъ величинъ можетъ вывести среднюю въ 50 фл. Но такая средняя величина имѣетъ совершенно иное значеніе, или, правильнѣе сказать, для нашего закона не имѣетъ никакого значенія. Вѣдь ариѳметическую среднюю всегда можно вывести и для самыхъ различныхъ величинъ, и разъ она будетъ выведена, противоположныя отклоненія отъ нея всегда «взаимно компенсируются»: насколько одна величина превышаетъ среднюю, какъ разъ настолько вторая обязательно должна, конечно, быть меньше ея! Но ясно, что посредствомъ такой игры съ «средними величинами» и «взаимно уничтожающимися» откло-

неніями» пельзя тотъ фактъ, что продукты, поглощающіе одинаковое количество труда, но произведенные при участіи неодинаковаго состава капиталовъ, необходимо всегда различны въ цѣнѣ, изъ опроверженія превратить въ подтвержденіе выставляемаго закона цѣнности.

Это все равно, какъ если-бы кто пожелалъ и счелъ себя вправѣ подобнымъ-же путемъ доказать, что всѣ породы животныхъ, эфемеры и слоны, имѣютъ одинаковую продолжительность жизни. Конечно, слоны живутъ среднимъ числомъ 100 лѣтъ, а эфемеры только одинъ день, но изъ этихъ величинъ можно вывести общую среднюю въ 50 лѣтъ; насколько слоны живутъ дольше этого срока, настолько же эфемеры живутъ меньше. Отклоненія отъ средней величины такимъ образомъ «взаимно уничтожаются», и въ цѣломъ и въ среднемъ торжествуетъ такой законъ, что всѣ породы животныхъ имѣютъ одинаково продолжительную жизнь!

Пойдемъ дальше.

Второй аргументъ.

Въ различныхъ мѣстахъ 3 тома Марксъ, относительно закона цѣнности, утверждаетъ, что онъ «управляетъ движеніями цѣнъ», и доказательство этого господства видитъ въ томъ фактѣ, что, гдѣ рабочее время, потребное для производства продуктовъ, увеличивается, тамъ цѣны подымаются, а гдѣ оно уменьшается, тамъ и цѣны падаютъ, при неизмѣнности прочихъ условій [1]).

И это заключеніе опирается на логической ошибкѣ, которая такъ бьетъ въ глаза, что каждаго должно поразить, какъ самъ Марксъ могъ допустить ее.

Тотъ фактъ, что «при неизмѣнности прочихъ условій» цѣны

---

[1]) III, 156, также точно въ прежде цит. мѣстѣ III, 158.

поднимаются и падаютъ въ зависимости отъ количества затраченнаго труда, ясно доказываетъ не менѣе и не болѣе, какъ только то, что трудъ—о д н о изъ опредѣляющихъ цѣну условій. Онъ доказываетъ, значитъ, положеніе, съ которымъ согласенъ весь міръ, которое не составляетъ исключительнаго мнѣнія Маркса, а, напротивъ, доказывается также и классиками, и «вульгарными экономистами». Но Марксъ утверждалъ посредствомъ своего закона цѣнности далеко большее: онъ утверждалъ, что количество затраченнаго труда составляетъ е д и н с т в е н н о е условіе, опредѣляющее мѣновыя отношенія товаровъ (оставляя въ сторонѣ случайныя скоропреходящія колебанія предложенія и спроса). Что «этотъ» законъ управляетъ движеніемъ цѣнъ, очевидно, можно было бы утверждать только въ томъ случаѣ, если-бы (длящееся) измѣненіе цѣнъ не могло быть причинено или вызвано ничѣмъ другимъ, какъ только измѣненіемъ количества рабочаго времени. Но этого Марксъ совсѣмъ не утверждаетъ и не можетъ утверждать; ибо послѣдовательность его собственнаго ученія требуетъ, чтобы измѣненіе цѣны произошло, напримѣръ, и тогда, если количество затрачиваемаго труда остается неизмѣннымъ, но измѣняется вслѣдствіе укороченія процесса производства и т. п. органическій составъ капиталовъ. Итакъ, рядомъ съ приведеннымъ утвержденіемъ Маркса, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, можно поставить вполнѣ столь же основательное утвержденіе, что цѣны поднимаются или падаютъ тамъ, гдѣ при неизмѣнности прочихъ условій увеличивается или уменьшается продолжительность затраты капитала. Но какъ нельзя, очевидно, послѣднимъ утвержденіемъ доказать или подтвердить того, что будто бы продолжительность затраты капитала есть е д и н с т в е н н о е обстоятельство, управляющее мѣновыми отношеніями, точно также, съ другой стороны, въ томъ обстоятельствѣ, что измѣненія въ количествѣ затрачиваемаго труда оставляютъ вообще слѣдъ на измѣненіи цѣнъ, нельзя видѣть подтвержденія предъявляемаго

закона, гласящаго, что одинъ трудъ управляетъ мѣновыми отношеніями.

Третій аргументъ.

Этотъ аргументъ раскрытъ у Маркса не съ полной отчетливостью, но матеріалъ для этого вошелъ въ составъ изложенія доказательствъ, которыя приводятся для разъясненія «въ сущности труднаго вопроса», именно, «какъ совершается выравниваніе нормъ прибылей въ одну общую норму прибыли» (III, 153).

Сущность этого аргумента короче всего можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Марксъ утверждаетъ,—и долженъ утверждать, что «нормы прибыли первоначально весьма различны» (III, 136), и что выравненіе ихъ въ одну общую норму прибыли «является результатомъ и не можетъ быть исходнымъ пунктомъ» (III, 153). Этотъ тезисъ дальше заключаетъ въ себѣ предположеніе, что существуетъ какое-то «первобытное» состояніе, въ которомъ «превращеніе цѣнностей въ цѣны», ведущее за собою выравненіе нормъ прибыли, еще не осуществилось, и въ которомъ потому вполнѣ и буквально господствуетъ законъ цѣнности. Такимъ образомъ претендуется на существованіе извѣстной, ему вполнѣ подвластной области дѣйствія. Присмотримся поближе, какія это должны быть области, и какіе Марксъ приводитъ доводы для доказательства того, что тамъ мѣновыя отношенія дѣйствительно нормируются только количествомъ труда, воплощеннаго въ товарахъ.

Уравненіе нормъ прибылей, по Марксу, связано съ двумя предположеніями: во-первыхъ, что уже господствуетъ капиталистическій способъ производства (III, 154), и во-вторыхъ, что соперничество сильно обнаруживаетъ свое нивелирующее дѣйствіе (III, 136, 151, 159, 175—176). Логически разсуждая, мы, значитъ, должны искать это «первоначальное состояніе» съ чистымъ господствомъ закона цѣнности тамъ, гдѣ не-

достаетъ перваго или второго изъ этихъ предположеній (или конечно, обоихъ вмѣстѣ).

О первомъ случаѣ Марксъ самъ ясно высказался. Строй такого общественнаго состоянія, въ которомъ нѣтъ еще капиталистическаго производства, гдѣ «работнику принадлежатъ средства производства», онъ дѣлаетъ предметомъ подробнаго изложенія, представляющаго намъ цѣны товаровъ въ этой стадіи, дѣйствительно въ исключительной зависимости отъ ихъ цѣнности. Чтобы дать читателю возможность безпристрастно обсудить, насколько это изложеніе можетъ претендовать на силу доказательства, я долженъ выписать его дословно.

«Punctum saliens лучше всего разъяснится, если мы представимъ себѣ дѣло такъ: представимъ себѣ, что рабочіе сами владѣютъ нужными имъ средствами производства и обмѣниваютъ свои товары между собою. Эти товары не были бы въ такомъ случаѣ продуктами капитала. Смотря по технической природѣ ихъ работъ, цѣнность орудій труда и рабочаго матеріала, употребленныхъ въ различныхъ отрасляхъ производства, была бы различна; точно такъ же, независимо отъ различія цѣнности употребленныхъ средствъ производства, требовалось бы различное количество ихъ для даннаго количества труда, смотря по тому, можетъ ли извѣстный продуктъ быть приготовленъ въ одинъ часъ, или въ одинъ день и т. д. Представимъ себѣ дальше, что эти рабочіе работаютъ въ среднемъ одинаково продолжительное время, принимая при этомъ въ соображеніе и уравненія, вытекающія изъ различной интенсивности труда и проч. Въ такомъ случаѣ два работника прежде всего возвратили бы себѣ въ товарахъ, составляющихъ продуктъ ихъ рабочаго дня, свои издержки на потребленныя средства производства. Онѣ были бы различны, смотря по технической природѣ отраслей труда каждаго. Оба, кромѣ того, произвели бы одинаковое количество новой цѣнности, именно, — день труда, приложенный къ средствамъ производства. Она заключала бы въ себѣ ихъ заработную плату

плюсъ добавочную цѣнность, полученную отъ излишка работы надъ необходимыми потребностями, результатъ котораго все-таки принадлежалъ бы имъ самимъ. Выражаясь капиталистически, оба получатъ одинаковую заработную плату плюсъ одинаковую прибыль, а также и цѣнность, выраженную, напримѣръ, въ продуктѣ одного десятичасового рабочаго дня. Но, во-первыхъ, цѣнность ихъ товаровъ была бы различна. Въ товарѣ I, напримѣръ, содержалось бы больше частей цѣнности затраченныхъ средствъ производства, чѣмъ въ товарѣ II. Нормы прибыли для I и II были бы тоже весьма различны, если подъ нормой прибыли будемъ понимать въ данномъ случаѣ отношеніе прибавочной цѣнности къ общей цѣнности затраченныхъ средствъ производства. Средства существованія, потребляемыя ежедневно рабочими I и II во время производства и замѣняющія собою заработную плату, составятъ собою ту часть затраченныхъ средствъ производства, которую мы, обыкновенно, называемъ [illegible] капиталомъ. Но добавочныя цѣнности были бы въ одинаковое рабочее время у I и II одинаковы, или еще точнѣе: такъ какъ и I и II каждый получаетъ цѣнность продукта одного рабочаго дня, то за вычетомъ цѣнности затраченныхъ «постоянныхъ» элементовъ, они получатъ одинаковую цѣнность, одна часть которой можетъ быть разсматриваема, какъ возмѣщеніе поглощенныхъ во время производства средствъ существованія, другая—оставшаяся послѣ этого добавочная цѣнность.

Если издержки I больше, то онѣ возмѣщаются большей долей цѣнности его товара, которая возмѣщаетъ указанную «постоянную» часть; и ему приходится поэтому большую часть общей цѣнности своего товара вновь обращать въ вещественные элементы этой постоянной части, между тѣмъ какъ II, если онъ въ возмѣщеніе этихъ элементовъ меньше получитъ, зато меньше и отчислитъ. При этомъ предположеніи, различіе нормъ прибыли было бы обстоятельствомъ безразличнымъ [illegible]ично

такъ же, какъ теперь безразлично для наемнаго работника, какою нормою прибыли выразится утянутое у него количество добавочной цѣнности, или какъ безразличны въ международной торговлѣ различія въ нормахъ прибыли у различныхъ народовъ для ихъ товарнаго обмѣна» (III, 154).

Теперь Марксъ послѣ этого гипотетическаго способа разсужденія съ «подстановками» и съ рядомъ словъ «было бы» и «были бы» переходитъ сразу къ вполнѣ положительнымъ заключеніямъ. «Обмѣнъ товаровъ по ихъ цѣнности или приблизительно по ихъ цѣнности требуетъ, слѣдовательно, далеко болѣе низкой ступени, чѣмъ обмѣнъ по цѣнамъ производства...» и «слѣдовательно, вполнѣ согласно съ положеніемъ дѣла разсматривать цѣнности продуктовъ не только съ теоретической, но и съ исторической точки зрѣнія, какъ «prius» (предшественниковъ) цѣнъ производства. Это имѣетъ силу при такихъ обстоятельствахъ, когда работнику принадлежатъ средства производства, а такое состояніе мы встрѣчаемъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, у землевладѣльцевъ крестьянъ, работающихъ лично и у ремесленниковъ» (III, 155, 156)

Что сказать о такихъ разсужденіяхъ?

Прежде всего прошу читателя убѣдиться и установить тотъ фактъ, что та часть, которую онъ ведетъ въ формѣ «представленій», хотя заключаетъ въ себѣ со строгою, правда, послѣдовательностью проведенное изображеніе того, какъ въ томъ первобытномъ общественномъ состояніи долженъ былъ выглядѣть обмѣнъ, если бы все происходило согласно закону цѣнности Маркса, но что вмѣстѣ съ тѣмъ эта часть не заключаетъ въ себѣ даже тѣни доказательства или хотя бы попытки доказать, что въ приведенныхъ предположеніяхъ все и должно было бы такъ происходить. Марксъ разсказываетъ, «представляетъ себѣ», утверждаетъ, но ни однимъ словомъ не доказываетъ. Поэтому, Марксъ дѣлаетъ смѣлый, чтобы не сказать наивный, скачокъ, когда онъ послѣ этого объявляетъ, какъ

будто бы ему дѣйствительно удалось это доказать, какъ прямо выводъ, что «слѣдовательно» вполнѣ согласно съ положеніемъ дѣла разсматривать цѣнности и съ исторической точки зрѣнія, какъ «prius» цѣнъ производства. На самомъ дѣлѣ и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы Марксу удалось посредствомъ своихъ «представленій» доказать историческое существованіе такого состоянія; онъ вынесъ его изъ своей теоріи единственно какъ гипотезу, относительно правдоподобности которой намъ, конечно, должна быть предоставлена свобода составить себѣ обоснованное мнѣніе.

На самомъ дѣлѣ противъ такой правдоподобности имѣются самыя серьезныя внѣшнія и внутреннія сомнѣнія. Во внутреннемъ отношеніи оно неправдоподобно, а, насколько тутъ можетъ быть рѣчь объ опытѣ, то и онъ говоритъ противъ него.

Во внутреннемъ отношеніи гипотеза вполнѣ неправдоподобна. Ея допущеніе требовало бы, чтобы время, когда производители получаютъ вознагражденіе за свою дѣятельность, было для нихъ чѣмъ-то безразличнымъ,—а это, и въ хозяйственномъ, и психологическомъ отношеніи невозможно. Разъяснимъ себѣ это посредствомъ облеченія примѣра, приведеннаго самимъ Марксомъ, въ числовыя величины. Марксъ сравниваетъ двухъ работниковъ I и II. Работникъ I есть представитель отрасли производства, которая въ техническомъ отношеніи требуетъ относительно много дорогихъ подготовительныхъ средствъ производства, сырыхъ матеріаловъ, орудій, вспомогательныхъ матеріаловъ. Для того, чтобы облечь примѣръ въ численныя величины, допустимъ, что для составленія подготовительныхъ средствъ для производства требуется пять рабочихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ переработка ихъ въ законченные продукты совершается въ теченіе одного шестого года. Допустимъ дальше, а это не будетъ противно духу Марксовой гипотезы, которая вѣдь имѣетъ въ виду вполнѣ первобытное состояніе, что I работникъ самъ выполнитъ и тѣ, и другія работы, какъ изготовленіе подготовительныхъ средствъ

производства, такъ и переработку ихъ въ законченные продукты. При такихъ условіяхъ онъ, конечно, получитъ при продажѣ готовыхъ продуктовъ, которая можетъ послѣдовать только въ концѣ шестого года, вознагражденіе и за подготовительную работу первыхъ лѣтъ; говоря иными словами, вознагражденія за работу перваго года онъ будетъ ждать пять лѣтъ, за работу второго года—четыре года, третьяго—три и т. д.; или среднимъ числомъ за всѣ 6 лѣтъ онъ долженъ будетъ ожидать вознагражденія три года по окончаніи работы. Напротивъ, II работникъ, который выставленъ представителемъ отрасли производства, требующей относительно мало подготовительныхъ средствъ, выполнитъ, можетъ быть, всю подготовительную и исполнительную работу въ какой-нибудь одномѣсячный срокъ и поэтому почти непосредственно послѣ окончанія работы получитъ при продажѣ своего продукта свое вознагражденіе.

Гипотеза Маркса предполагаетъ, что цѣны I и II рода продуктовъ установляются вполнѣ въ соотвѣтствіи съ затраченнымъ количествомъ труда, такъ что продуктъ шести рабочихъ лѣтъ перваго рода продается совершенно за ту же цѣну, какъ сумма продуктовъ второго рода шести рабочихъ лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ дальше, что въ первой отрасли работникъ удовлетворяется т а к и м ъ ж е вознагражденіемъ за одинъ годъ съ просроченнымъ платежемъ среднимъ числомъ въ 3 года, какое работникъ во второй отрасли получаетъ б е з ъ в с я к о й п р о с р о ч к и; а отсюда слѣдуетъ, что просрочка платежа заработной платы во времени составляетъ обстоятельство, которое по Марксовой гипотезѣ не играетъ никакой роли и не въ состояніи вліять на соперничество, на болѣе сильный или слабый напливъ для занятія различными отраслями производства въ зависимости и отъ того, требуютъ ли онѣ вслѣдствіе продолжительности періодовъ производства болѣе краткій или длинный срокъ ожиданія вознагражденія.

Правдоподобно ли это, предоставляю обсудить самому чита-

телю. Маркъ, вообще, признаетъ вполнѣ справедливо, что особенныя условія, которыя связаны съ работой въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, какъ: особенная интенсивность, напряженіе, непріятность труда, завоевываютъ себѣ компенсацію въ высшемъ уровнѣ заработной платы посредствомъ игры конкуренціи. Не должна ли многолѣтняя отсрочка вознагражденія за трудъ тоже быть обстоятельствомъ, требующимъ компенсаціи? А кромѣ того: допустимъ, что даже всѣ производители были бы с о г л а с н ы дожидаться ли вознагражденія безразлично три года или не дожидаться нисколько, развѣ они всѣ в ъ с о с т о я н і и ждать? Маркъ, правда, предполагаетъ, что «работники сами владѣютъ средствами производства», но онъ не предполагаетъ и, конечно, не смѣетъ предполагать, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ столь многими средствами производства, сколько нужно для занятія такой отраслью производства, которая по техническимъ причинамъ требуетъ распоряженія наиболѣе значительною суммою средствъ. Поэтому различныя отрасли производства не въ одинаковой степени доступны всѣмъ производителямъ. Напротивъ, тѣ отрасли, которыя требуютъ предварительной затраты незначительнаго количества средствъ, доступны въ общемъ всей массѣ, а тѣ отрасли, которыя требуютъ приложенія все большаго капитала, доступны все меньшему числу людей. Неужели этотъ фактъ ничуть не долженъ вліять въ томъ отношеніи, что предложеніе въ послѣдней отрасли испытываетъ извѣстное ограниченіе, вслѣдствіе котораго въ концѣ концовъ цѣна ея продуктовъ должна будетъ превышать относительный уровень цѣны продуктовъ тѣхъ отраслей, которыя ведутся безъ того непыстнаго условія ожиданія и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ доступны гораздо болѣе значительному кругу конкурентовъ?

Что мы тутъ имѣемъ дѣло съ извѣстною невѣроятностью, чувствовалъ Маркъ самъ.

Послѣ этого онъ, равнымъ образомъ, хотя и въ иной формѣ, отмѣчаетъ, что опредѣленіе цѣнъ только по количеству труда

и въ другомъ отношеніи приводитъ къ извѣстному несоотвѣтствію. Онъ отмѣчаетъ это въ такой формѣ (впрочемъ, вполнѣ соотвѣтственной), что добавочная цѣнность, которую получаютъ рабочіе обѣихъ отраслей производства по удовлетворенія потребностей существованія, даетъ неравныя нормы прибыли по разсчету на затраченныя средства производства. Естественно, тутъ навязывается вопросъ, почему это различіе не можетъ уничтожиться, какъ и въ «капиталистическомъ» обществѣ, посредствомъ конкуренціи. Марксъ самъ чувствуетъ потребность отвѣтить на этотъ вопросъ, и это есть единственное здѣсь исключеніе, которое на ряду съ пустыми утвержденіями носитъ характеръ попытки обоснованія.

Что же онъ отвѣчаетъ? Самое главное—то, чтобы оба работника при одинаковомъ рабочемъ времени получили одинаковую добавочную цѣнность, или, выражаясь точнѣе: чтобы они при одинаковомъ рабочемъ времени «получали одинаковыя цѣнности, за вычетомъ цѣнности затраченныхъ постоянныхъ элементовъ»; при такомъ предположеніи для нихъ, будто бы, безразличны «различія нормъ прибылей, такъ же какъ теперь не важно для наемнаго работника, какою нормою прибыли выразится утянутое у него количество добавочной цѣнности...»

Удачно ли это сравненіе? Когда я чего-нибудь не получаю, тогда для меня, во всякомъ случаѣ, вполнѣ безразлично, составляетъ ли то, чего я не получаю, высокій или низкій процентъ въ сравненіи съ капиталомъ какого-нибудь третьяго лица. Но если я что-нибудь дѣйствительно получаю, какъ работникъ долженъ получить въ безкапиталистической гипотезѣ добавочную цѣнность въ качествѣ прибыли, то для меня, конечно, ничуть не безразлично, какъ измѣряется и распредѣляется эта прибыль.

Можетъ оставаться открытымъ вопросомъ, слѣдуетъ-ли измѣрять и распредѣлять эту прибыль только по количеству произведенной работы или и по количеству затраченныхъ средствъ

производства; но просто «безразлично» для заинтересованныхъ это, конечно, не можетъ быть, и потому, если утверждается довольно невѣроятный фактъ, что неравныя нормы прибылей могутъ долго существовать одновременно, не будучи уравнены конкуренціею, то этого, конечно, нельзя объяснить тѣмъ, что высота нормъ прибыли для интересовъ участвующихъ оказывается, будто-бы, чѣмъ-то совершенно безразличнымъ.

Но поступаютъ-ли съ рабочими, какъ таковыми, въ гипотезѣ Маркса одинаково?

Они получаютъ за равное рабочее время равныя цѣнности и добавочныя цѣнности, какъ плату, но они получаютъ ихъ въ разное время, одинъ сейчасъ послѣ выполненной работы, а другому приходится ждать вознагражденія нѣсколько лѣтъ. Есть-ли это на дѣлѣ равное обращеніе, или не заключаетъ ли это отношеніе скорѣе неравенство въ условіи выдачи вознагражденія, которое не можетъ быть безразлично для рабочихъ, напротивъ того, относительно котораго они, какъ показываетъ опытъ, весьма чувствительны и при томъ вполнѣ основательно?

Кому изъ рабочихъ было бы сегодня безразлично получить свое еженедѣльное жалованіе въ субботу вечеромъ или чрезъ годъ, или чрезъ три года? И неужели такія чувствительныя неравенства не должны выравниваться конкуренціею? Это — невѣроятность, разъясненія которой, однако, Марксъ намъ не далъ.

Но его гипотеза не только невѣроятна по внутреннему содержанію, но и противорѣчитъ дѣйствительнымъ фактамъ. Правда, относительно предположеннаго случая въ его полной типичной чистотѣ, мы, конечно, въ дѣйствительности опыта вообще не имѣемъ, такъ какъ состояніе, въ которомъ работа за условленную плату совсѣмъ не встрѣчается и всякій производитель является и независимымъ собственникомъ своихъ средствъ производства, въ его полной чистотѣ нигдѣ болѣе не можетъ быть наблюдаемо. Однако, встрѣчаются и въ новѣйшее время состоянія и обстоятельства, которыя хотя приблизительно со-

отвѣтствуютъ гипотезѣ Маркса. Они встрѣчаются, какъ Марксъ самъ указываетъ (III. 156), «у работающаго крестьянина-землевладѣльца и у ремесленника». По гипотезѣ Маркса, должно было бы быть возможнымъ наблюдать, что величина дохода этихъ лицъ совершенно независима отъ величины капитала, который они затрачиваютъ въ своемъ производствѣ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ бы получать тоже самое, какъ заработную плату и добавочную цѣнность, все равно, состоитъ ли капиталъ, который представляютъ ихъ средства производства, изъ 10 фл. или 10000 фл. Но я надѣюсь, ни у одного изъ читателей не встрѣтитъ сомнѣніе, если утверждаю, что, хотя въ описанныхъ слояхъ въ самомъ дѣлѣ рѣдко имѣется точное счетоводство, чтобъ было возможно съ численною точностью опредѣлить обстоятельства, но что преобладающее впечатлѣніе навѣрно не подтвердитъ гипотезы Маркса, напротивъ скажетъ намъ, что вообще въ тѣхъ отрасляхъ хозяйства и у тѣхъ лицъ, которыя работаютъ при помощи значительнаго капитала, оказывается и большій доходъ, чѣмъ у тѣхъ, которыя располагаютъ только руками производителей.

Но эта неблагопріятная для гипотезы Маркса провѣрка фактовъ получаетъ, наконецъ, сильное косвенное подтвержденіе чрезъ то, что и во второмъ случаѣ, въ которомъ по теоріи Маркса должно было бы обнаружиться цѣлое господство закона цѣнности, и который для непосредственной фактической провѣрки гораздо удобнѣе, что и въ немъ въ дѣйствительности нельзя найти никакого слѣда предполагаемаго Марксомъ хода явленій.

Марксъ именно учитъ, какъ намъ уже извѣстно, что и въ вполнѣ развитомъ хозяйствѣ выравненіе сначала различныхъ прибылей совершается только дѣйствіемъ конкуренціи.

«Если товары продаются соотвѣтственно ихъ цѣнностямъ,— пишетъ онъ въ одномъ изъ наиболѣе подробно касающихся

этого вопроса мѣстъ [1]), - то являются, какъ показано, весьма различныя прибыли въ разныхъ сферахъ производства, смотря по различному, органическому составу затраченныхъ въ нихъ капиталовъ.

Но капиталъ оставляетъ сферу съ незначительною прибылью и бросается въ другую, которая доставляетъ большую прибыль. Этимъ постояннымъ переходомъ туда и сюда, однимъ словомъ, своимъ распредѣленіемъ въ разныхъ сферахъ, смотря по тому, какъ тамъ прибыль понижается, здѣсь повышается, онъ обусловливаетъ такое отношеніе предложенія къ спросу, что средняя прибыль въ разныхъ сферахъ производства дѣлается одинаковой».

Логически размышляя, мы должны были бы ожидать, что вездѣ тамъ, гдѣ этотъ родъ конкуренціи капиталовъ еще не существуетъ или еще не вполнѣ проявилъ свое дѣйствіе, что тамъ встрѣчается и отвѣчающая утвержденіямъ Маркса первоначальная форма установленія цѣнъ и прибылей въ ея полной чистотѣ или по крайней мѣрѣ приблизительно. Другими словами, должны были бы оказаться слѣды фактовъ, что до выравненія прибылей, отрасли производства съ относительно наибольшимъ постояннымъ капиталомъ доставляли и доставляютъ наименьшій, а отрасли съ наименьшимъ постояннымъ капиталомъ—наибольшій процентъ прибыли. Однако, такихъ слѣдовъ нигдѣ нельзя замѣтить ни въ историческомъ прошломъ, ни въ настоящее время. Это недавно столь убѣдительно изложено ученымъ, впрочемъ высоко цѣнящимъ Маркса, такъ что я ничего лучшаго не могу сдѣлать, какъ привести слова Вернера Зомбарта.

Никогда не совершалось развитіе указаннымъ образомъ и не

---

[1]) III, 175 тд. Сравн. болѣе краткія положенія III, 136, 151, 159 и др.

совершается такъ, какъ то, по крайней мѣрѣ, должно было бы быть у всякой вновь появляющейся отрасли промышленности. Если-бы указанный взглядъ былъ вѣренъ, то пришлось-бы распространеніе капитализма въ его историческомъ развитіи себѣ представить такимъ образомъ, что онъ прежде всего овладѣлъ сферой съ преобладаніемъ живого труда, т. е. сферою съ составомъ капитала ниже средняго (небольшой *c*, большой *v*) и потомъ мало-по-малу переходилъ въ другія сферы по мѣрѣ того, какъ вслѣдствіе распространенія производства понижались цѣны въ тѣхъ первыхъ сферахъ.

Въ сферѣ съ преобладаніемъ средствъ производства, сравнительно съ живымъ трудомъ, онъ при своей зависимости отъ индивидуально производимой добавочной цѣнности естественно въ началѣ могъ-бы получать лишь столь незначительную прибыль, что его ничто не соблазнило-бы перейти въ эти сферы. Но исторически капиталистическое производство начинаетъ развиваться и въ отрасляхъ производства послѣдняго разряда: горнодѣліе и др. Капиталъ не имѣлъ бы причины перейти изъ сферы обращенія, въ которой онъ чувствовалъ себя очень хорошо, въ сферу производства, не имѣя надежды на обычную въ странѣ прибыль, которая—и на это слѣдуетъ обратить вниманіе—ранѣе всякаго капиталистическаго производства существовала въ видѣ коммерческой прибыли. Но ошибочность допущеннаго предположенія можно доказать и съ другой стороны. Если въ сферахъ съ преобладаніемъ живого труда въ началѣ капиталистическаго производства были бы получаемы необыкновенно большія прибыли, то это предполагало-бы, что капиталъ сразу обратилъ въ наемныхъ рабочихъ до тѣхъ поръ самостоятельныхъ производителей, то есть съ половиною того вознагражденія, которое они получали раньше, а разницу въ товарныхъ цѣнахъ, еще соотвѣтствовавшихъ цѣнностямъ, полностью положилъ въ свой карманъ. Это было бы представленіемъ, совершенно несогласнымъ съ дѣйствительностью: капи-

талистическое производство начало съ приниженнымъ существованіи отчасти въ совсѣмъ новыхъ отрасляхъ производства и при установленіи цѣнъ съ самаго начала оно руководилось затратами капитала. Какъ несостоятельно исторически, т. е. для начала эры капитализма, предположеніе относительно фактической связи нормы прибыли съ нормою добавочной цѣнности, точно такъ же, и даже еще болѣе, оно ошибочно относительно развитого капиталистическаго строя производства.

Возникаетъ-ли предпріятіе съ самымъ высокимъ или съ самымъ низкимъ составомъ капитала,—установленіе цѣнъ его продуктовъ и вычисленіе (и реализація) прибыли производится исключительно на основаніи затраты капитала. Если всегда, прежде какъ и теперь, капиталы въ самомъ дѣлѣ непрерывно переходятъ изъ одной сферы производства въ другую, то это объясняется, главнымъ образомъ, различіемъ нормъ прибыли. Но это различіе навѣрно зависитъ не отъ органическаго состава капиталовъ, а отъ какихъ-то причинъ, лежащихъ въ конкуренціи. Отрасли производства, находящіяся въ наши дни въ наиболѣе цвѣтущемъ состояніи, отрасли суть какъ разъ отрасли съ высокимъ составомъ капиталовъ, какъ-то: горнодѣліе, химическія фабрики, винокуренные заводы, паровыя мельницы и пр. Развѣ это сферы, изъ которыхъ капиталы были извлечены и переведены, пока производство не было соотвѣтственно ограничено и пока цѣны не повысились [1])?

[1]) «Zur Kritik des ök. Systems von Karl Marx», Archiv f. sociale Gesetzgebung Bd. VII, стр. 581 и 6. Впрочемъ я обязанъ указать на то, что Зомбартъ приведеннымъ мѣстомъ только условно опровергаетъ Маркса, именно, если бы Марксъ дѣйствительно придавалъ своему ученію смыслъ, придаваемый ему въ текстѣ. Онъ самъ придаетъ этому ученію при «попыткѣ спасенія его», мною уже разъ указанной, какъ мнѣ кажется, немного странное объясненіе, о которомъ мнѣ придется потомъ отдѣльно говорить. См. стр. 107.

Эти разъясненія могли-бы дать матеріалъ для кое-какихъ доводовъ противъ теоріи Маркса. Я пока пользуюсь только тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ аргументу, на которомъ остановилось наше изслѣдованіе: законъ цѣнности, который въ вполнѣ подчиненномъ конкуренціи народномъ хозяйствѣ, какъ признано, долженъ уступить свою претензію на господство цѣнамъ производства, и въ первобытномъ хозяйствѣ не имѣлъ и не могъ имѣть дѣйствительнаго господства. Итакъ, мы видѣли, какъ одно за другимъ, были опровергнуты три притязанія на существованіе извѣстныхъ областей, въ которыхъ непосредственно долженъ былъ проявляться законъ цѣнности: примѣненіе закона цѣнности къ суммѣ всѣхъ товаровъ и всѣхъ товарныхъ цѣнъ, вмѣсто индивидуальныхъ мѣновыхъ отношеній (первый аргументъ), оказалось вообще логической нелѣпостью; движеніе цѣнъ (второй аргументъ) на самомъ дѣлѣ не подчиняется предположенному закону цѣнности и точно также послѣдній не имѣетъ дѣйствительнаго господства и въ первобытномъ хозяйствѣ (третій аргументъ).

Остается только еще одна возможность: не обнаруживаетъ-ли законъ цѣнности, реальное непосредственное значеніе котораго нигдѣ не проявляется, своего господства по крайней мѣрѣ посредственно, не оказывается-ли онъ своего рода верховнымъ владычествомъ?

Марксъ не упускаетъ и это утверждать. Въ этомъ сущность четвертаго аргумента, къ разсмотрѣнію котораго намъ теперь и слѣдуетъ обратиться.

Четвертый аргументъ.

На этотъ аргументъ Марксъ часто намекаетъ, но сколько я вижу, онъ излагаетъ его болѣе ясно только въ одномъ мѣстѣ. Въ сущности онъ сводится къ тому, что цѣны производства, обусловливающія существующій порядокъ установленія цѣнъ, въ свою очередь находятся подъ вліяніемъ закона цѣнности, такъ

что послѣдній посредствомъ цѣнъ производства управляетъ дѣйствительными мѣновыми отношеніями.

Цѣнности «скрываются за цѣнами производства» и «опредѣляютъ ихъ въ послѣдней инстанціи». (III. 188). Цѣны производства суть, какъ Марксъ часто выражается, только превращенныя цѣнности или «превращенныя формы цѣнности» (III, 142, 147, 152 и др.). Способъ и мѣра вліянія, которое оказываетъ законъ цѣнности на цѣны производства, подробно объяснены въ одномъ только мѣстѣ на стр. 158 и 159. Средняя прибыль, которая опредѣляетъ цѣны производства, должна всегда приблизительно равняться количеству добавочной цѣнности, приходящемуся на данный капиталъ, какъ на составную часть всего общественнаго капитала... Такъ какъ общая цѣнность товаровъ опредѣляетъ общую добавочную цѣнность, послѣдняя же—высоту средней прибыли, а чрезъ это и высоту общей нормы прибыли—какъ общій законъ или какъ такой, которому подчиняются колебанія,—то законъ цѣнности регулируетъ цѣны производства».

Прослѣдимъ, провѣряя шагъ за шагомъ, этотъ ходъ мыслей.

Въ началѣ Марксъ говоритъ, что средняя прибыль опредѣляетъ цѣны производства. Это съ точки зрѣнія ученія Маркса вѣрно, но недостаточно. Выяснимъ вполнѣ это соотношеніе. Цѣна производства товара составляется изъ цѣны стоимости средствъ производства для предпринимателя и изъ средней прибыли на употребленный имъ капиталъ. Цѣна стоимости средствъ производства въ свою очередь состоитъ изъ двухъ слагаемыхъ: изъ затраты перемѣннаго капитала, т. е. изъ непосредственно заплаченной заработной платы и изъ тратъ за потребленіе и изнашиваніе постояннаго капитала, сырье, машины и т. п. Какъ Марксъ далѣе на стр. 138, 144 и 186 вполнѣ вѣрно объясняетъ, въ обществѣ, въ которомъ уже цѣнности превратились въ цѣны производства, издержки полученія или «цѣна

стоимости» этихъ вещественныхъ средствъ производства не соотвѣтствуетъ ихъ цѣнности, а суммѣ издержекъ производителей этихъ средствъ производства на заработную плату и вещественныя средства производства плюсъ средняя прибыль на сумму этихъ издержекъ. Продолжая этотъ анализъ, мы придемъ, наконецъ, точно такъ же, какъ и относительно natural price Адама Смита, съ чѣмъ Марксъ прямо отождествляетъ свою цѣну производства, къ разложенію этой послѣдней на два составныхъ или опредѣляющихъ элемента: на сумму всѣхъ заработныхъ платъ, выданныхъ въ разныхъ стадіяхъ производства, которая и представляетъ собственно цѣну стоимости товара [1]), и на сумму всѣхъ прибылей, вычисленныхъ pro rata temporis и по средней нормѣ прибыли на всѣ эти заработныя платы. Итакъ, въ самомъ дѣлѣ, исчисляемая при производствѣ товара средняя прибыль, является одною изъ причинъ, опредѣляющихъ цѣны производства даннаго товара. О второй причинѣ, о суммѣ уплаченныхъ заработныхъ платъ, Марксъ въ этомъ мѣстѣ больше не говоритъ. Но такъ какъ онъ, какъ уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ, вообще говоритъ, что «цѣнности стоятъ позади цѣнъ производства» и что «законъ цѣнности въ концѣ концовъ опредѣляетъ эти цѣны», то мы должны, чтобъ не оставить пробѣла, и этотъ второй факторъ включить въ наше изслѣдованіе и посмотрѣть, можно ли утверждать и въ какой мѣрѣ, что и онъ опредѣляется закономъ цѣнности. Ясно, что сумма выданныхъ заработныхъ платъ есть произведеніе изъ количества потраченнаго труда, помноженнаго на высоту заработной платы. Такъ какъ, по закону цѣнности, мѣновыя отношенія опредѣляются исключительно количествомъ затраченнаго труда и Марксъ съ особенною силою и не разъ отвергаетъ всякое вліяніе высоты заработной платы

[1]) «Цѣна стоимости товара основывается только на количествѣ заключающагося въ немъ оплаченнаго труда» (Марксъ. III, 144).

на цѣлу товара [1]), то точно также очевидно, что изъ обоихъ элементовъ фактора — «расходы на заработную плату» одинъ только количество потраченнаго труда, гармонируетъ съ закономъ цѣнности, между тѣмъ какъ во второмъ элементѣ, высотѣ заработной платы, выступаетъ въ числѣ опредѣляющихъ цѣны производства условій чуждое закону цѣнности основаніе.

Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, поясним способъ и мѣру вліянія этого момента простымъ численнымъ примѣромъ. Возьмемъ три товара A, B и C, которые сначала представляютъ порознь одну и ту же цѣну производства въ 100 марокъ, но при различномъ типическомъ составѣ частей расхода. Допустимъ, далѣе, что дневная заработная плата сначала равна 5 мар., норма добавочной цѣнности или степень эксплоатаціи составляетъ 100%, такъ что изъ общей стоимости товаровъ 300 мар.—150 м. приходится на заработную плату, а 150 м. на добавочную цѣнность; пусть весь капиталъ (затраченный на эти три товара въ различной пропорціи) равняется 1,500 м., такъ что средняя норма прибыли $= 10\%$.

Этому предположенію соотвѣтствуетъ слѣдующее изображеніе въ таблицѣ:

Товаръ.	Затраченные.		Затраченный капиталъ.	Причитающаяся средняя прибыль.	Цѣна производства
	Рабочіе дни.	Заработ. плата.			
		м.	м.	м.	м.
A . . .	10	50	500	50	100
B . . .	6	30	700	70	100
C . . .	14	70	300	30	100
Сумма. .	30	150	1,500	150	300

[1]) Напр. III, 187, Марксъ заявляетъ, «что ни при какихъ обстоятельствахъ повышеніе или пониженіе заработной платы не можетъ повліять на цѣнность товаровъ».

Предположимъ теперь возвышеніе заработной платы съ 5 м. на 6 м. Оно, по мнѣнію Маркса, при неизмѣнившихся прочихъ условіяхъ, можетъ совершиться только на счетъ добавочной цѣнности [1]).

Отъ остающагося безъ перемѣны общаго продукта въ 300 м. — при уменьшеніи степени эксплоатаціи на заработную плату придется 180 м., а на добавочную цѣнность только — 120 м., такъ что средняя норма прибыли на затраченный капиталъ въ 1,500 м. понизится до 8%.

Происшедшія вслѣдствіе этого перемѣны въ составѣ отдѣльныхъ частей капитала и въ цѣнахъ производства показываетъ слѣдующая таблица:

Товаръ.	Затраченные. Рабочіе дни.	Заработ. плата.	Затраченный капиталъ.	Причитающаяся средняя прибыль.	Цѣна производства.
		м.	м.	м.	м.
A . . .	10	60	500	40	100
B . . .	6	36	700	56	92
C . . .	14	84	300	24	108
Сумма. .	30	180	1,500	120	300

Итакъ, изъ этого явствуетъ, что возвышеніе заработной платы, при томъ же количествѣ труда, произвело чувствительное измѣненіе въ равныхъ сначала цѣнахъ производства и въ мѣновыхъ отношеніяхъ. Это измѣненіе отчасти, но, очевидно, не вполнѣ можно объяснить одновременно послѣдовавшимъ необхо-

[1]) Сравн. III, 179.

дымымъ, вслѣдствіе измѣненія заработной платы, уменьшеніемъ средней нормы прибыли. Я говорю, конечно, не вполнѣ, такъ какъ, напр., цѣна производства товара *C*, несмотря на понижение заключающагося въ ней количества прибыли, повысилась, такъ что, очевидно, эта перемѣна въ цѣнѣ не можетъ быть вызвана однимъ только измѣненіемъ прибыли. Я только потому въ особенности настаиваю на этомъ, впрочемъ, само собою разумѣющемся фактѣ, чтобы исключить всякое сомнѣніе, что въ высотѣ заработной платы мы имѣемъ одну изъ опредѣляющихъ цѣну причинъ, дѣйствіе которой не исчерпывается однимъ вліяніемъ на высоту прибыли, напротивъ того, которая имѣетъ и собственное непосредственное вліяніе и что мы потому въ самомъ дѣлѣ имѣли основаніе пропущенное Марксомъ въ выше приведенномъ мѣстѣ звѣно въ ряду опредѣляющихъ цѣну причинъ подвергнуть самостоятельному изслѣдованію. Окончательные результаты этого изслѣдованія я имѣю въ виду представить позже. Прослѣдимъ теперь шагъ за шагомъ объясненіе, которое даетъ Маркъ относительно способа дѣйствія, какимъ законъ цѣнности регулируетъ и вторую причину, опредѣляющую цѣны производства, именно среднюю прибыль.

Связь совсѣмъ не прямая. Она устанавливается слѣдующими звѣньями, которыя Маркъ только отчасти отрывочно намѣтилъ, но которыя во всякомъ случаѣ имѣлись въ его ходѣ мыслей: законъ цѣнности опредѣляетъ общую цѣнность всѣхъ произведенныхъ въ обществѣ товаровъ [1]).

Общая цѣнность товаровъ опредѣляетъ заключающуюся въ нихъ общую добавочную цѣнность; та опредѣляетъ, путемъ распредѣленія на весь общественный капиталъ, среднюю норму прибыли; послѣдняя, отнесенная къ капиталу, употребленному при производствѣ отдѣльнаго

---

[1]) Этого звѣна Маркъ въ приведенномъ мѣстѣ прямо не даетъ, но оно само собой разумѣется.

товара, даетъ конкретную среднюю прибыль, которая наконецъ входитъ элементомъ въ составъ цѣны производства даннаго товара. Такимъ образомъ регулируетъ стоящій въ началѣ этой цѣпи факторъ, «законъ цѣнности», послѣднее звѣно—цѣны производства. Прослѣдимъ эту логическую цѣпь, сопровождая ее нашими замѣчаніями.

1. Прежде всего бросается въ глаза и слѣдуетъ отмѣтить, что Марксъ вообще не говоритъ о связи средней прибыли, входящей въ цѣну производства товаровъ съ цѣнностью, воплощенной на основаніи закона цѣнности въ извѣстныхъ отдѣльныхъ товарахъ. Напротивъ того, во многихъ мѣстахъ онъ съ особенною силою утверждаетъ, что количество добавочной цѣнности, которое входитъ въ цѣну производства какого-либо товара, незаписимо, по существу отлично отъ добавочной цѣнности, «на дѣлѣ произведенной въ отдѣльной сферѣ производства» (III, 146; также III, 144 и др.). Такимъ образомъ, онъ вообще не приводитъ въ связь вліянія, приписаннаго закону цѣнности, съ его характеристичной функціей, по силѣ которой онъ регулируетъ мѣновыя отношенія отдѣльныхъ товаровъ, но только съ другой предположенной функціей, о весьма проблематическомъ характерѣ которой мы уже раньше составили себѣ понятіе: именно—съ опредѣленіемъ общей цѣнности всѣхъ товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы убѣдились, законъ цѣнности совершенно безсодержателенъ. Если относить [1]), какъ и Марксъ поступаетъ, понятіе и законъ цѣнности къ мѣновымъ отношеніямъ благъ, то не имѣетъ никакого смысла примѣнять понятіе и законъ къ цѣлому, которое, какъ таковое, никогда не можетъ вступить въ эти отношенія: для не имѣющаго мѣста обмѣна этого

[1]) Отличающееся отъ моего мнѣніе Зомбарта, я, какъ уже замѣчено, еще отдѣльно разсмотрю.

цѣлаго, конечно, не существуетъ ни мѣрила, ни опредѣляющихъ условій; а потому не можетъ быть и содержанія для закона цѣнности.

Но если законъ цѣнности вообще не имѣетъ реальнаго вліянія на химерическую «общую цѣнность всѣхъ продуктовъ, вмѣстѣ взятыхъ», то, конечно, невозможно проводить такое вліяніе дальше и на другія отношенія, и вся цѣпь изъ многихъ звѣньевъ, которую съ чистой (по внѣшности) логикой старался развить Марксъ, оказывается висящей на воздухѣ.

2. Но оставимъ безъ вниманія этотъ первый существенный недостатокъ и провѣримъ, независимо отъ этого, состоятельность другихъ звѣньевъ цѣпи. Допустимъ именно, что общая цѣнность товаровъ есть реальная и закономъ цѣнности опредѣленная величина: то второе звѣно говоритъ, что эта общая цѣнность товаровъ регулируетъ общую добавочную цѣнность. Вѣрно-ли это?

Добавочная цѣнность, безъ сомнѣнія, не представляетъ собою неизмѣнной и постоянной доли общаго народнаго продукта, а составляетъ разность общей цѣнности народнаго продукта и суммы платъ, выданныхъ рабочимъ.

Такимъ образомъ, указанная общая цѣнность во всякомъ случаѣ не одна опредѣляетъ величину общей добавочной цѣнности, а можетъ быть въ лучшемъ случаѣ не болѣе, какъ однимъ изъ опредѣляющихъ ея величину моментовъ, къ которому присоединяется второй, чуждый (закону цѣнности) элементъ — высота заработной платы. Но можетъ и послѣдній подчиняется закону цѣнности Маркса?

Въ первомъ томѣ еще Марксъ это безусловно утверждалъ. «Цѣнность рабочей силы, пишетъ онъ на стр. 155,— подобно цѣнности всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производенія, слѣдовательно, и для репродукціи этого специфическаго продукта». И на слѣдующей страницѣ онъ продолжаетъ, точнѣе опредѣляя это положеніе:

«Живой индивидуумъ для поддержанія жизни нуждается въ опредѣленной суммѣ средствъ существованія. Слѣдовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится къ рабочему времени, употребленному для производства этихъ средствъ существованія, или цѣнность рабочей силы есть цѣнность необходимыхъ средствъ существованія ея хозяина». Но въ третьемъ томѣ Марксу приходится сдѣлать существенныя уступки въ строгости этого положенія. Вполнѣ основательно на стр. 186 третьяго тома онъ указываетъ на возможность того, что и необходимыя средства существованія рабочихъ могутъ продаваться по цѣнамъ производства, которыя расходятся съ необходимымъ рабочимъ временемъ. Въ этомъ случаѣ, учитъ Марксъ, можетъ и перемѣнная часть капитала (т. е. выданная заработная плата) «представить отклоненія отъ своей цѣнности». Другими словами: и заработная плата можетъ (не говоря только о временныхъ колебаніяхъ) на продолжительное время отступать отъ того размѣра, который соотвѣтствовалъ бы количеству воплощеннаго въ необходимыхъ средствахъ существованія труда или строгимъ требованіямъ закона цѣнности. Итакъ, уже при опредѣленіи общей добавочной цѣнности участвуетъ, по крайней мѣрѣ, о д и н ъ, чуждый закону цѣнности, опредѣляющій моментъ.

3. Такимъ образомъ, опредѣленный факторъ — общая добавочная цѣнность — регулируетъ, по мнѣнію Маркса, среднюю норму прибыли. Но, очевидно, опять-таки общая добавочная цѣнность представляетъ собою только о д и н ъ опредѣляющій моментъ, между тѣмъ какъ вторымъ, совершенно независимымъ какъ отъ общей добавочной цѣнности, такъ и отъ закона цѣнности, является величина имѣющагося въ обществѣ капитала. Если, какъ въ ниже помѣщенной таблицѣ, при добавочной цѣнности въ 100% общая добавочная цѣнность составляетъ 150 м., то норма прибыли будетъ . . 10%, если и потому-что весь капиталъ, затраченный во всѣхъ отрасляхъ производства,

равляется 1.500 м.; она составила бы, очевидно, при той-же общей денежной цѣнности, только 5%, если бы весь участвующій капиталъ достигалъ 3.000 м., и, напротивъ, составляла бы цѣлые 20%, если бы общій капиталъ не превышалъ 750 м. Такимъ образомъ, ясно, что въ ряду опредѣляющихъ элементовъ имѣется опять-таки совершенно чуждый закону цѣнности.

4. Средняя норма прибыли, какъ мы должны заключить далѣе, регулируетъ величину конкретной средней прибыли, получающейся при производствѣ какого-либо даннаго товара. Это опять вѣрно только съ тѣмъ же ограниченіемъ, какъ и выше. Сумма средней прибыли, получающейся при производствѣ опредѣленнаго товара, есть продуктъ двухъ факторовъ: величины затраченнаго капитала, умноженной на среднюю норму прибыли. Величина же капитала, затрачиваемаго въ разныхъ стадіяхъ, въ свою очередь опредѣляется двумя факторами: именно количествомъ труда, подлежащаго оплатѣ (факторъ, который не находится въ дисгармоніи съ закономъ цѣнности Маркса), но также и высотою заработной платы, а въ этомъ факторѣ заключается, какъ мы только что убѣдились, элементъ чуждый закону цѣнности.

5. Съ слѣдующимъ звѣномъ мы опять возвращаемся къ началу. Опредѣленная согласно вышесказанному средняя прибыль должна управлять цѣной производства товара. Это вѣрно, съ впередъ сдѣланной поправкой, что средняя прибыль есть только одинъ изъ опредѣляющихъ цѣну факторовъ на ряду съ расходами на заработную плату, въ составѣ которыхъ, какъ не разъ уже было показано, имѣется и чуждый закону цѣнности Маркса опредѣляющій элементъ. Резюмируемъ сказанное. Что было темою, которую Марксъ попробовалъ доказать? Вотъ что: «законъ цѣнности регулируетъ цѣны производства», или другими словами: «цѣнности опредѣляютъ въ послѣдней инстанціи цѣны производства». Или, если мы сущность цѣнности и закона цѣнности, какъ Марксъ опредѣлилъ ее въ первомъ томѣ, встан-

ляемъ въ формулу, то положеніе выразится такъ: цѣны производства «въ послѣдней инстанціи» подчинены тому положенію, что количество труда есть единственное обстоятельство, опредѣляющее мѣновыя отношенія товаровъ.

Что показываетъ произведенная повѣрка отдѣльныхъ звѣньевъ хода доказательствъ? Она показываетъ, что цѣна производства прежде всего слагается изъ двухъ элементовъ. Одинъ—расходы на заработную плату—есть продуктъ двухъ факторовъ, изъ которыхъ одинъ, количество труда, однороденъ съ сущностью цѣнности Маркса, второй—высота заработной платы—нѣтъ. Связь между вторымъ элементомъ—составляющейся суммою средней прибыли—и закономъ цѣнности, Марксъ самъ могъ отстаивать вообще только путемъ грубаго извращенія этого закона, приписывая ему дѣйствіе въ такой области, въ которой вовсе нѣтъ мѣновыхъ отношеній. Но оставляя даже это, все-таки факторъ «общая цѣнность товаровъ» (который Марксъ еще хочетъ вывести изъ закона цѣнности), долженъ былъ при опредѣленіи слѣдующаго звѣна—общей добавочной цѣнности,—подѣлиться своимъ вліяніемъ съ факторомъ уже не однороднымъ съ закономъ цѣнности, съ «высотою заработной платы»; «общая добавочная цѣнность» должна была подѣлиться съ совершенно чуждымъ элементомъ,—количествомъ общественнаго капитала,—при опредѣленіи средней нормы прибыли, послѣдняя наконецъ—съ отчасти чуждымъ элементомъ — расходами на заработную плату—при опредѣленіи составляющейся суммы прибыли. Факторъ «общая цѣнность всѣхъ товаровъ», съ весьма проблематическимъ основаніемъ зачисленный въ пользу закона цѣнности Маркса, дѣйствуетъ только послѣ троекратнаго гомеопатическаго разжиженія его вліянія и, конечно, съ соотвѣтствующимъ этому разжиженію незначительнымъ участіемъ при опредѣленіи средней прибыли и затѣмъ цѣнъ производства. Правильное изображеніе существа дѣла было бы такое: количество труда, которое по закону цѣнности Маркса должно вполнѣ и исключительно управ-

лять мѣновыми отношеніями товаровъ, на дѣлѣ оказывается только о д н и м ъ изъ опредѣляющихъ цѣну производства элементовъ. Оно имѣетъ сильное и довольно прямое вліяніе на одинъ элементъ цѣнъ производства, состоящій въ расходахъ на заработную плату, и гораздо болѣе отдаленное, болѣе слабое и даже большею частью [1]) проблематическое вліяніе на другой элементъ—среднюю прибыль.

Я теперь спрашиваю: подтверждаетъ-ли дѣйствительное положеніе дѣла или опровергаетъ притязаніе, будто въ послѣдней инстанціи всетаки законъ цѣнности опредѣляетъ цѣны производства? По моему, отвѣтъ ни одной минуты не можетъ быть сомнителенъ: законъ цѣнности требуетъ, чтобы количество труда о д н о опредѣляло мѣновыя отношенія, факты же свидѣтельствуютъ, что н е о д н о т о л ь к о количество труда и съ нимъ однородные факторы опредѣляютъ мѣновыя отношенія.

Эти два положенія относятся другъ къ другу какъ д а и н ѣ т ъ, какъ утвержденіе и отрицаніе. Кто принимаетъ второе положеніе,—а теорія Маркса о цѣнахъ производства содержитъ это признаніе,—фактически отвергаетъ первое. И если Марксъ дѣйствительно думалъ, что онъ не противорѣчитъ себѣ и своему первому положенію, то онъ по недосмотру допустилъ грубую ошибку. Въ такомъ случаѣ онъ не замѣтилъ, что двѣ совершенно различныхъ вещи, проявляетъ ли одинъ какой-либо факторъ закона какимъ-нибудь образомъ вліяніе и въ какой-нибудь степени, или самъ законъ проявляетъ свое господство.

[1]) Именно насколько оно должно проявиться чрезъ посредство фактора «общая цѣнность», который, по моему мнѣнію, къ воплощенной массѣ труда не имѣетъ никакого отношенія. Но такъ какъ въ слѣдующихъ звѣньяхъ также появляется факторъ «расходы на заработную плату», при опредѣленіи котораго количество подлежащаго оплатѣ труда, во всякомъ случаѣ участвуетъ какъ элементъ, то количество труда всетаки находитъ себѣ мѣсто и среди косвенно опредѣляющихъ среднюю прибыль моментовъ.

Самый банальный примѣръ можетъ быть будетъ самый лучшій въ столь ясномъ дѣлѣ. Говорятъ о дѣйствіи орудій на броню корабле́й и кто-нибудь утверждаетъ, что степень разрушительнаго дѣйствія выстрѣла единственно зависитъ отъ величины пороховаго заряда. Требуютъ отъ него доказательствъ и указываютъ ему на основаніи дѣйствительнаго опыта, при чемъ онъ шагъ за шагомъ соглашается, что дѣйствіе выстрѣла зависитъ не только отъ количества пороха въ зарядѣ, но и отъ силы его, далѣе и отъ конструкціи, длины и т. п. ствола орудія, также и отъ формы ядра, и отъ его твердости, затѣмъ отъ разстоянія объекта и, наконецъ, въ значительной степени отъ толщины и твердости самой брони.

И вдругъ, послѣ того, какъ все одно за другимъ было признано, нашъ человѣкъ сказалъ бы, что онъ вполнѣ правъ въ своемъ первоначальномъ утвержденіи, ибо, какъ обнаружилось, количество пороха — факторъ, на который онъ ссылался, имѣетъ опредѣляющее вліяніе на дѣйствіе выстрѣла, что, между прочимъ, явствуетъ изъ того, что, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ силою пороховаго заряда увеличивается и уменьшается дѣйствіе выстрѣла. Не иначе поступаетъ и Маркъ. Прежде всего, онъ проповѣдуетъ съ особенной силой, что мѣновыя отношенія товаровъ основываются ни на чемъ другомъ, какъ только на количествѣ труда; онъ весьма рѣзко полемизируетъ съ тѣми экономистами, которые, кромѣ количества труда — вліянія котораго на мѣновую цѣнность хозяйственныхъ благъ, допускающихъ произвольное увеличеніе производства, никто не отрицаетъ — признаютъ еще другія причины, опредѣляющія цѣнность и цѣну; исключительно на количествѣ труда, какъ единственномъ основаніи мѣновыхъ отношеній, онъ строитъ въ своихъ двухъ томахъ очень важные теоретическіе и практическіе выводы, свою теорію добавочной цѣнности и свое осужденіе капиталистическаго строя общества, чтобы въ третьемъ томѣ развить теорію цѣнъ производства, которая въ сущности при-

знаетъ вліяніе и другихъ опредѣляющихъ причинъ. Но вмѣсто того, чтобы изслѣдовать вполнѣ эти причины, онъ торжественнымъ жестомъ указываетъ только на тѣ пункты, въ которыхъ его идолъ—количество труда, дѣйствительно все еще, или только по его мнѣнію, оказываетъ свое вліяніе: на измѣненіе цѣнъ, когда измѣняется количество труда, на зависимость средней нормы прибыли отъ «общей цѣнности» и т. д.

О равносильномъ вліяніи чуждыхъ его теоріи опредѣляющихъ причинъ, какъ, напримѣръ, о зависимости нормы прибыли отъ величины общественнаго капитала, объ измѣненіи цѣнъ вслѣдствіе измѣненія органическаго состава капитала или вслѣдствіе измѣненія высоты заработной платы въ ихъ общей связи, онъ умалчиваетъ.

Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ признаетъ эти вліянія, напр., вліяніе высоты заработной платы на цѣны на стр. 179 и 186, вліяніе величины общественнаго капитала на высоту средней нормы прибыли на стр. 145, 184, 191, 197. 203 и др., вліяніе органическаго состава капиталовъ на цѣны производства на стр. 142. Характерно, однако, что Марксъ въ мѣстахъ, посвященныхъ апологіи закона цѣнности, не обмолвится словомъ объ этихъ другихъ вліяніяхъ, и только односторонне выдвигаетъ вліяніе количества труда, чтобы изъ вѣрной и никѣмъ не оспариваемой посылки, что факторъ—количество труда—въ очень многихъ отношеніяхъ также вліяетъ на установленіе цѣнъ производства,—сдѣлать совершенно неосновательный выводъ, что будто «въ послѣдней инстанціи» законъ цѣнности, который провозглашаетъ исключительное господство труда, опредѣляетъ цѣны производства! Это называется уклониться отъ сознанія въ противорѣчіи, но не значитъ избѣгнуть самого противорѣчія на дѣлѣ.

IV.

Ошибка въ системѣ Маркса; ея происхожденіе и ея развѣтвленія.

1.

Доказать, что писатель противорѣчитъ самъ себѣ, можетъ быть необходимой стадіей, но никогда не должно быть конечной цѣлью дѣльной и плодотворной критики. Знать, что въ данной системѣ имѣется ошибка, которая, можетъ быть, является случайной и зависящей отъ личности автора, — представляетъ собою сравнительно низкую степень критическаго познанія. Дѣйствительное опроверженіе прочно построенной цѣльной системы возможно только, если удастся вполнѣ точно установить тотъ пунктъ, чрезъ который вкралась въ систему ошибка и тѣ пути, по которымъ она распространилась. Точка отправленія, развитіе и завершеніе ошибки, которое проявляется противорѣчіемъ самому себѣ, нужно такъ хорошо, скажу даже, хотя и въ качествѣ противника, такъ сочувственно понять, какъ, наоборотъ, кто-либо старается понять общую связь системы, которой онъ всецѣло отдастся. Совершенно своеобразно обостренныя отношенія повлекли за собою, что въ случаѣ [illegible] вполнѣ подходящій вопросъ о его противорѣчіи самому себѣ. Какъ показываетъ изъ[illegible]ее значеніе, чѣмъ это бываетъ [illegible] весьма хорошо знать, каковы [illegible] тому

и я посвятилъ данному вопросу много мѣста. Имѣя дѣло со столь значительнымъ и вліятельнымъ мыслителемъ, я думаю, мы тѣмъ менѣе могли-бы уклониться отъ еще болѣе и въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, плодотворной и поучительной второй части критической задачи. Начнемъ съ вопроса, который сейчасъ же приведетъ насъ къ самой сути дѣла: какимъ путемъ Марксъ пришелъ къ основному теоретическому положенію своего ученія, что цѣнность зависитъ исключительно отъ воплощеннаго количества труда?

Не подлежитъ сомнѣнію, что это положеніе нисколько не разумѣется само собою и потому не представляетъ не требующей доказательства аксіомы. Цѣнность и усилія, какъ я уже показалъ это въ другомъ мѣстѣ, вовсе не являются столь тѣсно связанными между собой понятіями, чтобы непосредственно должно было придти къ заключенію, что трудъ есть основаніе цѣнности. «То, что я потрудился надъ какимъ-нибудь предметомъ, является фактомъ, но что этотъ предметъ стоитъ труда—это уже иной фактъ, отличный отъ перваго. Что оба эти факта не всегда идутъ рука объ руку, слишкомъ хорошо доказано на опытѣ, чтобы на этотъ счетъ могло возникнуть какое-либо сомнѣніе. Доказательствомъ этого служатъ тѣ многочисленные примѣры тщетныхъ усилій, которыя такъ часто приводятъ къ ничего не стоющимъ результатамъ или вслѣдствіе ошибочной спекуляціи, или вслѣдствіе технической неопытности, или просто вслѣдствіе несчастія. Не меньшимъ, однако доказательствомъ служатъ и всѣ тѣ многочисленные случаи, въ которыхъ малое количество труда вознаграждается большою цѣнностью» [1]).

Поэтому, если относительно какого-нибудь круга явленій будетъ признаваться необходимое и закономѣрное соотвѣтствіе этихъ величинъ, [illegible] себѣ, и читателю дать отчетъ о тѣхъ

[1]) Italzinstheorien. S. 429 fg.

основаніяхъ, которыя могли бы подкрѣпить подобное утвержденіе. Марксъ также приводитъ въ своей системѣ доказательство. Но я надѣюсь убѣдить читателя, что избранный путь для доказательства съ самаго начала былъ неестественный и не отвѣчающій свойству проблемы; затѣмъ, что приведенное въ системѣ обоснованіе было, очевидно, не то, посредствомъ котораго Марксъ самъ пришелъ къ убѣжденію, но что оно придумано было послѣ, какъ искусственно пригнанная опора для полученнаго изъ другихъ впечатлѣній и предварительно составившагося мнѣнія; что, наконецъ,—и это самое важное—весь ходъ доказательствъ проникнутъ многочисленными и самыми явными логическими и методологическими ошибками, которыя лишаютъ его всякой убѣдительной силы. Разсмотримъ дѣло обстоятельнѣе.

Основное положеніе, въ которое Марксъ предлагаетъ вѣрить своимъ читателямъ, состоитъ въ томъ, что мѣновая цѣнность—такъ какъ только на нее, а не на потребительную цѣнность направленъ его анализъ—находитъ свое основаніе и мѣрило въ воплощенномъ въ товарахъ количествѣ труда. Мѣновыя цѣнности товаровъ, какъ и ихъ цѣны, а также и количества труда, потребныя для ихъ воспроизведенія, суть такія ясно выдающіяся величины, которыя въ общемъ вполнѣ доступны опытному опредѣленію. Чтобы доказать положеніе, справедливость или несправедливость котораго должна обнаружиться въ данныхъ опыта, Марксу, казалось бы, слѣдовало прежде всего обратиться къ опыту или другими словами: для своего, доступнаго чисто эмпирическому способу доказательства, положенія, обратиться къ этому именно способу доказательства. Но Марксъ этого не дѣлаетъ.

При этомъ нельзя сказать, чтобы онъ оставилъ безъ вниманія этотъ возможный и, конечно, вполнѣ подходящій источникъ изученія и доказательства. Какъ показываетъ изложеніе въ его третьемъ томѣ, онъ весьма хорошо знаетъ, каковы эти

эмпирическія данныя и что они противорѣчатъ его положеніямъ. Онъ знаетъ, что цѣны товаровъ не пропорціональны количеству воплощеннаго труда, но что они опредѣляются въ соотвѣтствіи съ общей суммой издержекъ производства, въ составъ которыхъ входятъ и другіе элементы. Поэтому онъ уклонился отъ этой самой естественной провѣрки своего положенія, конечно, не случайно, но съ полнымъ сознаніемъ, что на этомъ пути нельзя разсчитывать на полученіе благопріятнаго для его положенія вывода.

Но для подобныхъ положеній есть еще другой также вполнѣ естественный способъ доказательства и убѣжденія, именно психологическій. Можно именно — при помощи весьма употребительнаго въ нашей наукѣ соединенія индуктивнаго и дедуктивнаго метода — прослѣдить тѣ мотивы, которые руководятъ людьми съ одной стороны при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ и при назначеніи мѣновыхъ цѣнъ, съ другой стороны — при ихъ участіи въ производствѣ; изъ свойствъ этихъ мотивовъ можно сдѣлать выводы относительно типическаго образа людскихъ дѣйствій, причемъ, между прочимъ, возможно, что выяснилась бы связь между обыкновенно требуемыми и платимыми цѣнами товаровъ и количествомъ труда, необходимымъ для ихъ производства. Такой методъ былъ часто и съ полнымъ успѣхомъ прилагаемъ именно при разсмотрѣніи подобныхъ вопросовъ,— таково, напр., обычное обоснованіе закона спроса и предложенія, закона издержекъ производства, объясненіе поземельной ренты и проч. И самъ Маркъ, по крайней мѣрѣ, въ самой грубой формѣ совсѣмъ не рѣдко пользовался этимъ методомъ. Только при доказываніи своего основного положенія онъ избѣгаетъ этого пути. Хотя выставленная Марксомъ внѣшняя связь мѣновой цѣнности съ количествомъ труда могла бы, очевидно, достигнуть полнаго успѣха, прежде всего благодаря открытію психологическихъ промежуточныхъ звѣньевъ, тѣсно соединяющихъ обѣ эти величины, онъ отказывается отъ выясненія этой

внутренней зависимости; въ одномъ мѣстѣ при случаѣ онъ даже заявляетъ, что считаетъ «болѣе глубокій анализъ обѣихъ общественныхъ двигательныхъ силъ—спроса и предложенія», который именно привелъ бы насъ къ уясненію указанной внутренней связи «здѣсь не умѣстнымъ» (III, 169); при чемъ это «здѣсь», хотя прежде всего относится только къ изслѣдованію вліянія спроса и предложенія на установленіе цѣнъ, но на дѣлѣ, фактически, насколько дѣло идетъ дѣйствительно о «глубокомъ» и обстоятельномъ анализѣ, оно распространяется на всю систему Маркса и особенно на обоснованіе его важнѣйшаго положенія. Но и здѣсь опять можно замѣтить нѣчто своеобразное. Марксъ не проходитъ мимо этого второго возможнаго и естественнаго способа изслѣдованія съ наивнымъ невниманіемъ. Онъ, напротивъ, избѣгаетъ его опять умышленно и съ полнымъ сознаніемъ, къ какому онъ привелъ бы выводу и что этотъ выводъ былъ бы неблагопріятенъ для его положенія. Въ третьемъ томѣ онъ обращается подъ собирательнымъ наименованіемъ «соперничества» именно къ этимъ вліятельнымъ при производствѣ и обмѣнѣ силамъ, отъ болѣе глубокаго анализа которыхъ онъ въ данномъ случаѣ и вообще отказывается; тамъ онъ знаетъ и доказываетъ, что эти силы на самомъ дѣлѣ не приводятъ цѣны къ соотвѣтствію съ количествомъ труда, воплощеннаго въ товарахъ, но что они, напротивъ, ихъ отъ этого масштаба отклоняютъ и приближаютъ къ уровню, который соотвѣтствуетъ совмѣстному дѣйствію еще, по крайней мѣрѣ, одного равносильнаго фактора. Соперничество, по мнѣнію самого Маркса, есть причина образованія пресловутой средней нормы прибыли; оно-же производитъ «превращеніе» чистыхъ трудовыхъ цѣнностей въ уклоняющіяся отъ нихъ и заключающія въ себѣ долю средней прибыли «цѣны производства».

Вмѣсто того, чтобы доказать свое положеніе или на основаніи опыта, или на основаніи дѣйствующихъ мотивовъ, эмпирически или психологически, Марксъ предпочитаетъ избрать по-

вый и довольно-таки странный для даннаго случая способъ доказательства: путь чисто логическаго доказательства, діалектической дедукціи изъ существа обмѣна. Марксъ нашелъ уже у древняго Аристотеля мысль, что «обмѣнъ не можетъ существовать безъ равенства, а равенство безъ соизмѣримости» (I, 35). Къ этой мысли онъ и присоединяется. Онъ представляетъ себѣ обмѣнъ двухъ товаровъ подъ видомъ уравненія, заключаетъ, что въ обоихъ обмѣниваемыхъ и потому приравненныхъ другъ къ другу предметахъ должно существовать «нѣчто общее, одинаковой величины» и затѣмъ приступаетъ къ отысканію этого общаго, къ которому приравненные между собой предметы, какъ мѣновыя цѣнности, должны быть «приводимы» (I, 11). Я могъ бы, между прочимъ, замѣтить, что мнѣ уже первое предположеніе, по которому въ обмѣнѣ двухъ предметовъ должно проявляться ихъ равенство, кажется очень старо — это еще не важно — но и несогласно съ дѣйствительностью, или, лучше сказать, невѣрно задумано. Гдѣ царитъ равенство и полное равновѣсіе, тамъ не происходитъ обыкновенно никакой перемѣны въ бывшемъ до того состояніи покоя. Если, поэтому, въ случаѣ обмѣна дѣло кончается тѣмъ, что товары мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, то это скорѣе признакъ того, что тутъ замѣшалось какое-либо неравенство или перевѣсъ, подъ вліяніемъ котораго и совершилась перемѣна — точно такъ, какъ между составными частями другъ съ другомъ сближенныхъ сложныхъ тѣлъ образуется новое химическое соединеніе, если «химическое сродство» между составными частями сближенныхъ различныхъ тѣлъ не такъ же, но болѣе сильно, чѣмъ между составными частями прежняго соединенія. И. дѣйствительно, современная политическая экономія единодушна въ признаніи несостоятельности стараго схоластико-теологическаго воззрѣнія на «эквивалентность» обмѣниваемыхъ цѣнностей. Но я не хочу придавать этому пункту никакого особаго значенія и обращаюсь къ критическому изслѣдованію тѣхъ логическихъ и методологическихъ

операцій, при помощи которыхъ Марксъ получаетъ трудъ, какъ искомое «общее». Эти операціи, — которыхъ я касался уже выше — являются, кажется, самымъ больнымъ мѣстомъ теоріи Маркса. Они представляютъ столько же научныхъ капитальныхъ ошибокъ, сколько имѣется отдѣльныхъ звѣньевъ мысли—которыхъ совсѣмъ немало — и носятъ явные слѣды того, что они придуманы и искусственно сгруппированы послѣ, чтобы заранѣе составленное мнѣніе представить, какъ повидимому естественный результатъ дѣйствительнаго изслѣдованія. Въ поискахъ за характернымъ «общимъ» для мѣновой цѣнности Марксъ прибѣгаетъ къ слѣдующему пріему. Онъ перебираетъ всевозможныя свойства, которыя вообще присущи приравненнымъ въ обмѣнѣ предметамъ, и отдѣляетъ методомъ исключенія всѣ тѣ, которыя не выдерживаютъ испытанія, пока, наконецъ, не остается только одно свойство. Это—свойство быть продуктами труда—и должно быть искомымъ общимъ свойствомъ.

Этотъ пріемъ немного странный, но самъ по себѣ не непригодный. Конечно, немного странно, если, вмѣсто того, чтобы предполагаемое характерное свойство подвергнуть положительной повѣркѣ,—что во всякомъ случаѣ привело бы къ одному изъ двухъ раньше упомянутыхъ, умышленно избѣгаемыхъ Марксомъ методовъ,—исключительно отрицательнымъ путемъ приходятъ къ убѣжденію, что данное свойство и есть какъ разъ искомое, что всѣ остальныя не таковы, а между тѣмъ одно должно быть искомымъ общимъ. Все же этотъ методъ можетъ привести къ желательной цѣли, если имъ пользуются съ необходимою осторожностью и обстоятельностью, т. е. если съ педантичной тщательностью слѣдить за тѣмъ, чтобы все, что сюда относится, было процѣжено сквозь сито логики и чтобы не допустить недосмотра относительно какой-либо частицы, исключенной путемъ процѣживанія.

Какъ-же берется за дѣло Марксъ? Онъ кладетъ въ сито только тѣ, обладающіе мѣновою цѣнностью, предметы, которымъ присуще

свойство, которое онъ хочетъ, въ концѣ концовъ, выдѣлить какъ «общее», а всѣ прочіе предметы устраняетъ. Онъ поступаетъ какъ тотъ, кто, сильно желая, чтобы изъ урны вынулся бѣлый шаръ, предусмотрительно содѣйствуетъ такому результату тѣмъ, что кладетъ въ урну только бѣлые шары. Онъ ограничиваетъ именно поле своихъ изысканій относительно субстанціи мѣновой цѣнности одними «товарами», при чемъ, не давая вполнѣ точнаго опредѣленія этого понятія, онъ употребляетъ его въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ понятіе «благо», и ограничиваетъ его продуктами труда въ противоположность дарамъ природы. Однако, вполнѣ очевидно слѣдующее: если дѣйствительно обмѣнъ означаетъ уравненіе, которое предполагаетъ существованіе «чего-то общаго равной величины», то должна быть возможность искать и найти это «общее» во всѣхъ благахъ, которыя поступаютъ въ обмѣнъ, не только въ продуктахъ труда, но и въ дарахъ природы, какъ земля, лѣсъ на корню, сила воды, залежи угля, каменоломни, нефть, минеральныя воды, золотыя розсыпи и др. [1]).

При поискахъ «общаго», лежащаго въ основаніи мѣновой цѣнности, исключать блага, имѣющія мѣновую цѣнность, но не представляющія собою продуктовъ труда — непростительная методологическая ошибка при такихъ условіяхъ. Это все равно, какъ если-бы какой-нибудь физикъ хотѣлъ изслѣдовать причину общаго всѣмъ тѣламъ свойства, напр., тяжести путемъ разсмотрѣнія свойствъ одной какой-нибудь группы тѣлъ, напр., прозрачныхъ; пересмотрѣвъ всѣ общія прозрачнымъ тѣламъ свой-

[1]) Удачно возражаетъ Марксу Карлъ Книсъ: «въ доказательствахъ Маркса,—говоритъ онъ,—абсолютно не видно никакого основанія, почему рядомъ съ уравненіемъ: 1 квартеръ пшеницы = *a* центнерамъ добытыхъ въ лѣсу дровъ, не можетъ быть столь-же правильнаго: 1 квартеръ пшеницы = *a* центнерамъ дико выросшаго лѣса = *b* моргенамъ дѣвственной почвы = *c* моргенамъ пастбища на натуральныхъ лугахъ». («Das Geld», 1 Aufl. S. 121, 2 Aufl. S. 157).

ства, онъ указываетъ, что всѣ прочія свойства не могутъ быть причиною тяжести и на основаніи этого въ заключеніе провозглашаетъ, что только прозрачность должна быть причиною тяжести.

Исключеніе даровъ природы (которое отцу мысли объ уравненіи при обмѣнѣ, Аристотелю, навѣрно не пришло-бы въ голову) тѣмъ менѣе можетъ быть оправдано, что нѣкоторые дары природы, какъ напр. земля, представляютъ самые важные объекты обладанія и обращенія и что отнюдь невозможно утверждать, будто мѣновыя цѣнности даровъ природы всегда устанавливаются только совершенно случайно и произвольно. Съ одной стороны бываютъ случайныя цѣны и на продукты труда, а съ другой — цѣны даровъ природы часто обнаруживаютъ самыя очевидныя зависимости отъ твердыхъ точекъ опоры или опредѣляющихъ условій.

Что, напр., продажная цѣна участковъ земли представляетъ собою сообразующееся съ обычнымъ въ странѣ процентомъ кратное поземельной ренты, — это столь-же извѣстно, какъ вѣрно и то, что лѣсъ на корню или уголь въ шахтѣ при различномъ качествѣ и въ различныхъ мѣстахъ, при неодинаковыхъ условіяхъ добычи, имѣютъ разныя цѣны не только благодаря простому случаю.

Маркъ остерегается дать точный отчетъ, почему онъ совершенно исключилъ изъ изслѣдованія одну часть имѣющихъ цѣнность благъ. Онъ и здѣсь (какъ и часто) обходитъ щекотливыя мѣста въ его разсужденіи, скользя какъ угорь, съ діалектической ловкостью. Онъ въ началѣ избѣгаетъ обратить вниманіе читателей, что его понятіе «товара» уже, чѣмъ понятіе блага, имѣющаго мѣновую цѣнность. Для послѣдующаго ограниченія изслѣдованія товарами онъ удивительно ловко напередъ приготовляетъ естественную точку соприкосновенія въ видѣ помѣщенной въ самомъ началѣ его книги, повидимому, совершенно невинной, общей фразы: „богатство общества, въ которомъ

господствуетъ капиталистическій способъ производства, представляется въ формѣ о г р о м н а г о с к о п л е н і я т о в а р о в ъ». Это положеніе вполнѣ ложно, если слово «товаръ» понимать въ смыслѣ продуктовъ труда, какъ это представляетъ потомъ Марксъ, такъ какъ дары природы, включая сюда землю, представляютъ весьма достойную вниманія и весьма значительную часть народнаго богатства. Но простодушный читатель легко проходитъ мимо этой неточности, такъ какъ онъ не знаетъ, что потомъ Марксъ придастъ понятію товара гораздо болѣе тѣсный смыслъ. Еще и въ дальнѣйшемъ изложеніи это не выясняется. Напротивъ въ первыхъ фразахъ первой главы попеременно идетъ рѣчь о «вещи», «потребительной цѣнности», «благѣ» и «товарѣ» безъ установленія рѣзкаго различія между послѣднимъ и первыми.

«Полезность какой-либо вещи,—говоритъ онъ на стр. 10, дѣлаетъ ее п о т р е б и т е л ь н о й ц ѣ н н о с т ь ю. Тѣло товаровъ... это п о т р е б и т е л ь н а я ц ѣ н н о с т ь или б л а г о».

На 11 стр. мы читаемъ: «мѣновая цѣнность является..., какъ количественное отношеніе..., въ которомъ п о т р е б и т е л ь н ы я ц ѣ н н о с т и одного рода обмѣниваются на п о т р е б и т е л ь н ы я ц ѣ н н о с т и другого рода».

Слѣдовательно здѣсь областью проявленія мѣновой цѣнности признается еще потребительная цѣнность = благу (полезности).

Послѣ словъ: «присмотримся къ дѣлу поближе», которыя, конечно, не заключаютъ въ себѣ указанія на скачекъ къ другой болѣе узкой области изслѣдованія,—Марксъ продолжаетъ: «Какой-нибудь одинъ т о в а р ъ, напр. квартеръ пшеницы обмѣнивается въ различныхъ пропорціяхъ на другіе предметы». И «возьмемъ затѣмъ два товара» и т. д.

Въ томъ-же самомъ абзацѣ онъ еще разъ повторяетъ терминъ «вещи» и именно въ важномъ для своей проблемы оборотѣ, что «въ двухъ различныхъ вещахъ (взаимно приравненныхъ при обмѣнѣ) существуетъ нѣчто общее одинаковой величины». Но

на слѣд. 12 стр. Маркъ продолжаетъ отыскивать «общее», но только для мѣновой цѣнности товаровъ, не заикнувшись ни однимъ словечкомъ о томъ, что онъ такимъ образомъ желаетъ ограничить поле своихъ изысканій одной частью имѣющихъ мѣновую цѣнность предметовъ [1]).

И сейчасъ-же на ближайшей 13 стр. онъ снова оставляетъ это ограниченіе и только что добытый для болѣе тѣснаго круга товаровъ выводъ примѣняетъ къ болѣе широкой области потребительныхъ цѣнностей благъ. «Потребительная цѣнность или благо имѣетъ цѣнность только потому, что въ ней воплотился или матеріализировался отвлеченный человѣческій трудъ».

Если-бы Маркъ въ рѣшающемъ вопросъ мѣстѣ не ограничилъ своего изслѣдованія одними продуктами труда, но искалъ-бы общаго и въ имѣющихъ мѣновую цѣнность дарахъ природы, то стало-бы очевидно, что трудъ не можетъ быть искомымъ «общимъ»... Если-бы онъ указалъ на это ограниченіе явно и открыто, то и онъ, и его читатели необходимо споткнулись-бы объ эту грубую методологическую ошибку; они должны были-бы смѣяться надъ этимъ наивнымъ фокусомъ, по которому свойство быть продуктами труда показалось удачно добытымъ, какъ общее свойство для извѣстнаго круга предметовъ, послѣ того, какъ передъ этимъ были исключены всѣ другіе, по природѣ своей также сюда относящіеся предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность, но не являющіеся продуктами труда.

Фокусъ этотъ можно было продѣлать только такъ, какъ сдѣлалъ это Маркъ — незамѣтно при помощи живо и легко скользящей въ щекотливомъ пунктѣ діалектики. Высказывая свое чисто-

[1]) Различіе «вещей» и «товаровъ» ступеньками въ томъ-же параграфѣ въ цитатѣ изъ Барбона: «одинъ сортъ товаровъ такъ-же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновая цѣнность равновелика. Тогда не существуетъ никакого различія или возможности различенія между вещами, имѣющими одинаковую мѣновую цѣнность».

сердечное удивленіе передъ ловкостью, съ которой Марксъ съумѣлъ представить допустимымъ столь ошибочный пріемъ, я, конечно, могу только констатировать, что пріемъ былъ вполнѣ ошибочный.

Но посмотримъ дальше. При помощи только что описаннаго фокуса Марксъ только достигъ того, что трудъ вообще могъ вступить въ соперничество. При помощи искусственнаго ограниченія круга предметовъ онъ былъ сдѣланъ однимъ изъ общихъ свойствъ для этого узкаго круга. Но кромѣ него могли вѣдь имѣть значеніе и другія свойства, какъ общія. Какъ-же устраняются эти другіе соперники? Это дѣлается при помощи двухъ слѣдующихъ звѣньевъ въ ходѣ разсужденія, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько словъ, но въ нихъ одну изъ самыхъ грубыхъ логическихъ ошибокъ. Въ первомъ звѣнѣ Марксъ исключаетъ всѣ «геометрическія, физическія, химическія или другія естественныя свойства товаровъ»; потому что «ихъ матеріальныя свойства имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они ихъ дѣлаютъ полезными, т. е. потребительными цѣнностями. Но съ другой стороны мѣновыя отношенія товаровъ очевидно характеризуются отвлеченіемъ отъ ихъ потребительныхъ цѣнностей»; такъ какъ «въ нихъ (мѣновыхъ отношеніяхъ) одна потребительная цѣнность имѣетъ такое-же значеніе, какъ и всякая другая, если она находится на лицо въ надлежащей пропорціи» (I, 12). Я позволю себѣ для иллюстраціи этого аргумента воспользоваться тѣми-же словами, которыя я написалъ 12 лѣтъ тому назадъ въ моей «Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien» (стр. 435).

«Что сказалъ-бы Марксъ о слѣдующей аргументаціи?»

На одной оперной сценѣ три отличныхъ пѣвца: теноръ, басъ и баритонъ получаютъ по 20,000 фл. жалованья каждый. Спрашивается: что является общей причиной, по которой они получаютъ одинаковое жалованье? Я отвѣчаю: въ вопросѣ о жа-

лованьѣ, всякій хорошій голосъ имѣетъ одинаковое значеніе, хорошій теноръ ровно столько-же, сколько хорошій басъ или хорошій баритонъ, если только они имѣются въ надлежащей пропорціи. Итакъ, очевидно, въ вопросѣ о жалованьѣ отвлекаются отъ хорошаго голоса, слѣдовательно хорошій голосъ не можетъ быть общей причиной высокаго жалованья. Ясно, что эта аргументація невѣрна. Также ясно, что и умозаключеніе Маркса, коней котораго она является, ни на волосъ не вѣрно. Обоимъ присуща одна и та-же ошибка. Они смѣшиваютъ отвлеченіе вообще отъ какого-либо обстоятельства съ отвлеченіемъ отъ спеціальныхъ видовыхъ различій, при которыхъ данное обстоятельство проявляется. Ясно, что въ нашемъ примѣрѣ для вопроса о жалованіи безразличны только спеціальные виды голоса, въ которыхъ проявляется хорошій голосъ, какъ теноръ, басъ или баритонъ, но вовсе не хорошій голосъ вообще.

Точно также при мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ отвлекаются отъ спеціальныхъ всякихъ видовыхъ различій, при которыхъ могла-бы проявляться потребительная цѣнность товаровъ, служитъ-ли товаръ для пищи, жилища или одежды и др., но вовсе не отъ потребительной цѣнности вообще.

Что вовсе не отъ послѣдней отвлекаются, Марксъ могъ бы усмотрѣть уже изъ того, что не можетъ существовать никакой мѣновой цѣнности тамъ, гдѣ нѣтъ потребительной цѣнности—фактъ, признать который неоднократно вынужденъ былъ и самъ Марксъ»[1]).

---

[1]) Напр. 15 стр. въ концѣ: «Наконецъ ни одинъ предметъ не можетъ имѣть цѣнности, если онъ не составляетъ предмета употребленія. Если онъ безполезенъ, то безполезенъ и воплощенный въ немъ трудъ, не считается какъ трудъ (sic!), и не представляетъ никакой цѣнности». На указанную въ текстѣ логическую ошибку уже Книсъ обратилъ вниманіе. См. «Das Geld». Berlin. 1873. S. 123 u. f. (2 Aufl. S. 160 fg.). Страннымъ обра-

Но еще хуже обстоитъ дѣло съ ближайшимъ звѣномъ цѣпи доказательствъ. «Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, — продолжаетъ Марксъ слово въ слово,— то имъ остается еще только одно свойство, что они—продукты труда».

Въ самомъ ли дѣлѣ, спрашиваю я сегодня, какъ я спрашивалъ 12 лѣтъ тому назадъ: только одно еще свойство? Не остается ли еще имѣющимъ мѣновую цѣнность благамъ, напр. общимъ свойствомъ ихъ рѣдкость по отношенію къ потребности въ нихъ? Или что они являются предметомъ спроса и предложенія? Или что они находятся въ собственности? Или что они суть продукты природы? Что они столько же продукты природы, какъ и труда, никто не говоритъ легче, чѣмъ самъ Марксъ, когда онъ заявляетъ: «товарное тѣло есть соединеніе двухъ элементовъ—вещества природы и труда». Не общее ли мѣновымъ цѣнностямъ и то свойство, что они причиняютъ издержки своимъ производителямъ—свойство, о которомъ Марксъ такъ ясно вспоминаетъ въ своемъ третьемъ томѣ? Почему же,

---

зомъ не понялъ моего аргумента Адлеръ (Grundlagen der Karl Marxschen Kritik, Tübingen. 1887. S. 211 f.), такъ какъ онъ возражаетъ, что хорошіе голоса не являются товарами въ марксовскомъ смыслѣ. Я вовсе не думалъ о томъ, можно ли «хорошіе голоса» какъ хозяйственныя блага подводить подъ законъ цѣнности Маркса или нѣтъ, но о томъ только, чтобы представить образчикъ логическаго заключенія, которому присуща такая же ошибка, какъ и заключенію Маркса. Я такъ же хорошо могъ бы выбрать примѣръ, который вовсе не относится къ области хозяйства. Я могъ бы напр. такъ же хорошо показать, что по логикѣ Маркса общее пестрыхъ тѣлъ лежитъ, Богъ знаетъ въ чемъ, но не въ смѣшеніи нѣсколькихъ красокъ, такъ какъ одно смѣшеніе красокъ напр. бѣлой, синей, желтой, черной, фіолетовой для пестроты имѣетъ такое же значеніе, какъ всякое другое, напр. смѣшеніе зеленой, красной, оранжевой, лазурно-синей и др. если только оно имѣется «въ надлежащей пропорціи», слѣдовательно, очевидно, что отвлекаются отъ краски и смѣшенія ихъ.

спрашиваю я опять и теперь, основаніе цѣнности не можетъ такъ же хорошо заключаться въ какомъ-нибудь изъ этихъ общихъ свойствъ, вмѣсто свойства, быть продуктомъ труда? Вѣдь въ пользу послѣдняго Марксъ ни разу не далъ намъ даже намека на положительное основаніе; его единственное основаніе носитъ отрицательный характеръ, что счастливо отвлеченная потребительная цѣнность не есть основаніе мѣновой цѣнности. Но развѣ не годится это отрицательное основаніе въ той же самой мѣрѣ и для всѣхъ другихъ незамѣченныхъ Марксомъ общихъ свойствъ? Да, и даже болѣе!

На той же 12 стр., на которой Марксъ отвлекаетъ вліяніе потребительной цѣнности на мѣновую цѣнность при помощи объясненія, что одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, если только она имѣется въ надлежащей пропорціи, онъ разсказываетъ намъ о продуктахъ труда слѣдующее: «Однако и продуктъ труда превратился у насъ въ рукахъ. Если мы отвлекаемся отъ его потребительной цѣнности, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаемся и отъ его вещественныхъ составныхъ частей и формъ, которыя дѣлаютъ его потребительною цѣнностью. Это не будетъ уже столъ, или домъ, или пряжа, или другая какая-нибудь полезная вещь. Всѣ доступныя внѣшнимъ чувствамъ свойства его исчезли. Это уже не продуктъ столярной или плотницкой работы, прядѣнія или другаго какого-нибудь опредѣленнаго производительнаго труда. Съ полезнымъ характеромъ продуктовъ труда исчезаетъ и полезный характеръ воплощеннаго въ нихъ труда, исчезаютъ, слѣдовательно, и различныя конкретныя формы этого труда; они не различаются болѣе другъ отъ друга, но сводятся всѣ вмѣстѣ къ одинаковому и при томъ абстрактному человѣческому труду».

Можно ли болѣе ясно и точно сказать, что въ мѣновыхъ отношеніяхъ не только одна потребительная цѣнность, но и одинъ видъ труда и продуктовъ труда «имѣетъ совершенно та-

кое же значеніе, какъ и всякій другой, если только они находятся въ надлежащей пропорціи?» Или другими словами, что тѣ же обстоятельства, на основаніи которыхъ Маркъ постановилъ приговоръ объ исключеніи относительно потребительной цѣнности, имѣются на лицо и по отношенію къ труду? Трудъ и потребительная цѣнность имѣютъ свою количественную и качественную сторону. Какъ качественно различны потребительныя цѣнности въ видѣ стола, дома или пряжи, такъ же различенъ и трудъ, какъ трудъ столяра, плотника или прядильщика. И какъ можно сравнивать трудъ различнаго рода по его количеству, такъ и потребительныя цѣнности—разнаго рода можно сравнивать по величинѣ потребительной цѣнности. Абсолютно непонятно, почему одна и та же суть дѣла одного соперника должна привести къ исключенію, а другого къ увѣнчанію преміей.

Если бы Маркъ измѣнилъ порядокъ изслѣдованія, то онъ могъ бы при помощи того же умозаключительнаго аппарата, пользуясь которымъ онъ устранилъ потребительную цѣнность, устранить трудъ и тѣмъ же путемъ, слѣдуя по которому онъ увѣнчалъ премией трудъ, превознести потребительную цѣнность, какъ единственно остающееся, а слѣдовательно искомое общее свойство; цѣнность же объявить единственной потребительной цѣнностью «Gebrauchs-Werth-Gallerte». Можно, я полагаю, утверждать, не шутя, и совершенно серьезно, что въ обоихъ абзацахъ стр. 12-й, гдѣ (въ первомъ) отвлекается вліяніе потребительной цѣнности и показывается, что трудъ является искомымъ общимъ свойствомъ (во второмъ), подлежащія могутъ быть переставлены безъ всякаго ущерба для внѣшней логической правильности разсужденія. Измѣнивъ строй предложенія, можно вполнѣ подставить всюду въ первомъ абзацѣ вмѣсто потребительной цѣнности—трудъ и произведенія труда; а во второмъ, вмѣсто труда—потребительную цѣнность.

Такова логика и методика, съ помощью которыхъ Маркъ

вводитъ основнымъ положеніемъ въ свою систему трудъ, какъ единственную основу цѣнности. Положительно я не допускаю мысли, что этотъ діалектическій фокусъ для самого Маркса явился основаніемъ и источникомъ убѣжденія. Такой крупный мыслитель, какъ Марксъ (я считаю его первоклассной силой въ этомъ отношеніи) не избралъ бы столь извилистаго и неестественнаго пути, если бы онъ дѣйствительно заботился первоначально о выработкѣ собственнаго убѣжденія и о свободномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія вещей. Онъ не могъ бы, только вслѣдствіе простой несчастной случайности, впасть поочередно во всѣ вышеуказанныя логическія и методическія ошибки и вывести свое положеніе о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ цѣнности, какъ естественный, а не предвзятый, предначертанный результатъ такого изслѣдованія.

Я думаю, это было не такъ; я не сомнѣваюсь, что Марксъ былъ дѣйствительно, вполнѣ честно убѣжденъ въ вѣрности своего положенія. Но убѣжденность его покоилась не на тѣхъ основахъ, которыя онъ выставилъ въ своей системѣ, да и были это не столько основы, сколько впечатлѣнія.

Тутъ, прежде всего, оказалъ свое дѣйствіе престижъ авторитета. Смитъ и Рикардо, великіе авторитеты, учили вѣдь тому же; по крайней мѣрѣ, многіе такъ думали въ ту пору. Правда, они такъ же мало обосновали это, какъ и Марксъ, а выводили лишь изъ нѣкоторыхъ общихъ и смутныхъ впечатлѣній. Напротивъ, гдѣ они видѣли ясно, гдѣ нельзя было избѣжать болѣе точнаго изученія, они прямо противорѣчили этой теоріи. Для развитаго эмпирическаго народнаго хозяйства Смитъ училъ, какъ и Марксъ въ своемъ третьемъ томѣ, что цѣны и цѣнности тяготѣютъ къ извѣстному уровню издержекъ производства, который включаетъ въ себѣ, кромѣ труда и среднюю прибыль на капиталъ. Рикардо, въ знаменитомъ IV отдѣлѣ главы «On value», равнымъ образомъ указалъ съ полной

ясностью и рѣшительностью, что, рядомъ съ трудомъ непосредственнымъ и посредственнымъ, на цѣнность товаровъ вліяютъ также размѣръ и продолжительность затраты капитала. Для того же, чтобы не унести безъ очевиднаго противорѣчія высказать излюбленное философское возрѣніе на трудъ, какъ на «настоящій» источникъ цѣнности, они были вынуждены удаляться съ нимъ въ сказочныя времена и въ сказочныя страны, гдѣ нѣтъ ни капиталистовъ, ни землевладѣльцевъ. Здѣсь можно было проводить его безпрекословно, такъ какъ провѣрка была невозможна, невозможна наблюденіемъ,—ибо его не могло быть, а отъ научно-психологическаго анализа они уклонялись подобно Марксу. Они не обосновывали, а выставляли свою идиллію трудовой цѣнности, какъ естественное состояніе [1]).

Марксъ выступилъ въ качествѣ наслѣдника этихъ построеній и возрѣній, которыя, благодаря авторитету Смита и Рикардо, завоевали себѣ громадное, хотя, конечно, не безспорное значеніе. Будучи ярымъ соціалистомъ, онъ охотно этому вѣрилъ. Можно-ли удивляться, что къ мысли, подтверждающей въ такой мѣрѣ его экономическое міровоззрѣніе, онъ не отнесся съ большимъ скептицизмомъ, чѣмъ Рикардо, которому однако же приходилось идти въ разрѣзъ съ ней. Можно-ли удивляться, что противорѣчія классиковъ не вызвали въ немъ критическихъ сомнѣній относительно положенія о трудовой цѣнности и онъ объяснилъ эти противорѣчія попыткой классиковъ путемъ обхода избѣжать непріятныхъ имъ выводовъ изъ неудобной истины. Словомъ, можно-ли удивляться, что пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, который заставилъ классиковъ высказать полу-смутныя,

---

[1]) Я подробно разъяснилъ положеніе, занятое Смитомъ и Рикардо по отношенію къ ученію о трудовой цѣнности въ моемъ сочиненіи «Исторія и Критика» (стр. 423 и слѣд.), гдѣ и доказалъ, въ особенности, что у названныхъ классиковъ нѣтъ и слѣдовъ обоснованія этого ученія. Ср. Книсъ «Кредитъ», II часть, стр. 60 и слѣд.

полу-противорѣчивыя, отнюдь не обоснованныя сужденія, Марксъ лично увѣровалъ въ ихъ достовѣрность, твердо, безусловно, съ пылкой убѣжденностію. Самъ онъ не нуждался въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Формальное обоснованіе было необходимо только для его системы.

Такъ какъ классики ничего не доказали, то, понятно, онъ не могъ только примкнуть къ нимъ. Не могъ онъ, равнымъ образомъ, ни ссылаться на наблюденіе, ни попытаться дать хозяйственно-психологическое обоснованіе, такъ какъ эти пути привели бы его къ выводу, явно и прямо противоположному положенію, долженствующему быть доказаннымъ. Поэтому онъ и обратился къ логико-діалектическому умозрѣнію, которое вообще отвѣчало складу его ума. И здѣсь лозунгомъ его стало: помогай, чѣмъ можно помочь! Онъ зналъ впередъ, что желалъ и что долженъ былъ вывести и съ поразительной изощренностью обрабатывалъ и нанизывалъ выносливыя опредѣленія и посылки до тѣхъ поръ, пока предвзятый выводъ не облекся въ приличную съ внѣшней стороны форму заключенія.

Можетъ быть онъ до того былъ ослѣпленъ собственной убѣжденностью, что не замѣчалъ чудовищныхъ логическихъ и методическихъ несообразностей, которыя не могли не проскользнуть; можетъ быть онъ и замѣчалъ ихъ, но оправдывалъ передъ самимъ собою, какъ формальныя средства для облеченія матеріально вполнѣ обоснованной, по его глубочайшему внутреннему убѣжденію, истины въ подобающую ей систематическую форму.

Объ этомъ ни я, да, вѣроятно, и никто другой не въ состояніи вообще судить въ настоящее время. Но я склоненъ утверждать, что едва-ли когда-нибудь такой могучій умъ, какимъ былъ Марксъ, давалъ образчикъ столь тяжеловѣсной, столь постоянно и столь очевидно фальшивой логики, какъ логика Маркса при систематическомъ обоснованіи его главнаго положенія.

2.

Этотъ невѣрный тезисъ Марксъ вплетаетъ въ свою систему съ поразительной тактической ловкостью, которая блистательно заявляетъ себя съ первыхъ шаговъ. Хотя онъ выведъ свой тезисъ, тщательно избѣгая доказательствъ, даваемыхъ наблюденіемъ и добылъ его только изъ «глубины духа» — тѣмъ не менѣе мысли о провѣркѣ этого апріорнаго умозрѣнія обращеніемъ къ дѣйствительности — невозможно миновать. Если бы этого не сдѣлалъ Марксъ, то это сдѣлали бы, вѣроятно, сами его читатели. Какъ же поступаетъ Марксъ? Онъ разчленяетъ. Разладъ его апріорнаго тезиса съ дѣйствительностью въ одномъ пунктѣ прямо бьетъ въ глаза. Марксъ самъ берется за этотъ пунктъ, смѣло хватая быка за рога.

Въ соотвѣтствіи съ своимъ основнымъ принципомъ, онъ утверждалъ, что цѣнности различныхъ товаровъ прямо пропорціональны необходимому рабочему времени (I, 14). Но даже для поверхностнаго наблюдателя ясно, что нѣкоторыя явленія дѣйствительной жизни прямо противорѣчатъ этому положенію. Плодъ дневной работы, напр., скульптора, столяра-художника, скрипичнаго мастера, машиностроителя и т. п., конечно, цѣнится не наравнѣ, а гораздо дороже, чѣмъ плодъ дневной же работы простаго ремесленника, или фабричнаго рабочаго, хотя и тамъ, и тутъ «воплощено» одинаковое количество рабочаго времени. Марксъ самъ заводитъ рѣчь объ этихъ фактахъ мастерскимъ діалектическимъ пріемомъ. Онъ говоритъ о нихъ въ такомъ тонѣ, точно они не противорѣчатъ его основному принципу, а представляютъ собою не болѣе, какъ легкую его варіацію, которая отнюдь не выходитъ за предѣлы установленной имъ нормы, а требуетъ лишь нѣкотораго ея разъясненія и болѣе точнаго формулированія. И онъ объявляетъ, что подъ трудомъ слѣдуетъ подразумѣвать, согласно духу его теоремы, «расходъ простой рабочей силы», «которою обладаетъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ,

безъ особеннаго развитія, всякій обыкновенный человѣкъ», иными словами – «простую среднюю работу» (I, 19 и I, 13). «Квалифицированный трудъ», продолжаетъ онъ, «считается лишь высшей степенью или скорѣе умноженной простой работой, такъ что меньшее количество сложной работы равно большему количеству работы простой. Наблюденіе показываетъ, что такое приведеніе совершается постоянно. Товаръ можетъ быть плодомъ самой сложной работы, но его цѣнность приравниваетъ его къ продукту простой работы и поэтому сама представляетъ собою ничто иное какъ опредѣленное количество простой работы. Различныя пропорціи, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ единицѣ мѣры, устанавливаются какимъ то общественнымъ процессомъ за спиною производителей и потому кажутся имъ установившимися путемъ обычая».

При бѣломъ чтеніи это указаніе, дѣйствительно, можетъ звучать весьма убѣдительно. Но если вникнуть въ него трезво и хладнокровно, то впечатлѣніе становится прямо противуположнымъ.

Фактъ, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, состоитъ въ томъ, что продуктъ одного дня, или одного часа сложнаго труда, имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ продуктъ одного дня, или одного часа труда простого; напр. продуктъ одного дня скульптора равенъ продукту пяти дней каменьщика. Маркъ училъ, что предметы, приравниваемые при обмѣнѣ, должны содержать въ себѣ «нѣчто общее одинаковой величины» и что этимъ общимъ долженъ быть трудъ и рабочее время. Трудъ вообще? Это именно заставляли насъ предполагать первыя общія разсужденія Маркса до стр. 13; но, очевидно, это не подходило-бы, такъ какъ пять дней труда, конечно, не представляютъ собою «величины одинаковой» съ однимъ днемъ труда. Поэтому то Маркъ и не говоритъ уже

теперь работа вообще, но «простая работа»: общимъ должно быть, слѣдовательно, содержаніе одинаковаго количества работы опредѣленнаго вида, именно работы простой.

Но вникнувъ хладнокровно, найдемъ, что это еще менѣе подходитъ, такъ какъ въ продуктѣ скульптора вовсе не воплощается «простая работа», не говоря уже о простой работѣ въ томъ-же количествѣ, что и въ продуктѣ пятидневной работы каменотеса. Точная истина, по просту, состоитъ въ томъ, что оба продукта воплощаютъ въ себѣ трудъ разнаго вида и въ разномъ количествѣ. Это, какъ всякій безпристрастный человѣкъ долженъ признать, является вѣдь полнѣйшей противоположностью того положенія вещей, котораго требуетъ Марксъ и наличность котораго онъ утверждаетъ, а именно, что они воплощаютъ въ себѣ трудъ одного вида и въ одинаковомъ количествѣ.

Правда Марксъ говоритъ: сложная работа считается умноженной простой работой, но «считаться» не значитъ дѣйствительно быть, а теорія изучаетъ существо вещей. Разумѣется можно въ какомъ либо отношеніи считать одинъ день труда скульптора равнымъ пяти днямъ труда каменотеса, какъ и считать дикую козу равноцѣнной пяти зайцамъ. Но если подобное приравненіе не уполномочиваетъ статистиковъ утверждать съ научной серьезностью, что въ округѣ, гдѣ имѣется 100 дикихъ козъ и 500 зайцевъ, находится на лицо 1000 зайцевъ, то также мало основательно въ статистикѣ цѣнъ, или въ теоріи цѣнности говорить серьезно, что въ однодневномъ продуктѣ скульптора воплощены пять дней труда каменотеса и что это является дѣйствительной причиной, почему этотъ продуктъ при обмѣнѣ приравнивается къ пятидневнымъ продуктамъ каменотеса. Я постараюсь указать нѣсколько ниже на примѣрѣ, непосредственно приваровленномъ къ проблемѣ цѣнности, какъ можно все доказать, если пользоваться выраженіемъ «считаться» тамъ, гдѣ «быть» не выручаетъ. Предварительно я долженъ остановиться на другомъ соображеніи.

Въ цитированномъ мѣстѣ Марксъ дѣлаетъ попытку—свой маневръ съ «приведеніемъ» сложнаго труда къ простому—оправдать наблюденіемъ. «Что это приведеніе совершается постоянно—показываетъ наблюденіе. Товаръ можетъ быть продуктомъ самой сложной работы, но его цѣнность приравниваетъ его къ продукту работы простой и потому сама представляетъ собою лишь извѣстное количество простой работы».

Прекрасно. Допустимъ пока, что это вѣрно и присмотримся хорошенько, какимъ образомъ и какими факторами должна быть устанавливаема единица мѣры для этого, соотвѣтствующаго наблюденію, приведенія, на которое ссылается Марксъ. Тутъ мы наталкиваемся на явленіе весьма естественное, но въ то же время весьма неблагопріятное теоріи Маркса, а именно, что единица мѣры для приведенія установливается ничѣмъ инымъ, какъ фактическими мѣновыми отношеніями. A priori не опредѣляется, и не возможно опредѣлить изъ какого-либо свойства, присущаго сложнымъ работамъ, въ какомъ отношеніи, при установленіи цѣнности, слѣдуетъ ихъ продуктъ переводить на простую работу; рѣшаетъ этотъ вопросъ не что иное, какъ совершившійся фактъ, какъ фактическія мѣновыя отношенія. Марксъ самъ говоритъ: «его цѣнность приравниваетъ его къ продукту простой работы» и ссылается на «какой то общественный процессъ», посредствомъ котораго «за спиной производителей устанавливаются различныя пропорціи, для приведенія различныхъ видовъ труда къ труду простому, какъ ихъ единицѣ мѣры». Эти пропорціи «кажутся поэтому устанавливаемыми обычаемъ».

Что обозначаетъ въ этомъ случаѣ ссылка на «цѣнность» и на «общественный процессъ», какъ на факторы, устанавливающіе единицу мѣры для приведенія?

Оставляя въ сторонѣ все прочее, она просто представляетъ собою circulus vitiosus. Требуется вѣдь объяснить мѣновыя отношенія различныхъ товаровъ; почему, напр., статуэтка, на

выдѣлку которой скульпторъ употребилъ одинъ день своего труда, обмѣнивается на возъ щебня, который стоилъ пять дней работы камне-дробильщиковъ, а не на большее или меньшее количество щебня, стоившее, напр., десять, или три дня работы? Какъ же объясняетъ это Марксъ? Онъ говоритъ, что мѣновое отношеніе таково, а не иное потому, что одинъ день труда скульптора долженъ быть приведенъ къ пяти днямъ простаго труда. А почему его слѣдуетъ приводить именно къ пяти днямъ? Потому, что-де такое именно приведеніе совершается, какъ указываетъ наблюденіе, общественнымъ процессомъ. А какой же это общественный процессъ? Тотъ именно, который требуется объяснить; тотъ именно, въ силу котораго продуктъ одного дня скульптора приравнивается по своей цѣнности къ продукту пяти дней простаго труда. Если бы этотъ продуктъ систематически обмѣнивался на продуктъ трехъ лишь дней простаго труда, то Марксъ такъ же точно заставилъ бы насъ признавать основаніемъ для приведенія—1 : 3 за соотвѣтствующую наблюденію и обосновывать на немъ объясненіе, почему статуэтка обмѣнивается и должна обмѣниваться на продуктъ трехъ именно дней труда каменотеса,—не на большее и не на меньшее! Словомъ ясно, что этимъ путемъ мы вовсе не можемъ узнать настоящей причины, почему продукты различныхъ видовъ труда обмѣниваются другъ на друга къ тому, а не иному отношенію. Они обмѣниваются такъ, а не иначе, потому что они такъ обмѣниваются въ дѣйствительности—вотъ, что говоритъ намъ Марксъ, въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ!

Замѣчу еще мимоходомъ, что эпигоны Маркса, сознавая, вѣроятно, этотъ circulus vitiosus сдѣлали попытку поставить на иную реальную почву, приведеніе сложнаго труда къ простому. «Это не фикція, а фактъ,—говоритъ Грабскій [1]),—что

[1]) Deutsche Worte, Jahrg. XV. Heft. 3. Мартъ 1895, стр. 155.

часъ сложнаго труда заключаетъ въ себѣ нѣсколько часовъ простаго труда, такъ какъ слѣдуетъ-де принимать въ расчетъ въ видахъ послѣдовательности, и тотъ трудъ, который былъ затраченъ на пріобрѣтеніе профессіональной сноровки». Я полагаю, нѣтъ надобности много говорить, чтобы обличить въ несостоятельности и это указаніе. Противъ прибавленія къ работѣ исполненія приходящейся на ея долю подготовительной работы, я ничего не возражаю. Но, очевидно, что изъ этого можно было бы выводить объясненіе различій при сопоставленіи сложнаго труда съ простымъ только въ томъ случаѣ, если бы количество подготовительнаго труда соотвѣтствовало величинѣ этихъ различій. Въ разсматриваемомъ, напр., случаѣ, въ одномъ часѣ работы скульптора заключалось бы пять часовъ простой работы, если бы на каждый часъ скульптурнаго производительнаго труда приходилось четыре часа труда на обученіе или же, считая болѣе крупными единицами, если бы скульпторъ изъ 50 посвященныхъ своей спеціальности лѣтъ долженъ былъ обучаться профессіи сорокъ лѣтъ, чтобы заниматься ею десять лѣтъ. Станетъ-ли кто-либо утверждать серьезно, что такое или приблизительно такое соотношеніе существуетъ въ дѣйствительности.

Возвращаясь отъ явно несостоятельной, въ видахъ выхода изъ затрудненія придуманной, гипотезы эпигоновъ къ ученію самаго главы, иллюстрирую его заблужденія еще однимъ примѣромъ, обнаруживающимъ самымъ убѣдительнымъ, какъ мнѣ кажется, образомъ ложность марксовскаго способа построенія умозаключеній.

Съ помощью совершенно такой же аргументаціи, вполнѣ возможно было бы утверждать, что основаніе и единица мѣры мѣновой цѣнности заключаются въ веществѣ товаровъ, и что товары обмѣниваются въ отношеніи воплощенныхъ въ нихъ количествъ вещества. Десять килограммовъ вещества въ одномъ видѣ товара постоянно обмѣниваются на десять же киллограм-

мокъ вещества въ другомъ товарномъ видѣ. Если бы противъ этого положенія возразили, что оно очевидно ложно, такъ какъ 10 kg. золота обмѣниваются не на десять же kg. желѣза, а на 40,000 kg. и еще на большее количество угля, то мы, по примѣру Маркса, отвѣтили бы: при установленіи цѣнности слѣдуетъ считаться съ содержаніемъ простаго средняго вещества. Это послѣднее служитъ единицей мѣры. Квалифицированныя высшія дорогія вещества считаются лишь потенцированными или вѣрнѣе помноженными простыми веществами, такъ что меньшее количество квалифицированнаго вещества равно большему количеству простаго. Наблюденіе показываетъ, что такое приведеніе совершается постоянно въ дѣйствительности. Товаръ можетъ быть сдѣланъ изъ самаго изысканнаго вещества, но его цѣнность приравниваетъ его къ товару изъ простаго вещества, а поэтому и представляетъ собою не болѣе, какъ опредѣленное количество простаго вещества. «Общественный процессъ», наличность котораго не можетъ быть подвергаема сомнѣнію, приводитъ постоянно, напр., фунтъ необработаннаго золота къ 40,000 фунт. желѣза не въ дѣлѣ, фунтъ серебра къ 1,500 ф. того же желѣза. Обработка золота обыкновеннымъ золотымъ дѣлъ мастеромъ или геніальнымъ художникомъ, придаетъ дальнѣйшіе оттѣнки квалификаціи вещества, которыя на практикѣ принимаются во вниманіе путемъ примѣненія еще особыхъ основаній для приведенія. Если поэтому фунтъ золота въ слиткѣ обмѣнивается на 40,000 фунт. желѣза, а золотой бокалъ работы Бенвенуто Челлини вѣсомъ въ фунтъ—на 4,000,000 фунт. желѣза, то этотъ случай является не опроверженіемъ, а подтвержденіемъ положенія, что товары обмѣниваются соотвѣтственно количеству содержащагося въ нихъ простаго средняго вещества.

Я полагаю, что безпристрастный читатель безъ труда замѣтитъ въ этой аргументаціи оба «ингредіента» Марксовскаго

«рецепта»: подстановка считаться вмѣсто «быть» и circulus vitiosus въ объясненіи, заключающійся въ заимствованіи мѣры для приведенія изъ существующихъ въ обществѣ мѣновыхъ отношеній, которыя именно и требуютъ разъясненія.

Вотъ какимъ образомъ Маркъ справился съ самымъ рѣзкимъ противорѣчіемъ жизненной дѣйствительности его теоріи. Діалектически это—безспорно выполнено съ большою ловкостью, по существу, какъ иначе и быть не могло, - совершенно неудовлетворительно.

Рядомъ съ разсмотрѣнной несообразностью имѣются у него еще и другія, менѣе бросающіяся въ глаза, источникомъ которыхъ является воздѣйствіе затраты капитала на установленіе цѣнъ, о чемъ говоритъ Рикардо въ IV отдѣлѣ главы «On Value», какъ было уже нами замѣчено выше.

Относительно этихъ несообразностей Маркъ избираетъ иной путь. Онъ оставляетъ ихъ на время совсѣмъ безъ вниманія, игнорируетъ ихъ на протяженіи двухъ томовъ. Отвлекаясь отъ нихъ въ двухъ первыхъ томахъ, онъ поступаетъ такъ, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало. Во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи своей теоріи цѣнности, а равно въ развитіи своей теоріи добавочной цѣнности, онъ исходитъ изъ «предположенія», отчасти безмолвно допускаемаго, отчасти прямо высказаннаго, что товары обмѣниваются соотвѣтственно ихъ цѣнности, т. е. въ точной пропорціи воплощеннаго въ нихъ труда [1]).

И это предположительное отвлеченіе у него связывается съ замѣчательно ловкимъ діалектическимъ пріемомъ. Есть нѣкоторыя фактическія отклоненія отъ теоретической нормы, отъ которыхъ теоретикъ дѣйствительно можетъ отвлекаться: таковы случайныя скоропреходящія колебанія рыночныхъ цѣнъ около ихъ постояннаго нормальнаго уровня. Маркъ не упускаетъ въ

---

[1]) Напр. I. 141 слѣд. 150, 151, 158 и др., а также въ началѣ III т. 25, 128, 132.

тѣхъ случаяхъ, когда заявляетъ, что онъ отвлекается отъ отклоненія цѣнъ отъ цѣнностей, обращать вниманіе читателя на «случайныя обстоятельства», съ которыми «не слѣдовало бы считаться», какъ, напр., «на постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, которыхъ пониженія и повышенія «взаимно уравновѣшиваются» и «сами себя приводятъ къ средней цѣнѣ, какъ присущей имъ нормѣ» [1]). Благодаря такому указанію онъ получаетъ одобреніе читателя на свое отвлеченіе. Но при этомъ отъ неособенно внимательнаго и зоркаго читателя остается скрытымъ, что Марксъ отвлекается не только отъ случайныхъ колебаній, но и отъ отклоненій прочныхъ, длящихся, типическихъ, наличность которыхъ является существеннымъ элементомъ нормы, требующей объясненія,—и такой читатель, даже и не догадываясь вовсе, проходитъ мимо смертнаго методологическаго грѣха автора.

Ибо, конечно, это смертный методологическій грѣхъ, если кто въ научномъ изслѣдованіи игнорируетъ именно то, что слѣдуетъ объяснить. Вѣдь Марксова теорія добавочной цѣнности имѣетъ въ виду объясненіе въ его духѣ прибыли на капиталъ. Эта же прибыль и заключается какъ разъ въ этихъ постоянныхъ отклоненіяхъ товарныхъ цѣнъ отъ суммы однихъ издержекъ на трудъ. Если, поэтому, такія отклоненія игнорируются, то стало быть игнорируется самое существенное изъ того, что подлежитъ разъясненію. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я указалъ на этотъ методологическій промахъ, совершенный какъ Родбертусомъ такъ и Марксомъ [2]). Я позволю себѣ повторить здѣсь заключительныя слова моей критики. «Они (т. е. сторонники теоріи эксплоатаціи) устанавливаютъ законъ, по которому цѣнность товаровъ основывается на воплощенномъ въ

[1]) Напр. I. 150, прим. 37.

[2]) Противъ Родбертуса см. подробнѣе въ моей «Исторіи и Критикѣ», стр. 405 слѣд. Въ особенности въ примѣчаніи стр. 407.

ихъ рабочемъ времени, чтобы тотчасъ вслѣдъ затѣмъ всѣ образованія цѣнностей, не согласныя съ этимъ «закономъ», напр. разницу цѣнности, приходящуюся на долю капиталистовъ, въ качествѣ добавочной цѣнности, объявить «беззаконною», «противоестественною», «несправедливою» и ратовать за ея уничтоженіе. Такимъ образомъ они сперва игнорируютъ отклоненіе, дабы имѣть возможность провозгласить свой законъ цѣнности всеобщимъ. Ухитрившись такимъ образомъ добыть ему всеобщность, они снова обращаютъ вниманіе на исключенія, чтобы запятнать ихъ, какъ нарушенія закона. Этотъ способъ умозаключенія, право, ни сколько не лучше, какъ если бы кто, усмотрѣвъ, что на свѣтѣ есть глупые люди и, игнорируя при этомъ существованіе людей умныхъ, пришелъ бы къ выведенію «имѣющаго всеобщее значеніе закона», что «всѣ люди глупы», а затѣмъ потребовалъ бы искорененія всѣхъ «противузаконно» существующихъ умныхъ людей!» [1]).

Конечно, Маркъ, благодаря своему маневру отвлеченія, пріобрѣлъ большое тактическое преимущество. Онъ устранилъ предположительно изъ своей системы подкапывающую ее дѣйствительность и поэтому обезпечилъ себя отъ столкновенія съ нею, пока была возможность держаться этого устраненія. Это было возможно по отношенію къ остальной значительно большей части перваго тома, всего втораго и первой четверти третьяго. На этомъ среднемъ протяженіи системы Маркса логическое развитіе и выясненіе причинной связи совершается дѣйствительно съ импонирующей законченностью и внутренней послѣдовательностью. Здѣсь Маркъ можетъ держаться хорошей логики, такъ какъ съ помощью «предположенія» онъ уже заранѣе согласовалъ факты со своими идеями и можетъ оставаться вѣрнымъ этимъ послѣднимъ, не впадая въ противорѣчіе съ фактами. А гдѣ Маркъ можетъ держаться хорошей логики, тамъ онъ умѣетъ

[1]) Тамъ-же, стр. 443 слѣд.

это и притомъ въ совершенствѣ. Эти среднія части его системы, при всей ложности ея исходнаго пункта, навсегда обезпечиваютъ за Марксомъ, благодаря выходящей изъ ряду вонъ внутренней послѣдовательности, славу первокласснаго мыслителя. Читатели—это и для практическаго значенія системы Маркса также оказалось очень кстати,—преодолѣвъ благополучно довольно бурное начало, на протяженіи всей этой дѣйствительно вообще безукоризненной по своей внутренней стройности средней части, успѣваютъ сжиться съ міромъ марксовскихъ идей и пріобрѣсти довѣріе къ ходу ихъ, а онѣ дѣйствительно такъ чудно вытекаютъ одна изъ другой и въ прекрасномъ порядкѣ укладываются въ связное цѣлое. И вотъ къ читателямъ, проникшимся уже всецѣло довѣріемъ, Марксъ предъявляетъ тѣ странныя притязанія, которыя онъ наконецъ вынужденъ выставить въ третьемъ томѣ. Никакія оттяжки не спасаютъ его отъ необходимости обратить взоръ на явленія дѣйствительной жизни.

Онъ долженъ, въ концѣ концовъ, признаться передъ читателемъ, что въ дѣйствительной жизни товары обмѣниваются, и притомъ постоянно и необходимо, не въ соотвѣтствіи съ воплощеннымъ въ нихъ рабочимъ временемъ, а то ниже, то выше этого соотвѣтствія, въ зависимости отъ того, требуетъ-ли затраченный капиталъ большей или меньшей суммы средней прибыли, или говоря иначе, что рядомъ съ рабочимъ временемъ затрата капитала является равносильнымъ основаніемъ, опредѣляющимъ мѣновыя отношенія товаровъ. Отсюда вытекаютъ двѣ трудныя для Маркса задачи. Онъ долженъ оправдаться во-первыхъ передъ читателемъ, что и первоначально, и затѣмъ онъ долго училъ, что трудъ является единственнымъ основаніемъ, опредѣляющимъ мѣновыя отношенія; во-вторыхъ—а это, пожалуй, еще затруднительнѣе — представить своимъ читателямъ такое теоретическое объясненіе явленіямъ, противорѣчащимъ его теоріи, которое явно и не сливалось-бы вполнѣ съ

его теоріей трудовой цѣнности, но съ другой стороны — все-таки не противорѣчило-бы ей.

Ясно, что тутъ нельзя уже было держаться хорошей, прямой логики. Здѣсь наблюдается соотвѣтствіе спутанному началу системы. Тамъ, ради вывода теоремы, которой нельзя было вывести прямымъ путемъ изъ явленій дѣйствительности, Марксу пришлось обращаться безцеремонно отчасти съ этими явленіями, главнымъ-же образомъ съ логикой, и допускать невѣроятнѣйшія промахи мысли. Такъ-же дѣло обстоитъ и съ заключительной частью системы. Здѣсь положенія, которыя на пространствѣ двухъ томовъ безраздѣльно господствовали, встрѣчаются опять съ явленіями дѣйствительности, конечно, такъ-же мало гармонирующими съ положеніями, какъ и въ началѣ. А гармонію системы все же необходимо сохранить. Этого нельзя достигнуть иначе, какъ опять таки въ ущербъ логикѣ. Поэтому система Маркса являетъ намъ собою странное на первый взглядъ, но при указанныхъ обстоятельствахъ въ сущности совершенно естественное, слѣдующее зрѣлище: главнѣйшая по своему объему часть системы представляетъ собою шедевръ строгой законченной логики, вполнѣ достойный мыслительной силы автора, а въ двухъ частяхъ системы рѣшающія именно мѣста отмѣчаются, къ сожалѣнію, невѣроятной слабостью и небрежностью въ развитіи мыслей: первый разъ въ самомъ началѣ, гдѣ теорія впервые отдѣлилась отъ явленій дѣйствительности; второй разъ—послѣ первой четверти третьяго тома, гдѣ явленія дѣйствительности опять появляются въ полѣ зрѣнія читателей; здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду десятая глава III тома (стр. 151—179).

Съ содержаніемъ одной части этой главы мы познакомились уже и оцѣнили ее; это—относительно самозащиты Маркса отъ упрека въ противорѣчіи между закономъ цѣнъ производства и «закономъ цѣнности» [1]). Намъ остается теперь бросить взглядъ

[1]) См. выше

на вторую задачу этой главы—именно на теоретическое объясненіе, при которомъ Маркесъ вводитъ въ свою систему теорію цѣнъ производства, сообразующуюся [1]) съ фактическими отношеніями. Это изслѣдованіе приводитъ насъ къ одному изъ самыхъ поучительныхъ и для системы Маркса самыхъ характерныхъ пунктовъ: къ положенію «конкурренціи» въ его системѣ.

3.

«Конкурренція»—это, какъ я говорилъ уже выше, нѣчто въ родѣ собирательнаго наименованія для всѣхъ тѣхъ психическихъ побужденій и мотивовъ, которыми стороны, выступающія на рынкѣ, руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ и которыя такимъ образомъ пріобрѣтаютъ вліяніе на установленіе цѣнъ. Желающій купить имѣетъ свои мотивы, которымъ онъ слѣдуетъ при куплѣ и которые даютъ ему извѣстное руководящее начало относительно размѣра цѣны, которую онъ готовъ предложить съ самаго начала, или въ самомъ крайнемъ случаѣ. Равнымъ образомъ, продавецъ, или производитель, имѣетъ свои мотивы, которыми для него рѣшается вопросъ, при какихъ цѣнахъ продавать свои товары, при какихъ - нѣтъ, при какой высотѣ цѣнъ продолжать производство, или даже расширять его и при какой высотѣ, напротивъ, пріостанавливать. Въ конкурренціи покупателей и продавцовъ сплетаются всѣ эти побужденія и опредѣляющіе моменты и, кто ссылается на конкурренцію для объясненія образованія цѣнъ, тотъ дѣлаетъ въ сущности ссылку на скрывающіяся подъ этимъ собирательнымъ наименованіемъ

[1]) Само собою разумѣется, что я оставляю безъ вниманія мелкія различія въ мнѣніяхъ. Во всемъ настоящемъ этюдѣ я совсѣмъ отказался отъ введенія въ дѣло и отъ рѣчи о болѣе тонкихъ оттѣнкахъ, существующихъ относительно пониманія «закона издержекъ».

игру и дѣйствіе всѣхъ тѣхъ психическихъ побужденій и мотивовъ, которыми руководствовались на рынкѣ обѣ стороны.

Марксъ вообще старается придать конкурренціи и силамъ, въ ней дѣйствующимъ, по возможности подчиненное мѣсто въ своей системѣ. Онъ, или оставляетъ ее безъ вниманія, или пытается по крайней мѣрѣ низвести родъ и степень ея вліянія, гдѣ и какъ только можетъ. Это обнаруживается самымъ яснымъ образомъ въ различныхъ случаяхъ.

И прежде всего при выведеніи его закона трудовой цѣнности. Всякій безпристрастный человѣкъ знаетъ и видитъ, что вліяніе, оказываемое потраченнымъ количествомъ труда на длящійся уровень цѣнъ товаровъ (конечно не столь исключительное, какъ это утверждаетъ марксовскій законъ цѣнности) — оказывается чрезъ посредство спроса и предложенія, или, что тоже — конкурренціи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ обмѣна, или при монополіи, могутъ являться цѣны, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ воплощенному рабочему времени, независимо и отъ притязаній затраченнаго капитала. Марксу, разумѣется, это извѣстно. Но онъ сперва и рѣчи не заводитъ объ этомъ при выведеніи своего закона цѣнности. Если бы онъ это сдѣлалъ, то ему нельзя было бы уклониться отъ дальнѣйшаго вопроса и разсмотрѣнія, какимъ образомъ и чрезъ какія промежуточныя звѣнья изъ всѣхъ мотивовъ и факторовъ, дѣйствующихъ подъ флагомъ конкурренціи, исключительное рѣшающее вліяніе на высоту цѣнъ устроивается именно одному рабочему времени.

Неизбѣжный при семъ полный анализъ этихъ мотивовъ выдвинулъ бы потребительную цѣнность товаровъ непремѣнно сильнѣе на первый планъ, нежели могъ допустить Марксъ, многое показалъ бы въ другомъ свѣтѣ и наконецъ многое бы вообще обнаружилъ, чему Марксъ въ своей системѣ не хотѣлъ придавать никакого значенія.

Поэтому, сперва онъ совершенно обходитъ молчаніемъ по-

средническую роль конкурренціи въ томъ случаѣ, когда при полномъ систематическомъ обоснованіи своего закона цѣнности онъ необходимо обязанъ былъ бы ее изложить. Позднѣе онъ упоминаетъ объ этомъ пунктѣ, но (насколько можно судить по мѣсту и способу упоминанія) касается его не какъ важной части въ его теоретической системѣ, а лишь при случаѣ, въ поверхностныхъ замѣчаніяхъ, въ которыхъ ссылается на фактъ въ немногихъ словахъ, какъ на нѣчто такое, что въ большей или меньшей степени разумѣется само собой, не безпокоя себя болѣе глубокимъ обоснованіемъ.

Маркъ, по моему мнѣнію, наиболѣе ясно излагаетъ эти факты на стр. 156 третьяго тома, гдѣ онъ ставитъ три слѣдующихъ условія для того, чтобы товары обмѣнивались по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ приблизительно ихъ «цѣнностямъ», т. е. воплощенному въ нихъ рабочему времени: 1) Обмѣнъ товаровъ не долженъ быть чисто-случайнымъ; 2) товары «должны производиться обѣими сторонами въ количествахъ, отвѣчающихъ приблизительно взаимнымъ потребностямъ, къ чему приводитъ обоюдный опытъ по сбыту, и что слѣдовательно само собой является результатомъ продолжительнаго обмѣна», и 3) никакая естественная или искусственная монополія не должна давать возможности которой-либо изъ договаривающихся сторонъ продавать выше цѣнности, ни принуждаетъ сбывать ниже послѣдней». Маркъ, стало-быть, требуетъ сильной съ обѣихъ сторонъ конкурренціи, продолжавшейся достаточно долго для того, чтобы приноровить производство къ сбыту, извѣстному по опыту, или къ потребности покупателей,—Маркъ требуетъ этого какъ условія для того, чтобы его законъ цѣнности вообще могъ проявить свое дѣйствіе. Это мѣсто намъ слѣдуетъ хорошо запомнить.

Къ нему не присоединено болѣе точнаго обоснованія. Напротивъ, нѣсколько далѣе, именно какъ разъ въ средниѣ тѣхъ

разсужденій, гдѣ Марксъ еще сравнительно наиболѣе подробно говоритъ о конкурренціи, ея обѣихъ «сторонахъ», о спросѣ и предложеніи, объ отношеніи ея къ образованію цѣнъ,—онъ рѣшительно отклоняетъ «болѣе глубокій анализъ этихъ обѣихъ общественныхъ двигательныхъ силъ» какъ «здѣсь неумѣстный!»[1]).

Болѣе того! Для того, чтобы еще сильнѣе умалить значеніе предложенія и спроса для теоріи, а также чтобы оправдать его теоретическое пренебреженіе этими факторами, Марксъ придумалъ собственную достопримѣчательную теорію, которую онъ, коснувшись ея уже ранѣе въ случайныхъ указаніяхъ, и развиваетъ на стр. 169 и 170 третьяго тома. Онъ исходитъ изъ того, что, когда одинъ изъ обоихъ факторовъ преобладаетъ надъ другимъ, напр., спросъ надъ предложеніемъ, или наоборотъ, образуются неправильныя, неустойчивыя рыночныя цѣны, которыя отклоняются отъ «рыночной цѣнности», образующей для этихъ рыночныхъ цѣнъ «центръ колебанія»; что, напротивъ, для того, чтобы товары продавались по упомянутой нормальной ихъ рыночной цѣнности, спросъ и предложеніе должны вполнѣ соотвѣтствовать другъ другу. Къ этому онъ присоединяетъ слѣдующую странную аргументацію:

«Когда спросъ и предложеніе совпадаютъ, они перестаютъ дѣйствовать... Двѣ силы, дѣйствующія равномѣрно въ противоположномъ направленіи, взаимно уничтожаются, онѣ не проявляются во внѣ, и явленія, происходящія при этихъ условіяхъ, должны быть объяснены не дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, а иначе. Когда спросъ и предложеніе взаимно уничтожаются, они перестаютъ объяснять что-либо, не вліяютъ на рыночную цѣнность и оставляютъ насъ еще въ неизвѣстности, почему рыночная цѣнность выражается именно въ этой суммѣ денегъ, а не въ какой-либо другой». Поэтому от-

[1]) III, 169, см. также выше.

ношеніемъ спроса къ предложенію можно еще объяснить «отклоненія отъ рыночной цѣнности», вызываемыя преобладаніемъ одной силы надъ другой, но никакъ не высоту самой рыночной цѣнности.

Эта странная теорія Маркса, очевидно, хорошо подходитъ къ его системѣ. Если изъ отношенія предложенія и спроса отнюдь ничего не объясняется для опредѣленія высоты устойчивыхъ цѣнъ, то, конечно, въ порядкѣ вещей, что Марксъ въ своемъ основаніи не заботился болѣе объ этихъ неважныхъ факторахъ и безъ обиняковъ ввелъ въ систему тотъ факторъ, который одинъ, по его мнѣнію, оказываетъ существенное вліяніе на высоту цѣнности, именно трудъ.

Не менѣе очевидно, однако, думаю я, и то, что эта странная теорія совершенно невѣрна. Ея аргументація основывается, какъ это вообще часто у Маркса, на игрѣ словъ.

Совершенно вѣрно, что, при продажѣ товара по его нормальной цѣнности, предложеніе и спросъ въ извѣстномъ смыслѣ должны совпадать, т. е., что по этой цѣнѣ столько же товара потребовано, какъ и предложено. Но это вѣрно не только въ случаѣ продажи по нормальной рыночной цѣнности, но и при всякой другой отклоняющейся измѣнчивой рыночной цѣнѣ. Кромѣ того каждому, какъ и Марксу, очень хорошо извѣстно, что предложеніе и спросъ суть растяжимыя величины. Наряду со спросомъ и предложеніемъ, фактически приходящими къ обмѣну, существуютъ все же еще «исключенные» спросъ и предложеніе; есть много людей, которые также желаютъ товаръ для своей надобности, но не желаютъ или не могутъ дать цѣны, предложенной болѣе сильными конкурентами; также много и такихъ людей, которые были бы готовы доставить требуемый товаръ, но по цѣнамъ болѣе высокимъ, чѣмъ стоящія въ данное время на рынкѣ. Поэтому выраженіе, что предложеніе и спросъ «совпадаютъ», касается отнюдь не *всего* спроса и предложенія, а лишь *осуществившейся части*.

Наконецъ, также извѣстно, что механика рынка находитъ задачу въ выдѣленіи этой заканчивающейся сдѣлкой (куплей-продажей) части изъ всего спроса и всего предложенія и что самымъ важнымъ средствомъ для такого выдѣленія служитъ установленіе цѣнъ. Нельзя купить товара болѣе, чѣмъ продать. Поэтому съ обѣихъ сторонъ можетъ имѣть успѣхъ лишь одинаковое число случаевъ (или случаи для одинаковаго количества товара). Полученіе этого равнаго для обѣихъ сторонъ числа достигается тѣмъ, что цѣна автоматически поднимается до такой высоты, благодаря которой на той и другой сторонѣ исключаются сверхкомплектные, такъ что цѣна въ одно и то же время является слишкомъ высокою для сверхкомплектныхъ, желающихъ купить, и слишкомъ низкою для сверхкомплектныхъ лицъ, желающихъ продать товаръ. Въ установленіи этой высоты цѣны принимаютъ участіе не только отношенія, завершающіяся куплей-продажей, но и отношенія исключенныхъ соревнователей [1]); и по этой уже причинѣ неправильно было бы изъ равенства завершающейся сдѣлкой части спроса и предложенія заключать о полномъ прекращеніи того вліянія, которое вообще спросъ и предложеніе оказываетъ.

Это неправильно еще и по другой причинѣ. Еслибы даже предположить, что на установленіе цѣны имѣетъ вліяніе только приходящая къ продажѣ-куплѣ часть предложенія и спроса, количественно находящаяся въ равновѣсіи, то предположеніе,

---

[1]) Болѣе точный анализъ показываетъ, что цѣна должна придтись между денежными оцѣнками, такъ называемой, «предѣльной пары», т. е. между суммами, которыя даются послѣднимъ фактическимъ покупателемъ и въ крайнемъ случаѣ первымъ исключеннымъ отъ купли лицомъ, желавшимъ купить, и суммою, на которую согласны послѣдній участвующій въ продажѣ продавецъ и въ крайнемъ случаѣ первое исключенное отъ нея лицо, желавшее продать товаръ. Подробности см. въ моей «Положительной теоріи капитала», Insbruck 1889, стр. 218 ff.

что двѣ силы, находящіяся въ равновѣсіи, въ силу этого «перестаютъ дѣйствовать», является совершенно ложнымъ и не научнымъ. Дѣйствіе ихъ напротивъ и выражается именно въ достигнутомъ состояніи равновѣсія, и это состояніе равновѣсія со всѣми его особенностями, къ которымъ въ особенности относится и высота уровня, при которомъ получилось равновѣсіе, можетъ быть объяснено только дѣйствіемъ находящихся въ равновѣсіи силъ, а никакъ не «иначе, помимо дѣйствія обѣихъ силъ», какъ думаетъ Маркъ. Впрочемъ, такія отвлеченныя положенія могутъ быть поясняемы наилучшимъ образомъ на практическомъ примѣрѣ.

Мы пускаемъ воздушный шаръ. Всякій знаетъ, что воздушный шаръ поднимается только тогда и по той причинѣ, когда и потому что онъ наполненъ газомъ, плотность котораго меньше плотности атмосфернаго воздуха. Но онъ не поднимается безграничнo, а только до извѣстной высоты, на которой онъ паритъ до тѣхъ поръ, пока на положеніе дѣла не повліяютъ какія-нибудь другія причины, какъ потеря газа и проч. Какимъ образомъ и какими же факторами опредѣляется высота подъема шара? Это совершенно ясно и очевидно. Плотность атмосферы оказывается, чѣмъ выше, тѣмъ меньше. Шаръ поднимается только до тѣхъ поръ, пока плотность окружающей его полосы воздуха больше его плотности, и онъ перестаетъ подниматься, когда эта послѣдняя оказывается въ равновѣсіи съ окружающей его полосой воздуха. Воздушный шаръ, слѣдовательно, будетъ тѣмъ выше подниматься, чѣмъ меньше плотность газа, которымъ онъ наполненъ, и чѣмъ выше полоса воздуха, въ которой онъ встрѣтитъ равную плотность атмосферы. При этихъ обстоятельствахъ очевидно, что объясненіе высоты подъема шара можно получить только, ссылаясь на взаимныя отношенія плотности, съ одной стороны—шара, съ другой—атмосферы.

Но въ какомъ видѣ представилось бы дѣло при воззрѣніяхъ Маркса? На достигнутой высотѣ подъема воздушнаго шара обѣ

силы, плотность газа въ шарѣ и плотность окружающаго воздуха, находятся въ равновѣсіи. Онѣ «поэтому перестаютъ дѣйствовать», «перестаютъ объяснять что-либо», онѣ «не вліяютъ на высоту подъема», и если мы хотимъ объяснить эту послѣднюю, то мы должны были бы «объяснять не дѣйствіемъ этихъ обѣихъ силъ, а иначе»! Но чѣмъ же?!

Или, когда, при взвѣшиваніи тѣла, десятичные вѣсы показываютъ 50 килограммовъ, какъ объяснить такое положеніе вѣсовъ? Это не можетъ быть объяснено отношеніемъ тяжести взвѣшиваемаго тѣла съ одной стороны и противовѣса—съ другой, ибо обѣ эти силы при указанномъ положеніи вѣсовъ находятся какъ разъ въ равновѣсіи, а потому-де не дѣйствуютъ болѣе, и ихъ отношеніемъ ничего, также и положенія вѣсовъ объяснить нельзя!

Я думаю, заблужденіе достаточно очевидно, такъ же точно и то, что подобнаго же рода заблужденіе лежитъ въ основаніи тѣхъ разсужденій, при помощи которыхъ Маркъ устраняетъ вліяніе предложенія и спроса на высоту устойчивыхъ цѣнъ. Во избѣжаніе, впрочемъ, недоразумѣнія, заявляю: я вовсе не того мнѣнія, чтобы ссылка на формулу предложенія и спроса давала уже полное и достаточное объясненіе устойчивыхъ цѣнъ. Напротивъ, мое не разъ и подробно изложенное въ другомъ мѣстѣ мнѣніе клонится къ тому, что слѣдуетъ подробно разобрать элементы, которые только весьма обще и вкратцѣ обозначаются этимъ терминомъ, установить точно способъ и мѣру ихъ взаимодѣйствія и такимъ путемъ идти впередъ къ познанію тѣхъ элементовъ, которымъ именно слѣдуетъ приписать вліяніе на устойчивость цѣнъ. Но отвергнутое Марксомъ вліяніе отношенія предложенія и спроса на установленіе цѣны для такого глубже идущаго объясненія является необходимымъ связующимъ звѣномъ: объясненія должно искать не въ сторонѣ отъ этого вліянія, но прямо чрезъ его посредство.

Но вернемся къ прерванному изложенію. Мы видѣли по раз-

нымъ признакамъ, какъ велико стремленіе Маркса отодвинуть въ его системѣ на задній планъ вліяніе предложенія и спроса. Странный поворотъ, который дѣлаетъ его система послѣ первой четверти третьяго тома, приводитъ его къ необходимости объяснить, почему устойчивыя цѣны товаровъ тяготѣютъ не къ матеріализованному количеству труда, а къ отклоняющимся отъ послѣдняго «цѣнамъ производства».

Производящею это силою онъ объявляетъ конкурренцію. Конкурренція уравниваетъ нормы прибыли, первоначально различныя въ различныхъ отрасляхъ производства, въ зависимости отъ различія органическаго состава капиталовъ, приводя ихъ къ общей средней нормѣ прибыли [1]); въ зависимости отъ этого цѣны, на долгое время, должны приближаться къ цѣнамъ производства, дающимъ одинаковую среднюю прибыль.

Постѣпимъ установить нѣсколько пунктовъ, важныхъ для оцѣнки этого объясненія.

Во-первыхъ, ясно, что ссылка на конкурренцію по смыслу ничто иное, какъ ссылка на дѣйствіе предложенія и спроса. Въ приведенномъ нами уже выше мѣстѣ, гдѣ онъ наиболѣе убѣдительнымъ образомъ излагаетъ процессъ выравненія нормъ прибыли чрезъ конкурренцію капиталовъ (III, 175 f.), этотъ процессъ совершается, по его словамъ, именно «чрезъ посредство такого отношенія предложенія къ спросу, что средняя прибыль въ различныхъ сферахъ производства становится одинаковой, и потому цѣнности превращаются въ цѣны производства».

Во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ процессѣ дѣло идетъ не о простыхъ колебаніяхъ около центра тяготѣнія, соотвѣтствующаго теоріи цѣнности двухъ первыхъ томовъ, именно около матерьялизованнаго рабочаго времени, но о рѣшительномъ оттѣсненіи цѣнъ къ другому устойчивому центру тяготѣнія, именно къ цѣнѣ производства.

[1]) Смотри выше.

Теперь же рождается вопросъ за вопросомъ.

Если, по Марксу, отношеніе спроса и предложенія вообще не можетъ оказать никакого вліянія на высоту устойчивой цѣны, то какимъ образомъ «конкурренція», тождественная именно съ этимъ отношеніемъ, является силою, перемѣщающею высоту устойчивыхъ цѣнъ съ уровня «цѣнностей» на далеко отъ этого отклоняющійся уровень цѣнъ производства?

Это вынужденное и противное теоріи призываніе конкурренціи (точно deus ex machina), которая отдѣляетъ устойчивыя цѣны отъ соотвѣтствующаго теоріи центра тяготѣнія — матерьялизованнаго количества труда — къ другому центру тяготѣнія, не выражаетъ-ли собою невольно признанія, что «общественныя движущія силы», управляющія дѣйствительною жизнью, заключаютъ въ себѣ и проявляютъ какіе-то элементарные опредѣляющіе мѣновыя отношенія моменты, которые не могутъ быть сведены къ рабочему времени; что, слѣдовательно, анализъ первоначальной теоріи, выставлявшей одно рабочее время основаніемъ для мѣновыхъ отношеній, былъ неполный и не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ фактамъ.

Но затѣмъ Марксъ самъ говорилъ — мы хорошо запомнили это мѣсто [1]), — что товары лишь тогда обмѣниваются, приблизительно, въ соотвѣтствіи съ ихъ цѣнностями, когда бываетъ сильна конкурренція; итакъ онъ объявлялъ тогда конкурренцію факторомъ, имѣющимъ тенденцію приближать цѣны товаровъ къ ихъ «цѣнностямъ». Теперь же мы знакомимся съ конкурренціей, какъ силою, напротивъ, удаляющею цѣны товаровъ отъ ихъ «цѣнностей» и приближающею ихъ къ цѣнамъ производства! Возможно-ли примирить эти сужденія, которыя еще къ тому же находятся въ одной и той же, именно въ десятой, вѣроятно, на роковую извѣстность обреченной, главѣ третьяго тома? И если Марксъ, быть можетъ, думалъ найти примиреніе

[1]) См. выше. стр. 96

въ томъ, что-де одно положеніе имѣетъ силу для первобытнаго состоянія, а другое—для развитаго современнаго общества,—то развѣ мы не должны возразить ему, что онъ вывелъ въ 1-й главѣ своего сочиненія теорію трудовой цѣнности не изъ условій Робинзонады, а изъ условій обществъ, «въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства» и которыхъ «богатство представляется огромнымъ собраніемъ товаровъ»? Развѣ онъ не претендуетъ и во всемъ своемъ сочиненіи на то, чтобы мы въ освѣщеніи его трудовой теоріи видѣли условія современныхъ намъ обществъ и судили о нихъ? Если же мы спросимъ, гдѣ искать, по его собственнымъ заявленіямъ, область дѣйствія его закона цѣнности въ современномъ обществѣ, то мы будемъ искать напрасно. Такъ какъ, или нѣтъ конкурренціи: въ такомъ случаѣ товары, согласно Марксу III. 156 fg., вообще не обмѣниваются по ихъ цѣнностямъ; или же, напротивъ, дѣйствуетъ конкурренція: тогда-то и обмѣниваются товары уже не по ихъ цѣнностямъ, а по ихъ цѣнамъ производства, согласно Марксу III, 176!

Такимъ образомъ въ роковой десятой главѣ одно противорѣчіе накопляется за другимъ. Я не хочу еще болѣе удлинять и безъ того слишкомъ разросшееся изслѣдованіе перечисленіемъ еще всѣхъ менѣе значительныхъ противорѣчій и неточностей, которыми кишмя кишитъ эта глава. Я полагаю, каждый безпристрастный читатель при чтеніи этой главы получитъ впечатлѣніе, что она совсѣмъ не удалась. Вмѣсто строгаго, яснаго и осторожнаго способа выраженія, вмѣсто, какъ желѣзо, твердой логики, къ чему насъ пріучили блестящія части сочиненія Маркса, здѣсь мы встрѣчаемъ неувѣренность и скачки не только въ аргументаціи, но даже въ употребленіи техническихъ выраженій. Какъ странно, напр., постоянно мѣняющееся пониманіе спроса и предложенія, которые разсматриваются то совершенно правильно—какъ растяжимыя величины, съ различіями по степени напряженности, то, напротивъ, слѣдуя наихудшему примѣру

совсѣмъ отсталой «вульгарной экономіи»,—какъ простыя количества; какъ неудовлетворительно и мало послѣдовательно изложеніе, какіе факторы опредѣляютъ рыночную цѣнность, когда различныя партіи поступающаго на рынокъ количества товара производятся при неравныхъ условіяхъ производства и т. п.!

Нельзя искать причину этого явленія въ томъ только, что эта глава писана старѣющимъ Марксомъ, такъ какъ и въ позднѣйшихъ частяхъ можно не разъ встрѣтить великолѣпное изложеніе. И та злополучная глава, на содержаніе которой уже въ первомъ томѣ встрѣчаются неясные намеки [1]), должна была быть уже рано измышлена имъ. Марксъ пишетъ здѣсь сбивчиво и шатко потому, что онъ не могъ писать ясно и точно безъ очевиднаго противорѣчія и опроверженія самого себя. Если бы онъ здѣсь, исходя изъ условій обмѣна, наблюдаемыхъ въ дѣйствительной жизни, освѣтилъ ихъ такъ же серьезно и основательно, какъ прослѣдилъ онъ въ двухъ первыхъ томахъ до крайнихъ логическихъ выводовъ свою гипотезу о трудовой цѣнности; если бы онъ далъ здѣсь важному термину «конкурренціи» научное содержаніе путемъ тщательнаго хозяйственно-психологическаго анализа «общественныхъ движущихъ силъ», которыя проявляются подъ этимъ собирательнымъ именемъ, если бы онъ здѣсь не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не выяснено значеніе какого-либо промежуточнаго звѣна, пока не прослѣженъ до конца какой-либо выводъ или пока кажется неяснымъ и противорѣчивымъ какое-либо отношеніе — между тѣмъ почти каждое слово его десятой главы въ нынѣшнемъ видѣ требуетъ такого болѣе основательнаго изслѣдованія или выясненія,—въ такомъ случаѣ онъ, мало-по-малу, былъ бы вынужденъ къ построенію совершенно другой, по содержанію, системы и не было бы возможности избѣгнуть явнаго противорѣчія и опроверженія главныхъ положеній его первоначальной системы.

---

[1]) Напр. т, 1, стр. 151, прим. 37 и дал., стр. 210, прим. 31.

Этого можно было избѣжать только при условіи неясности, расплывчатости и туманности изложенія—это Марксъ если не сознавалъ, то во всякомъ случаѣ инстинктивно чувствовалъ, рѣшительно отклоняя «болѣе глубокій анализъ общественныхъ движущихъ силъ».

Въ предшествующемъ, думается мнѣ, указана альфа и омега всѣхъ заблужденій, противорѣчій и неясностей Маркса. Его теорія не выдерживаетъ основательной, законченной провѣрки фактами. Марксъ вывелъ основы своей теоріи не изъ фактовъ путемъ здраваго опыта или путемъ вѣрнаго хозяйственно-психологическаго анализа, онъ строитъ свою систему на непрочномъ фундаментѣ натянутой діалектики. Въ этомъ и состоитъ великій грѣхъ, вложенный Марксомъ въ колыбель своей теоріи. Изъ него по необходимости вытекаетъ все дальнѣйшее. Теоріи дано извѣстное направленіе, а факты идутъ въ другомъ направленіи, то тамъ, то сямъ сталкиваясь съ нею. Здѣсь первородный грѣхъ каждый разъ порождаетъ новый. Но столкновеніе не должно быть очевиднымъ: поэтому приходится или облечь дѣло неясностью или расплывчатостью, или изворачиваться подобными же діалектическими уловками, какъ въ началѣ, или же, наконецъ, гдѣ все это ни къ чему не ведетъ, противорѣчить самому себѣ. Вотъ тотъ знакъ, подъ которымъ стоитъ десятая глава третьяго тома Маркса: она приводитъ къ надолго отсроченной плохой жатвѣ, которая должна была получиться отъ плохаго посѣва!

V.

Апологія Вернера Зомбарта.

Въ лицѣ Вернера Зомбарта Марксъ нашелъ себѣ недавно [1]) столь же горячаго какъ и остроумнаго защитника, защита котораго, однако, имѣетъ оригинальный характеръ. Именно, чтобы имѣть возможность защищать ученіе Маркса, онъ далъ ему сперва иное толкованіе.

Начнемъ прямо съ главнаго. Зомбартъ соглашается и даже самъ приводитъ весьма остроумные доводы въ пользу того [2]), что законъ цѣнности Маркса ложенъ, если его признавать съ притязаніемъ на его соотвѣтствіе эмпирической дѣйствительности. О марксовской цѣнности онъ говоритъ (стр. 573), что она «не обнаруживается въ мѣновыхъ отношеніяхъ капиталистически произведенныхъ товаровъ», что она «не обозначаетъ точки..., къ которой тяготѣютъ рыночныя цѣны», что она «также мало играетъ роль распредѣляющаго фактора при распредѣленіи общественнаго годоваго продукта», что она вообще «нигдѣ не обнаруживается» (стр. 577). «Отовсюду понимая цѣнность» имѣетъ только «одно убѣжище — мышленіе

[1]) См. выше не разъ упомянутую статью «Къ критикѣ экономической теоріи Карла Маркса» въ Archiv f. sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. VII, 4 Heft., стр. 555 ff.

[2]) См. выше, стр. 48.

теоретика-экономиста... Цѣнность Маркса можно охарактеризовать такъ: его цѣнность не есть фактъ опыта, но мышленія» (стр. 574).

Тотчасъ мы увидимъ, что значитъ у Зомбарта «мыслительное бытіе». Но сперва мы должны еще на минуту остановиться на признаніи, что марксовская цѣнность не существуетъ въ дѣйствительномъ мірѣ явленій. Я жду съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, согласятся-ли марксисты на такое признаніе. Не безъ основанія можно усомниться въ этомъ, такъ какъ уже самъ Зомбартъ долженъ былъ указать на голосъ изъ лагеря Маркса, напередъ протестовавшій противъ такого пониманія, по поводу мнѣнія К. Шмидта. «Законъ цѣнности не есть... законъ нашего мышленія;... Законъ цѣнности скорѣе чрезвычайно реальнаго характера, это—естественный законъ человѣческихъ дѣйствій» [1]). Я считаю весьма сомнительнымъ, чтобы и самъ Марксъ согласился на это признаніе. Опять-таки самъ же Зомбартъ, съ достойной уваженія откровенностью, указываетъ читателю цѣлый рядъ мѣстъ изъ Маркса, которыя затрудняютъ такое истолкованіе [2]). Что касается меня, я считаю послѣднее прямо-таки несовмѣстимымъ ни съ буквою, ни съ духомъ ученія Маркса.

Стоитъ только съ безпристрастіемъ прочесть разсужденія, въ которыхъ Марксъ развиваетъ свою теорію цѣнности. Его изслѣдованіе начинается съ анализа товара на почвѣ, какъ то прямо заявляется, «капиталистически организованныхъ обществъ, богатство которыхъ есть огромное скопленіе товаровъ» (I, 9). Дабы «напасть на слѣдъ» цѣнности, онъ исходитъ изъ мѣноваго отношенія товара (I, 23). Я спрашиваю, изъ дѣйствительнаго мѣноваго отношенія, или же воображаемаго? Если бы онъ сказалъ или разумѣлъ послѣднее, то навѣрно ни одинъ читатель не счелъ бы стоющимъ слѣдить далѣе за столь посред-

[1]) Hugo Landé, Neue Zeit. XI, стр. 591.
[2]) Ук. соч., стр. 575, затѣмъ стр. 584 ff.

ственнымъ размышленіемъ. Дѣйствительно онъ ссылается — да это и не могло быть иначе—самымъ рѣшительнымъ образомъ на явленія дѣйствительнаго хозяйственнаго міра. Отношеніе обмѣна двухъ товаровъ,—говоритъ онъ,—всегда можетъ быть представлено уравненіемъ, напр. 1 четверть пшеницы=*a* центнерамъ желѣза. «Что показываетъ это уравненіе? Что въ обоихъ вещахъ есть нѣчто общее одинаковой величины», и каждая изъ обѣихъ, какъ мѣновая цѣнность, должна быть приводима къ этому третьему, которое, какъ мы узнаемъ на слѣдующей страницѣ, есть равное количество труда.

Когда говоритъ въ такомъ тонѣ, что въ двухъ, другъ другу приравненныхъ при обмѣнѣ, вещахъ есть одинаковое количество труда, и что они должны быть приводимы къ равнымъ количествамъ труда, то, конечно, заявляютъ притязаніе на то, что показанныя здѣсь отношенія существуютъ не только въ мысляхъ, но въ дѣйствительности. Должно уяснить себѣ: прежняя аргументація Маркса была бы совершенно невозможна, еслибы рядомъ съ ней онъ выставилъ для дѣйствительныхъ мѣновыхъ отношеній ученіе, что принципіально обмѣниваются другъ на друга продукты неравныхъ количествъ труда. Еслибы онъ допустилъ эту мысль—и что онъ ея не допустилъ, именно въ этомъ и расходится его теорія съ фактами, что я и ставлю ему въ упрекъ, — въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы прійти къ совершенно иному заключенію. Ему слѣдовало бы или объяснить, что такъ называемое приравненіе при обмѣнѣ не есть истинное уравненіе и не даетъ права заключать о существованіи въ обмѣниваемыхъ предметахъ «общаго, одинаковой величины», или же онъ долженъ былъ прійти къ заключенію, что искомое общее одинаковой величины не есть трудъ и не можетъ имъ быть! Но никоимъ образомъ не могъ бы онъ продолжать дѣлать заключенія такъ, какъ онъ это дѣлалъ!

И далѣе также Марксъ говоритъ во множествѣ случаевъ, какъ о фактѣ, о томъ, что его «цѣнность» лежитъ въ основѣ

мѣновыхъ отношеній, именно такъ, что обмѣниваются другъ на друга продукты равнаго количества труда, «эквиваленты» [1]). Во многихъ мѣстахъ, частію цитированныхъ и Зомбартомъ [2]), онъ претендуетъ на признаніе за его закономъ цѣнности характера и силы естественнаго закона, который въ дѣйствительной жизни «насильно проявляется подобно закону тяжести, напр., когда надъ головою кого-нибудь разваливается домъ» [3]). Даже въ третьемъ томѣ онъ совершенно точно указываетъ фактическія условія (они коренятся въ силѣ съ обѣихъ сторонъ конкурренціи, см. выше), которыя должны быть на-лицо, «чтобы цѣны, по которымъ товары обмѣниваются другъ на друга, приблизительно соотвѣтствовали бы ихъ цѣнностямъ», и даетъ при

---

[1]) Напр. I, 23; эквивалентъ — способное къ обмѣну. «Лишь въ качествѣ цѣнности оно (полотно) относится къ сюртуку какъ равноцѣнное или способное къ обмѣну»... «Такъ какъ сюртукъ, въ качествѣ цѣннаго предмета, приравнивается къ полотну, содержащійся въ сюртукѣ трудъ приравнивается къ труду, заключающемуся въ полотнѣ». См. далѣе стр. 27, 31 (пропорція, въ которой сюртуки и полотно могутъ быть обмѣниваемы, зависитъ отъ величины цѣнности сюртуковъ), стр. 35 (гдѣ Марксъ «дѣйствительно равнымъ» въ обмѣненныхъ другъ на друга тюфякѣ и домѣ объявляетъ трудъ человѣка), стр. 39, 40, 41, 42, 43, 50, 51, 52, 53 (анализъ цѣнъ товаровъ [но только дѣйствительныхъ цѣнъ!] приводитъ къ опредѣленію величины цѣнности), стр. 60 (мѣновая цѣнность есть общественный пріемъ, выражать трудъ, потраченный на какую-нибудь вещь), стр. 80 («цѣна есть выраженіе въ деньгахъ труда, воплощеннаго въ товарѣ»), стр. 141 («та же мѣновая цѣнность, т. е. то же количество воплощеннаго общественнаго труда»), стр. 174 («по общему закону цѣнности, напр. 10 мѣръ пряжи есть эквивалентъ для 10 мѣръ хлопчатой бумаги и $^1/_4$ веретена..., если требуется для производства обѣихъ частей этого равенства одно и то же время труда») и часто т. п.

[2]) Ук. соч., стр. 575.

[3]) I, 52.

этомъ еще объясненіе, что—это «обозначаетъ, конечно, только то, что ихъ цѣнность есть точка тяготѣнія» (III, 156 fg.).

Замѣтимъ между прочимъ, что Марксъ часто ссылается также, соглашаясь съ ними, на слова болѣе старыхъ писателей, которые высказывали положеніе, что мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется воплощеннымъ въ нихъ трудомъ, и притомъ несомнѣнно утверждали это, какъ соотвѣтствующее дѣйствительнымъ мѣновымъ отношеніямъ [1]).

Кромѣ того самъ Зомбартъ приводитъ доводы Маркса, въ которыхъ послѣдній рѣшительно заявляетъ притязанія для его закона цѣнности на «эмпирическую» и «историческую» вѣрность. (III, 155 въ связи съ III, 175 fg.).

И наконецъ: еслибы Марксъ своему закону цѣнности хотѣлъ приписать лишь мыслимое, а не фактическое значеніе, то какой же смыслъ имѣли бы изображенныя нами выше судорожныя старанія его доказать, что его законъ цѣнности, несмотря на теорію цѣнъ производства, управляетъ фактическими отношеніями обмѣна, регулируя съ одной стороны «движеніе цѣнъ», а съ другой—и самыя цѣны производства?

Словомъ, я думаю, что Марксъ не излагалъ своего ученія о теоріи цѣнности труда въ томъ непритязательномъ смыслѣ, какой хочетъ ей теперь придать Зомбартъ, да и не могъ излагать, если весь рядъ логическихъ выводовъ, на которомъ Марксъ основываетъ свою теорію, долженъ имѣть хотя какой-нибудь смыслъ. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ пускай разбираются Зомбартъ и послѣдователи ученія Маркса. Для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, считаютъ теорію цѣнности Маркса ошибочной, оно не имѣетъ никакого значенія. Ибо, или Марксъ отстаивалъ свой законъ цѣнности въ томъ, имѣющемъ большія претензіи смыслѣ, что этотъ законъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности—въ такомъ случаѣ мы, соглашаясь, подпишемся подъ заявленіемъ Зомбарта,

[1]) Напр. B. I, 14, прим. 9.

что въ этомъ смыслѣ законъ цѣнности вообще ложенъ. Или же Марксъ самъ не признавалъ за закономъ значенія для дѣйствительной жизни,—въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, вообще нельзя установить, въ какомъ смыслѣ существованіе этого закона могло бы имѣть значеніе для науки. Въ практическомъ и теоретическомъ смыслѣ онъ—нуль.

Относительно этого Зомбартъ, конечно, придерживается другого мнѣнія. Слѣдуя убѣдительному приглашенію этого остроумнаго ученаго, ожидающаго отъ живой, «радостной» борьбы мнѣній всего лучшаго для прогресса науки, я готовъ съ удовольствіемъ объясниться съ нимъ и касательно этого пункта. Я дѣлаю это, конечно, въ сознаніи того, что буду имѣть дѣло далѣе не съ «критикой Маркса», которую онъ предложилъ мнѣ пересмотрѣть на основаніи новаго толкованія, а исключительно съ «критикой Зомбарта».

Что же, по Зомбарту, должно обозначать существованіе цѣнности, какъ «факта мышленія?» Оно должно обозначать, что «понятіе цѣнности служитъ нашему мышленію вспомогательнымъ средствомъ, которымъ мы пользуемся, чтобы сдѣлать для себя понятными явленія хозяйственной жизни». Точнѣе—представленіе цѣнности «служитъ намъ для выраженія съ количественною опредѣленностью товаровъ, качественно различныхъ, какъ предметовъ потребленія. Ясно, что я достигаю этого результата тѣмъ, что представляю себѣ сыръ, шелкъ и ваксу въ качествѣ только продуктовъ абстрактно-человѣческаго труда и беру только количественныя отношенія ихъ другъ къ другу, какъ количества труда, величина которыхъ опредѣляется заключающимся въ нихъ равнымъ третьимъ, измѣримымъ въ единицахъ времени» [1]).

Пока все, кромѣ одного маленькаго крючечка, въ порядкѣ. Конечно, вполнѣ допустимо для извѣстныхъ научныхъ цѣлей

[1]) Ук. соч., стр. 574.

отвлекаться отъ всякаго рода различій, замѣчаемыхъ въ томъ или въ другомъ отношеніи въ предметахъ, и разематривать ихъ только съ точки зрѣнія одного общаго имъ качества, общность котораго и служитъ основаніемъ для ихъ сравненія, соизмѣренія и. т. д.

Механическая динамика, напр., совершенно такъ же отвлекается при разрѣшеніи многихъ проблемъ вполнѣ основательно отъ формы, цвѣта, плотности и строенія движущихся тѣлъ, разсматривая ихъ исключительно, какъ массы: оттолкнутые бильярдные шары, летящія пушечныя ядра, бѣгающія дѣти, движущіеся желѣзно-дорожные поѣзда, падающіе камни, стремящіяся въ міровомъ пространствѣ тѣла принимаются тогда въ разсчетъ единственно, какъ двигающіяся массы. Такъ же точно можетъ быть допущено и признано цѣлесообразнымъ разематривать сыръ, шелкъ и сапожную ваксу, какъ «только продукты отвлеченнаго человѣческаго труда».

«Закорючка начинается съ того, что Зомбартъ присвоиваетъ вмѣстѣ съ Марксомъ такому отвлеченію терминъ: представленіе о цѣнности».

Этотъ пріемъ,—чтобы быть уже вполнѣ исчерпывающимъ,—можетъ быть толкуемъ двояко. Извѣстно, что слово цѣнность, какъ въ смыслѣ потребительной, такъ и въ смыслѣ мѣновой цѣнности, служитъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ обиходѣ для обозначенія вполнѣ опредѣленныхъ явленій. Наименованіе же, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть дано или съ притязаніемъ, что единственное, принимаемое во вниманіе свойство предметовъ быть продуктами труда — является рѣшающимъ моментомъ въ цѣнностныхъ явленіяхъ, въ обще принятомъ научномъ смыслѣ, слѣдовательно, напр. и въ явленіяхъ мѣновой цѣнности; или оно можетъ быть дано совсѣмъ произвольно и безъ указанной задней мысли, а въ такихъ случаяхъ нельзя указать никакого строгаго, обязательнаго закона, а только цѣлесообразность и тактъ при употребленіи такого наименованія.

Если бы было приемлимо второе толкованіе, если бы съ наименованіемъ «воплощеннаго труда» «цѣнностью» не связывалось притязаніе на признаніе воплощеннаго труда за сущность мѣновой цѣнности, то пріемъ былъ бы вполнѣ невиннымъ. Мы имѣли бы тогда дѣло только съ совершенно позволительнымъ отвлеченіемъ, связаннымъ во всякомъ случаѣ съ крайне непрактичной, нецѣлесообразной, вводящей въ заблужденіе терминологіей. Все равно, какъ если бы физику вздумалось вдругъ различныя тѣла, разсматриваемыя имъ при отвлеченіи отъ формы, цвѣта, строенія и т. д. исключительно, какъ массы, называть «живыми силами», каковое наименованіе получило уже, какъ извѣстно, прочное право гражданства въ смыслѣ функціи массъ и скоростей, слѣдовательно означаетъ нѣчто совершенно отличное отъ понятія «просто» массъ. Какъ бы то, однако, ни было, тутъ нѣтъ научной ошибки, а есть только грубая нецѣлесообразность въ терминологіи, практически конечно очень опасная.

Но, очевидно, въ нашемъ случаѣ дѣло обстоитъ не такъ, не такъ у Маркса, не такъ и у Зомбарта... И вотъ гдѣ закорючка начинаетъ разростаться.

Мой уважаемый противникъ, конечно, признаетъ, что нельзя пользоваться всякаго рода отвлеченіями для всякаго же рода научныхъ цѣлей. Было бы напр. очевидно недопустимо класть въ основу оптическихъ или акустическихъ проблемъ взглядъ на различныя тѣла, какъ на «массы исключительно», хотя такое отвлеченіе умѣстно при изслѣдованіи проблемъ динамическихъ. Да и въ области механической динамики было бы конечно неумѣстно держаться отвлеченія отъ формы и плотности при установленіи напр. закона о клинѣ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ наукѣ и «мыслямъ», какъ и «логикѣ», не слѣдуетъ удаляться совсѣмъ беззаботно отъ фактовъ и для нихъ обязательно положеніе: «est modus in rebus, sunt certi denique fines». И эти извѣстныя границы мнѣ позволительно будетъ, надѣюсь, не вызывая возраженія моего уважаемаго про-

типика, обозначить указаніемъ, что отвлекаться можно только отъ тѣхъ особенностей, которыя не имѣютъ значенія для изслѣдуемаго явленія, дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ значенія. Дальнѣйшему же анализу слѣдуетъ напротивъ принимать во вниманіе, подобно остову представленій, все имѣющее значеніе фактически въ конкретномъ направленіи.

Примѣнимъ это общее соображеніе къ нашему случаю.

Ученіе Маркса кладетъ самымъ категорическимъ образомъ въ основу научнаго изслѣдованія и сужденія о мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ взглядъ на товары, какъ на «продукты только труда». Зомбартъ одобряетъ это и даже доходитъ до разсмотрѣнія всего экономическаго существованія человѣчества въ свѣтѣ этого отвлеченія, — что онъ дѣлаетъ однако въ выраженіяхъ нѣсколько смутныхъ, и я вслѣдствіе именно ихъ смутности не буду имя больше заниматься [1]).

Самъ Зомбартъ, однако, не осмѣливается утверждать, что воплощенный трудъ является единственнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ томъ или иномъ направленіи. Онъ довольствуется утвержденіемъ, что при указанномъ воззрѣніи, выдвигается впередъ объективно важнѣйшій изъ опредѣляющихъ экономическихъ фактовъ [2]). Я не стану оспаривать этого мнѣнія. Но ему не слѣдуетъ придавать такого значенія, будто бы другіе, на ряду съ трудомъ, имѣющіе значеніе факты были бы въ такой мѣрѣ малозначущи, что вслѣдствіе ихъ ничтожности ими можно пренебречь совсѣмъ, или почти совсѣмъ. Это было бы совершенно не вѣрно. Для экономическаго существованія людей напр. весьма важно, уподобляется ли ихъ страна болѣе прирѣйнской равнинѣ, или Сахарѣ, Гренландіи и т. п. Весьма важно также, поддерживается ли человѣческій трудъ накопленнымъ ранѣе запасомъ

[1]) Напр. стр. 576, 577.
[2]) Стр. 576.

полезностей—что составляетъ моментъ, который опять-таки не разрѣшается вполнѣ въ одинъ трудъ.

Для мѣновыхъ отношеній нѣкоторыхъ благъ (полезностей), каковы, напр. стволы стараго дуба, угольныя копи, земельные участки,—трудъ, конечно, не составляетъ объективно важнѣйшаго обстоятельства и, если противоположное можно допустить относительно большинства товаровъ, то должно категорически указать, что и другіе, на ряду съ трудомъ опредѣляющіе факторы, оказываютъ столь сильное вліяніе, что мѣновыя отношенія фактически значительно удаляются отъ той линіи, которая соотвѣтствовала бы одному воплощенному труду.

Если же для мѣновыхъ отношеній и мѣновой цѣнности трудъ не является единственнымъ опредѣляющимъ факторомъ, а только однимъ изъ опредѣляющихъ, хотя бы и самымъ сильнымъ рядомъ съ другими, какъ primus inter pares — то, согласно предпосланному, просто-на-просто не вѣрно и непозволительно обосновать исключительно на трудѣ «представленіе о цѣнности», мѣтящее на мѣновую цѣнность; такъ же, какъ невѣрно и непозволительно поступилъ бы физикъ, если-бъ обосновывалъ «живую силу» исключительно на массѣ тѣлъ и отвлеченіемъ совершенно устранилъ бы изъ своего вычисленія ихъ скорость.

Право, я удивляюсь, что Зомбартъ этого не замѣтилъ, или не почувствовалъ, тѣмъ болѣе, что, формулируя свое мнѣніе, онъ случайно употребляетъ выраженія настолько, какъ я выражусь, вызывающе несоотвѣтственныя его собственнымъ посылкамъ, что можно бы думать, что онъ станетъ въ тупикъ передъ ихъ очевидной несообразностью. Онъ исходитъ изъ того, что свойство товаровъ—быть произведеніями общественнаго труда, представляетъ собою въ нихъ экономически объективно самый важный фактъ, обосновываетъ это мнѣніе тѣмъ, что снабженіе человѣчества экономическими полезностями, «предполагая естественныя условія одинаковыми» въ существенномъ зависитъ отъ степени развитія общественной производительной

силы труда, и изъ этого выводитъ заключеніе, что этотъ фактъ находитъ въ обоснованномъ исключительно на трудѣ представленіи цѣнности, свое «адекватное» экономическое выраженіе.

Онъ повторяетъ два раза эту мысль на стр. 576 и 577 въ нѣсколько измѣненныхъ выраженіяхъ, гдѣ однако слово «адекватный» повторяется каждый разъ въ неизмѣнномъ видѣ.

Спрашивается, не очевидно ли наоборотъ, что представленіе цѣнности, обоснованное исключительно на трудѣ, не адекватно посылкѣ,—что трудъ есть только имѣющій наиболѣе значенія на ряду съ нѣсколькими имѣющими значеніе фактами,—а идетъ гораздо дальше? Оно было бы адекватно только въ томъ случаѣ, если-бы можно бы выставить, какъ посылку, что трудъ является единственнымъ имѣющимъ значеніе фактомъ. Но Зомбартъ этого вовсе не утверждалъ. Его утвержденіе сводится лишь къ тому, что трудъ имѣетъ больше, что онъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всякій другой факторъ для мѣновыхъ отношеній и для всего человѣческаго существованія, а для такого положенія дѣлъ марксова формула цѣнности, по которой трудъ одинъ значитъ все, представляетъ собою выраженіе столь же мало адекватное, какъ для $1 + {}^1/_2 + {}^1/_4$ было бы адекватно принять единицу!

Утвержденіе относительно «адекватнаго» представленія цѣнности, однако же, не только невѣрно фактически, но имъ прикрывается, какъ мнѣ кажется,—у Зомбарта, конечно, безсознательно,—немножко лукавства. Зомбартъ, признавъ прямо, что марксова цѣнность не выдерживаетъ провѣрки фактами, требовалъ для «загнанной цѣнности» пріюта въ «мышленіи теоретика-экономиста». Но изъ этого защищеннаго пункта онъ, незамѣтно для себя, дѣлаетъ, затѣмъ, настоящую вылазку въ міръ фактовъ, требуя, чтобы его представленіе цѣнности признавалось адекватнымъ объективно важнѣйшему факту, или, утверждая въ еще болѣе притязательныхъ выраженіяхъ, что въ этомъ представленіи цѣнности объективно, господствующій въ эконо-

мической жизни человѣческаго общества техническій фактъ нашелъ свое адекватное экономическое выраженіе» (стр. 577).

Я думаю, что это пріемъ, противъ котораго слѣдуетъ протестовать. Или—или! Или относительно цѣнности Маркса заявляется, что она соотвѣтствуетъ фактамъ. Но тогда слѣдуетъ при этомъ утвержденіи выдерживать огонь передовой боевой линіи, не отступая передъ строгой фактической провѣркой и не прикрываясь тѣмъ, что-де рѣчь идетъ не объ утвержденіи эмпирически существующаго, а о «вспомогательномъ лишь средствѣ нашего мышленія». Или же, если хотятъ укрыться за этимъ валомъ, избѣгая строгой фактической провѣрки, то пусть не пытаются снова присвоивать цѣнности Маркса путемъ туманныхъ, мимоходомъ выставленныхъ утвержденій извѣстное эмпирическое значеніе, на которое она по справедливости могла бы претендовать только въ томъ случаѣ, если бы выдержала прямо отклоненную провѣрку фактами. Говорить объ «адекватномъ господствующему факту выраженіи» означаетъ ничто иное, какъ то, что Марксъ въ главномъ и эмпирически правъ. Хорошо. Но если Зомбартъ или другой кто хотятъ это утверждать, то пускай утверждаютъ открыто, оставляя игру въ «только факты мышленія», и не отступаютъ предъ ясной провѣркой фактами: она покажетъ, много ли или мало отличаются истинные факты отъ «адекватнаго выраженія господствующаго факта». До тѣхъ поръ, думаю, я могу довольствоваться констатированіемъ, что мы и у Зомбарта имѣемъ дѣло не съ невиннымъ варіантомъ дозволительной, но только неправильно обозначенной абстракціи, но съ притязательной вылазкой въ область фактическихъ утвержденій, которыхъ не только не доказали и не пытались доказать, но даже отъ доказательства которыхъ прямо уклонялись. И въ другомъ отношеніи также, какъ мнѣ кажется, Зомбартъ повторяетъ вслѣдъ за Марксомъ, безъ достаточной критики, непозволительно притязательное утвержденіе. Я имѣю въ виду утвержденіе, что взглядъ на товары, какъ на «лишь—

продукты» общественнаго труда, представляетъ единственную возможность привести товары для нашего мышленія въ количественныя отношенія, сдѣлать «соизмѣримыми» и чрезъ это — вообще «сдѣлать доступными» нашему мышленію явленія экономическаго міра [1]). Могъ ли Зомбартъ желать настаивать на этомъ и послѣ критической провѣрки? Могъ ли онъ дѣйствительно думать, что мы можемъ сдѣлать доступными нашему научному мышленію мѣновыя отношенія не иначе, какъ только на почвѣ понятія цѣнности Маркса? Я не могу этому вѣрить. Для такого человѣка, какъ Зомбартъ, извѣстный діалектическій способъ веденія доказательства со стороны Маркса на стр. 12 перваго тома не можетъ, конечно, имѣть никакой доказательной цѣны. И не хуже меня Зомбартъ видитъ и знаетъ, что не только продукты труда, но и чистые дары природы при обмѣнѣ приводятся въ количественныя отношенія и потому практически соизмѣримы, какъ между собою, такъ и съ продуктами труда. И вдругъ они для нашего мышленія должны быть вовсе не соизмѣримыми иначе, какъ на основаніи признака, котораго у нихъ вовсе не имѣется, да и у продуктовъ труда, хотя имѣется, но съ точки зрѣнія величины не годится для поставленной цѣли, такъ какъ продукты труда, какъ это уже признано, обмѣниваются не въ отношеніи воплощеннаго въ нихъ труда? Не должно ли это скорѣе быть для безпристрастнаго теоретика совершенно яснымъ указаніемъ, что, несмотря на Маркса, настоящій общій знаменатель, настоящее «общее» при обмѣнѣ остается еще поискать, и притомъ въ другомъ направленіи, чѣмъ это сдѣлано Марксомъ.

---

[1]) Ук. соч., стр. 574, 582. Зомбартъ не выставилъ буквально этого утвержденія отъ собственнаго имени, но онъ одобряетъ сказанное въ этомъ направленіи К. Шмидтомъ, поправляя только ничтожную подробность (574), далѣе онъ говоритъ, что теорія цѣнности Маркса оказываетъ именно эту услугу (582) и во всякомъ случаѣ совершенно противъ нее не возражаетъ.

Это приводитъ меня къ послѣднему пункту, котораго я въ возраженіи Зомбарту хотѣлъ бы коснуться. Зомбартъ хочетъ противорѣчіе, которое существуетъ между теоріей Маркса, съ одной стороны, и воззрѣніями противуположныхъ теоретическихъ системъ, въ томъ числѣ и такъ называемой австрійской школы, съ другой,—свести, въ концѣ концовъ, на методологическій споръ о принципахъ. Маркесъ является-де представителемъ крайняго объективизма, а мы, прочіе,—сторонники субъективизма, сводящаго все на почву психологіи. Маркесъ вовсе не ищетъ мотивовъ, которые опредѣляютъ отдѣльнаго хозяйничающаго субъекта въ его дѣйствіяхъ, но онъ ищетъ объективныхъ факторовъ, «экономическихъ условій», «которыя *не зависятъ* отъ воли (я позволю себѣ прибавить, часто и отъ знанія) отдѣльнаго лица»; онъ хочетъ выяснить, «что совершается за спиною отдѣльныхъ лицъ силою отъ нихъ *независящихъ* обстоятельствъ». Мы-же напротивъ «пытаемся явленія хозяйственной жизни объяснить, въ концѣ концовъ, изъ психики хозяйничающаго субъекта» и «сводимъ закономѣрность хозяйственной жизни къ психологической мотивации» [1]).

Это, несомнѣнно,—очень тонкое и остроумное замѣчаніе, какихъ вообще въ статьѣ Зомбарта можно найти въ изобиліи. Но, мнѣ кажется, оно, хотя безспорно заключаетъ долю истины, не касается, однако, самого существа дѣла: ни для прошлаго, для объясненія бывшаго до сихъ поръ отношенія критиковъ къ Марксу, а потому и ни для будущаго, съ требованіемъ какой-то совсѣмъ новой эры для критики Маркса, которая собственно еще должна будто-бы начаться, для которой даже «почти вовсе не имѣется подготовительныхъ работъ» [2]) и при которой прежде всего слѣдовало-бы подыскать рѣшеніе для предварительнаго вопроса методологическаго характера [3]).

[1]) Тамъ-же, стр 591.
[2]) Тамъ-же, стр. 556.
[3]) Тамъ-же, стр. 593.

Мнѣ кажется, дѣло обстоитъ скорѣе вотъ какъ. Конечно, указанное Зомбартомъ различіе въ методахъ изслѣдованія существуетъ. Но, «старая» критика Маркса нападала на него не вслѣдствіе выбора имъ извѣстной методы, но вслѣдствіе совершенныхъ имъ ошибокъ при примѣненіи избранной имъ методы. Я не могу говорить за другихъ критиковъ Маркса, а потому долженъ говорить только за себя. Я лично въ вопросѣ о методѣ держусь того-же взгляда, какъ и тотъ писатель, который относительно беллетристики заявилъ, что допускаетъ всякій genre ея, исключая genre ennuyeux.

Я допускаю всякую методу, при томъ предположеніи, что она будетъ примѣняться такъ, что при этомъ въ результатѣ получится какая-либо истина. Я ничего не имѣю возразить и противъ методы объективизма. Я думаю, что она можетъ содѣйствовать полученію реальнаго знанія и въ такихъ областяхъ явленій, гдѣ дѣло идетъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ.

Я весьма охотно признаю это и даже самъ при случаѣ обратилъ вниманіе на подобныя явленія, когда извѣстные объективные факторы могутъ вступать въ причинную связь съ типическими человѣческими дѣйствіями, безъ того чтобы вліяніе даннаго фактора было сознаваемо законосообразно дѣйствующими лицами. Если, напр., статистика указываетъ, что особенно часто самоубійства совершаются въ извѣстные мѣсяцы, хотя-бы въ іюлѣ и ноябрѣ, или что въ зависимости отъ качества урожая число браковъ, ежегодно заключаемыхъ, увеличивается или падаетъ, то я убѣжденъ, что большинство кандидатовъ въ самоубійцы, присоединеніе которыхъ и обусловливаетъ такой подъемъ кривой самоубійствъ для іюля или ноября, вовсе не думаютъ, что это именно іюль или ноябрь, также точно какъ не оказываетъ никакого непосредственнаго вліянія на рѣшеніе склонныхъ къ вступленію въ бракъ лицъ мысль о болѣе низкихъ цѣнахъ въ данное время на средства существованія [1]). Тѣмъ

[1]) Какимъ нибудь образомъ, конечно, извѣстное вліяніе,

не менѣе открытіе такихъ объективныхъ зависимостей представляетъ несомнѣнную цѣнность для знанія. Я долженъ, однако, при этомъ сдѣлать извѣстныя, какъ мнѣ кажется, сами собою разумѣющіяся ограниченія. Во-первыхъ, кажется мнѣ яснымъ, что познаніе такихъ объективныхъ зависимостей безъ познанія субъективныхъ промежуточныхъ звѣньевъ, которыми устанавливается причинная связь, конечно, не представляетъ собою высшей степени познанія, но что совершенное пониманіе достигается только чрезъ посредство познанія не только внѣшней, но и внутренней связи. Поэтому думаю я также, что поставленный Зомбартомъ вопросъ, «является-ли направленіе объективизма въ политической экономіи исключающимъ или дополняющимъ», само собою разумѣется, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что это направленіе можетъ быть только «дополняющимъ».

Во вторыхъ, я думаю,—но объ этомъ, какъ о дѣлѣ личныхъ взглядовъ, я не намѣренъ здѣсь спорить съ думающими иначе,—что именно для хозяйственной сферы, въ которой вѣдь мы имѣемъ дѣло преимущественно съ сознательными разсчитанными человѣческими дѣйствіями, первый изъ двухъ источниковъ познанія, объективистическій, въ состояніи, въ лучшемъ случаѣ, доставить только очень скудную и притомъ, самъ по себѣ, совершенно недостаточную часть общаго достижимаго знанія.

исходящее отъ объективнаго фактора или находящееся съ нимъ въ симптоматической связи, должно вызвать извѣстную мотивацію у дѣйствующихъ лицъ, напр. въ приведенныхъ въ текстѣ примѣрахъ, можетъ быть, на первыхъ дѣйствующая іюльская жара, или туманная, меланхолически настраивающая осенняя погода повышаютъ расположеніе къ самоубійству. Въ такомъ случаѣ отъ объективнаго фактора, происходящее вліяніе равнымъ образомъ сводится къ болѣе общему типическому мотиву, какъ разстройство нервовъ или меланхолія, и чрезъ это вліяетъ на дѣйствіе лица.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на замѣчаніе Зомбарта (стр. 593),

Въ третьихъ,—и это спеціально относится къ критикѣ Маркса,—я вправѣ требовать съ полной опредѣленностью, чтобы объективистическая метода, если хотятъ ее примѣнять, примѣнялась правильно. Пусть констатируютъ внѣшнія, объективныя зависимости, которыя, подобно fatum'у, подчиняютъ себѣ безъ того, чтобы дѣйствующія лица знали и хотѣли, или и въ противуположномъ случаѣ, ихъ дѣйствія, но пусть констатируютъ это правильно. Но Марксъ такъ не поступаетъ. Его основное положеніе,—что одинъ трудъ опредѣляетъ всѣ мѣновыя отношенія,—онъ установилъ онъ путемъ объективистическимъ изъ внѣшняго, доступнаго внѣшнимъ чувствамъ, объективнаго міра фактовъ, которымъ оно, напротивъ, прямо противорѣчитъ, онъ вывелъ путемъ субъективистическимъ изъ мотивовъ обмѣнивающихся лицъ, но выпустилъ его въ свѣтъ путемъ неправильныхъ родовъ діалектики въ формѣ столь произвольной и противорѣчащей фактамъ, какъ это, можетъ быть, никогда еще не встрѣчалось въ исторіи нашей науки. Сверхъ того, Марксъ не могъ твердо устоять при «объективизмѣ». Онъ не могъ избѣжать ссылки на мотивы дѣйствующихъ лицъ, какъ на дѣйствующую силу въ его системѣ. Это дѣлается имъ особенно при его ссылкѣ на «конкурренцію».

Неужели это значитъ требовать слишкомъ много, если тре-

я твердо держусь того мнѣнія, что нельзя ожидать законосообразности въ дѣйствіяхъ безъ законосообразности въ мотивахъ; но рядомъ съ этимъ считаю вполнѣ возможнымъ,—чѣмъ, можетъ быть, удовольствуется Зомбартъ съ его методологической точки врѣнія,—что мы можемъ постигать объективныя законосообразности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и индуктивно устанавливать, не зная хода мотивації и не понимая его. Невозможны закономообразныя дѣйствія безъ законосообразной мотивації, но вполнѣ возможно познаніе законосообразныхъ дѣйствій безъ знанія соотвѣтствующей мотивації.

бовать, чтобы Маркс, разъ онъ уже дѣлаетъ субъективистическія вставки въ свою систему, дѣлалъ ихъ правильно, основательно и безъ противорѣчій? И противъ этого справедливаго требованія Маркса опять-таки погрѣшилъ. Эти погрѣшности, я опять повторяю, не имѣютъ никакого отношенія къ выбору методы, но преслѣдуются при примѣненіи какой угодно методы и были для меня основаніемъ, почему я опровергалъ и опровергаю теорію Маркса, какъ невѣрную: она относится, по моему, къ единственному непозволительному genre'у—genre'у фальшивыхъ теорій!

Поэтому я уже давно держался и держусь той точки зрѣнія, на которую Зомбартъ хочетъ перевести долженствующую быть вызванной будущую критику Маркса. Ему кажется, что «слѣдовало-бы въ такой формѣ сдѣлать опытъ оцѣнки и критики системы Маркса: можетъ-ли объективистическое направленіе въ политической экономіи быть признано исключающимъ или дополняющимъ? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, ставится новый вопросъ: показуется-ли метода Маркса количественнаго опредѣленія хозяйственныхъ явленій при помощи мыслительнаго вспомогательнаго средства—понятія цѣнности? Если—да, то является-ли трудъ правильно выбраннымъ содержаніемъ понятія цѣнности?.. Если—да, то могутъ-ли быть оспариваемы веденіе доказательствъ Маркса, систематическое построеніе, выводы и т. д.». На первый методологическій предварительный вопросъ я уже давно отвѣтилъ въ смыслѣ признанія «дополняющаго» значенія объективистической методы. Равнымъ образомъ для меня было и есть внѣ всякихъ сомнѣній, что, говоря словами Зомбарта, «количественное опредѣленіе хозяйственныхъ явленій при помощи мыслительнаго вспомогательнаго средства» извѣстнаго понятія цѣнности показуется. На третій вопросъ—является-ли трудъ правильно выбраннымъ содержаніемъ понятія цѣнности,—по моему давнишнему мнѣнію, долженъ быть данъ

рѣшительно отрицательный отвѣтъ, а на четвертый вопросъ—могутъ-ли быть оспариваемы ведепіе доказательствъ Маркса, выводы и т. д.—столь-же рѣшительно утвердительный отвѣтъ.

Какъ рѣшитъ, въ концѣ концовъ, свѣтъ, я нисколько не сомнѣваюсь. У системы Маркса есть прошлое и настоящее, но никакого прочнаго будущаго.

Изъ всѣхъ родовъ экономическихъ системъ, по моему мнѣнію, вѣрнѣе всего обречены къ исчезновенію тѣ, которыя, какъ Марксовская, построены на пустомъ діалектическомъ основаніи. Ловкая реторика можетъ сразу, но не надолго, импонировать человѣческому духу, но на долгое время всегда пріобрѣтаютъ значеніе факты, прочная связь не словъ и фразъ, а причинъ и дѣйствій. Въ области естественныхъ наукъ въ настоящее время появленіе сочиненія, подобнаго сочиненію Маркса, было бы уже прямо невозможно, тогда какъ въ области еще очень молодыхъ соціальныхъ наукъ оно могло пріобрѣсти вліяніе, притомъ весьма большое, и утрачивать его будетъ только весьма и весьма медленно.

Медленно потому, что оно имѣло самую могучую опору не въ убѣжденныхъ головахъ своихъ приверженцевъ, но въ ихъ сердцахъ, въ ихъ желаніяхъ и страстяхъ. Также оно еще долго будетъ существовать за счетъ большаго капитала авторитетности, которую оно пріобрѣло въ глазахъ многихъ лицъ. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ настоящей статьѣ я указалъ, что Марксъ, какъ писатель, былъ очень счастливъ. Не послѣднимъ въ ряду счастливыхъ обстоятельствъ его писательской участи, какъ мнѣ кажется, было то, что завершеніе его системы послѣдовало черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти и почти 30 лѣтъ послѣ появленія перваго тома. Если бы ученія и утвержденія третьяго тома предстали передъ непредъубѣжденными еще читателями одновременно съ первымъ томомъ, то, думается мнѣ, немного нашлось бы читателей, которымъ ло-

гика перваго тома не показалось бы нѣсколько сомнительной! Но въ настоящее время за 30 лѣтъ глубоко укоренившаяся вѣра въ авторитетъ представляетъ собою такой болверкъ противъ воздѣйствія критики, что онъ, хотя и несомнѣнно, но только медленно будетъ разрушаться. Но когда и это совершится, вмѣстѣ съ системой Маркса не окажется еще побѣжденнымъ соціализмъ, ни теоретическій, ни практическій. Какъ былъ соціализмъ до Маркса, такъ онъ будетъ и послѣ Маркса. Для того, что есть въ соціализмѣ жизнеспособнаго—а что, несмотря на всѣ преувеличенія въ немъ есть кое-что жизнеспособное, это доказываетъ не только несомнѣнное освѣженіе, которымъ экономическая теорія обязана выступленію соціалистическихъ теоретиковъ, но и знаменитая «капля соціальнаго масла», которымъ теперь повсюду обыкновенно смазываются, и весьма часто, конечно, къ ихъ выгодѣ, мѣропріятія государственной политики.—итакъ, говорю я, для того, что въ соціализмѣ есть жизнеспособнаго его руководящіе умы навѣрно не замедлятъ поискать своевременно точку соприкосновенія съ болѣе жизнеспособной научной системой. Они постараются гнилыя подпоры замѣнить новыми. Будущее покажетъ, насколько окажутся очищенными идеи, еще находящіяся въ броженіи. Можетъ быть, можно надѣяться, что при этомъ дѣло не окажется вращающимся все въ томъ-же заколдованномъ кругѣ, но кое-какія ошибки навсегда будутъ отвинчены, а кое-какія свѣдѣнія будутъ окончательно включены въ сокровищницу прочнаго знанія, не допускающаго оспариванія, несмотря на партійныя страсти.

Марксу обезпечено прочное мѣсто въ исторіи соціальныхъ наукъ по тѣмъ же основаніямъ и при томъ же смѣшеніи положительныхъ и отрицательныхъ достоинствъ, какъ и его прообразу—Гегелю. Оба лично были геніальными мыслителями. Оба, каждый въ своей области, пріобрѣли громадное вліяніе на мышленіе и на чувства цѣлыхъ поколѣній, даже можно

сказать, на духъ времени. Но оригинальное теоретическое сочиненіе у каждаго изъ нихъ представляло собою въ высшей степени искусно задуманный, при помощи сказочной силы къ комбинированію съ бесчисленными этажами мыслей выстроенный, при помощи удивительной силы мысли поддерживавшійся— карточный домъ.

Сочиненія П. И. ГЕОРГІЕВСКАГО.

Международная хлѣбная торговля. Т. I (361 стр.). Страны ввоза (Англія, Франція и Германія). Спб. 1885 г., цѣна 3 р.

Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ (328 стр.). Спб. 1887 г., цѣна 2 р. 50 к.

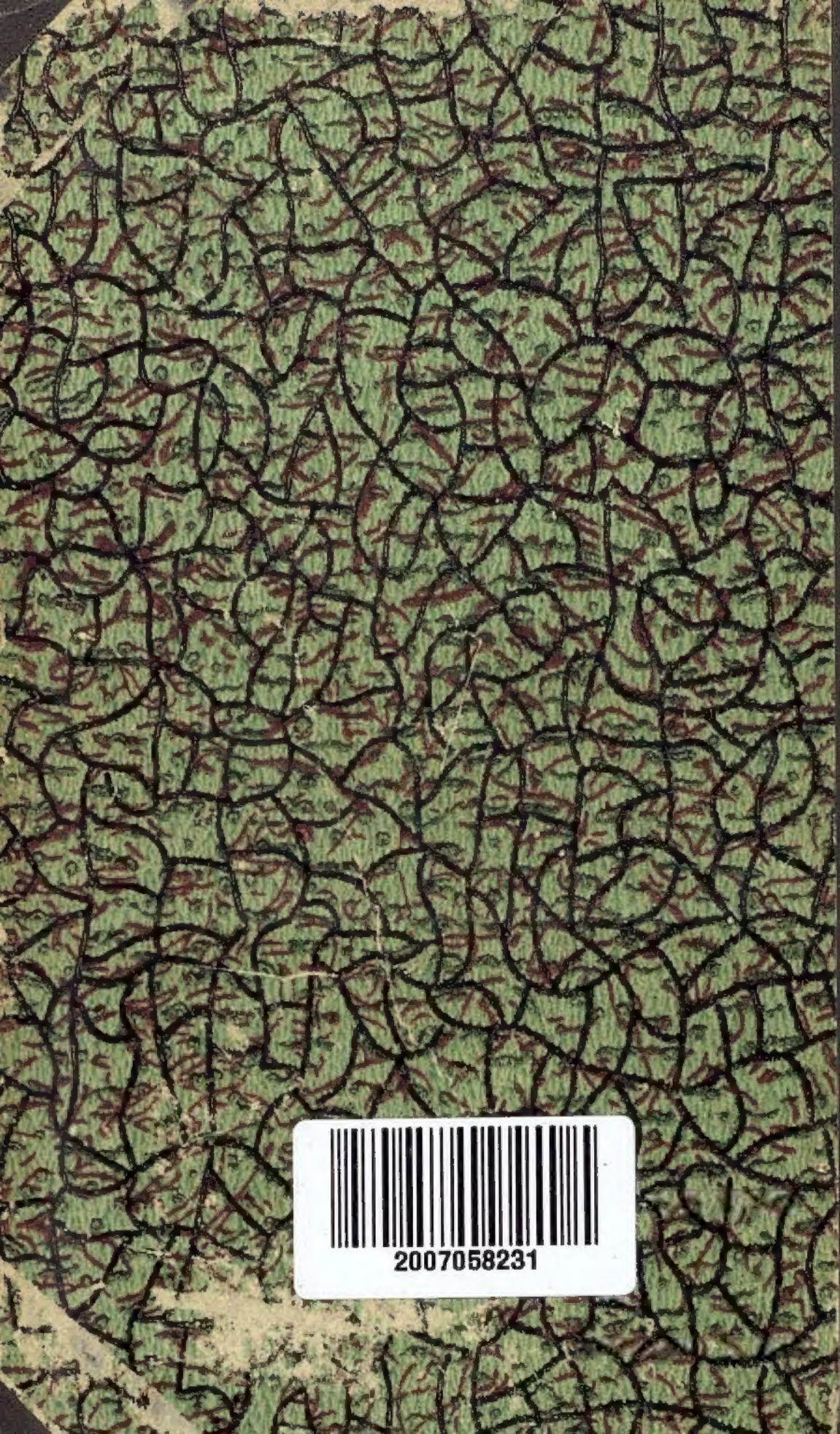
Пособіе къ лекціямъ по Политической экономіи (269 стр.). Спб. 1890 г., цѣна 2 р.

Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX вѣкѣ (96 стр.). Спб. 1893 г., цѣна 1 р.

Политическая экономія. Часть I (256 стр.). Спб. 1893 г., цѣна 1 р. 75 к.; часть II, вып. 1 (166 стр.). Спб. 1895 г., цѣна 1 р. 25 к.; часть II, вып. 2 (146 стр.). Спб. 1896 г., цѣна 1 р.

Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность (118 стр.) Спб. 1894 г., цѣна 50 к.

Цѣна 80 коп.


2007058231